С/Р
4-4
Ос 1-857
1936г.- №17-18
-1937г.

2020146825

№ 404/к
А 3602 Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ

ДОНСКОЙ АРХИВЪ
23 февр. 1937 г.
№ 303 404

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции и соц. строительства СССР
ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. 2157

1936 г.
17-18

1937

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Проф. Федор Андреевич Щербина и казачье освободительное движение.

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

2. Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация (Взгляд обществ. на Казачество).
3. Полк. А. БОЯРИНОВ: Невежество или сознательное преступление?
4. П. С. ПОЛЯКОВ: Казаки и русские.
5. Я. И. ЛУПУХ: Казачья политика.
6. А. Е. АКИМОВ: Антикоммунистический фронт
7. Полк. ЗОЛОТОВ: К лучшим людям ДонскойЗемли!
8. Обзоръ иностранной прессы.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

9. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (Продолжение).
7. † Проф. Ф. А. Щербина: Пережитое, передуман. и осуществл. (продолжение).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

11. ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ: Я и моя собака.
12. А. БОЯРИНОВ: Серпиешкины Дни (II).
13. МИХ. МУРЗИН: Атаман Каледин.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

14. Кончина и погребение Ф. А. Щербины.
15. Из жизни казаков в Югославии.

ОТКЛИКИ

16. Письмо в редакцию. П. Поляков.
17. В. ОГИЕНКО: Младоросский канкан.
18. Поправка от редакции.

ХРОНИКА

Журнал „Казакию" можно получать:

1. В. Париже у Балинова: 7, Rue Chemin-Creux. Joinville le Pont (Seine)
2. В Берлине у Овсяника: Konigien Elisabettisstr. 8. Berlin Charlottenburg.
3. В Праге у д-ра Федорова: Jaromirova, 456. Praha — Nusle-Udoli.
4. В Братиславе у Балыкова: Ruzova dolina, c. 199.
5. В Брно у инж. Запорожца: Krkoskova, 29. Brno — Husovice.
6. В Польше у инж. Тулаева: Wilno, Pielkielko, 7 m 1.
7. В Белграде у Е. Перфильева: Донска ул. 3 бр. 1.
8. В Лионе у Хорунженко: 82, av. Sidoine Apollinaire. Maisôn O. Lion (Vaise)
9. В Америке Аникушин.
10. Казаки из всех других стран могут выписывать прямо из издательства и склада: София. ул. Царь Симеон, 5. П. Н. Кудиновъ.

с новым годом и рождеством христовым братя-казаки:

Еще один год тяжкого нашего изгнания мы сбросили с плеч со всею его горечью и несбывшимися надеждами. Наступает новый год, — год, который, по мнению всех, несет миру большие события.

Все Вы, братья наши, знаете, какие надежды возлагаем мы, казачьи националисты, на международные политические события в деле выправления казачьей доли.

Также Вы помните и то, что только об'единенными и хорошо подготвленными силами может народ отвоевать свое счастье и занять достойное место под солнцем.

Перед предстоящим национальным испытанием — экзаменом на право существования, поздраляя Вас с Новым Годом и Рождеством Христовым, призываем Вас, братья казаки, к единению вокруг идеи освобождения и возрождения Казачества. Помните, что свобода народа, как и свобода отдельного человека, коренное условие счастливой жизни.

Пусть рождающийся Новый Год и Рождество Христово принесут нам и начало возрождению многострадального Казачества.

Пусть каждый член Казачьего Национального Движения будет готов честно выполнить свой долг перед народом в духе нашего идейного исповедания. Да здравствует Казачество!

Сотрудники „Казакии"

Др. Инж. Алейников,	Агр. Евсиков,	П. Ковган,	А. Огиенко,
Есаул Алимов,	Агр. Ермеев,	Я. Ковган,	Инж. к. Первильев,
Ш. Балинов,	Есуал Елисеев,	Я. И. Лупух,	Инж. Персидскоа,
И. Безуглов,	Полк. Жуков,	Есуал Кысенков,	П. Поляков,
С. Балыков,	Полк. Золотов,	Инж. Медведев,	Есуал Ттофимов,
Полк. Бояринов,	Инж. Запорожец,	Инж. Мурзин,	С. Тищенко,
Инж. Глазков,	Есуал Кудинов,	Инж. К. Мосев,	Инж. Тулаев,
Инж. Головчанский,	С. Косоротов,	А. Медяник,	Есуал Харуженко,
Г. Ермееко,	Инж. Колесов,	Есуал Овсяник,	Полк. Др. Фодоров,
Ийж. Д. Ерменко,	Инж. Карпушкин,	Ф. Оболенский,	Инж. Фесенко.

Всех казаков националистов в Болгарии, Окружное правление поздравляет с праздником Рождества Христова и Новым 1937 годом.

Пусть же этот наступающий 1937 год. будет последним нашей скороб но чужой земле

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	1937 В перепл. един соедин. №№ вып. №17-18	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб.	Экз. списка	1961 поправкой	1961 г.
2	1						536/170		

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№11-12 (17-18) Декабрь 1936 и Январь 1937 года. Болгария. София, Царь Симеон, 5 № 11-12 (17-18)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА

Федор Андреевич Щербина и казачье освободительное движение.

Казакам-нашим современникам излишне говорить о том — кто был проф. Федор Андреевич Щербина, какого исключительного и заслуженного сына похоронило недавно Казачество на чужбине. О личности и деятельности Федора Андреевича много раз говорилось и еще больше писалось по поводу его юбилеев.

(Так, например, по случаю 60-тилетия его научной и литературной деятельности прекрасный биографический очерк, написанный Д-ром С. Федоровым, был издан отдельной книгой редакцией „Кавказского Казака“ в 1932 году. По поводу 80 тилетия в № 30 „Вольного Казачества“ была дана тем же С. Федоровым обстоятельная статья о Федоре Андреевиче. В связи с празднованием казаками 85-тилетия Федора Андреевича инж. Б. Фесенко была дана большая статья во 2-м номере журнала „Казакии“ и т. д. и т. д.). Да и без всего этого, всякий казак знает — кем был проф. Щербина, ибо недаром слово „дід“ стало как бы вторым именем Федора Андреевича.

Поэтому в настоящей статье, наряду с описанием его смерти и погребения, нам хочется говорить не вообще о Федоре Андреевиче, а только об отдельном отрезке его долгого жизненного пути, передать казакам о последнем его умственном и душевном порыве, а именно — об отношении покойного патриарха казачьей культуры к казачьему национально освободительному движению в лице Вольного Казачества.

Принципиальное его отношение к Вольно Казачьему движению открыто выявилось на первом же публичном собрании вольных казаков 10 дек. 1928 года, когда редакция „ВК“, шумной и многочисленной тогда семьей, устраивала празднование первой годовшины. На этом многолюдном собрании Федор Андреевич недвусмысленно приветствовал казачью освободительную идею и чуть ли не первым из казаков подчеркнул в своей речи то, что освободительные устремления Казачества не являются новостью, что они имеют корни в глубине истории.

С тех пор, почти каждый год, Федор Андреевич посещал наш редакционный праздник и выявлял свое положительное отношение к работе вольных казаков. Нечего говорить о том, какое большое моральное значение имела эта его поддержка для нас, молодых вольнах казаков, на которых со всех сторон яростно сыпались устные и печатные нападки и проклятия. В этих выступлениях Федора Андреевича мы черпали тогда моральную силу на будущий год и забывали горечи от напастей года минувшего.

Но, наряду с таким положительным отношением к ВК идее, Федор Андреевич почему-то не сотрудничал в нашем журнале „Вольное Казачество“, не смотря на наличие у него большого количества ценных материалов и ряда благоприятных условий для печатания их со стороны редакции „ВК“. Многих из нас такое поведение деда приводило в недоумение. Мы видели, что все попытки редактора „ВК“ привлечь Ф. А. к сотрудничеству в журнале кончались неудачей. Его не соблазнили хорошие материальные перспективы в виде специальных гонораров.

Только летом 1931 года для работающих в редакции „ВК“ стала ясною причина воздержания Федора Андреевича от сотрудничества в органе казачьего национального движения.

Командированный к нему со специальной миссией полк. К. Т. Бережный (тогдашний секр. Центр. Ком.) имел с Федором Андреевичем продолжительный и откровенный разговор.

Оказалось, что дед, безусловно разделяя идею ВК, в корне не одобряет организационную постановку руководства ВК движением, а самое главное — совершенно не верит в способности г. Билого быть достойным руководителем движения. Только получив такое недвусмысленное мнение деда, редактор „ВК“ прекратил свои попытки привлечь его к сотрудничеству.

Искренность такого поведения Федора Андреевича (т. е. положительное отношение к идее, но отрицательное к руководителю Б-му) особенно наглядно выявилась в связи с образованием Вр. Центр. Правления и появлением жур. „Казакии“....

Тяжелое то было время для нас!...

Разбросанные по разным странам члены разогнанного Билым ЦП и Малого Круга, без налаженной связи, без возможности с'ехаться и поговорить, без всяких средств для работы, связанные долголетним лойальным сотрудничеством с Билым, они вступали в борьбу с ним, имеющим в своем бесконтрольном распоряжении солидные средства, влиятельный на в. каз. массу регулярно выходящий печатный орган и почти окрепшую хотя и не заслуженную личную популярность!...

Не раз многих из нас брало сомнение, не один считал борьбу обреченной по примеру прежних случаев, мы знали полную беспринципность врага, но

наше сознание своей ответственности, наше возмущение грязными делами распоясавшегося Билого были настолько сильны, что мы не сочли возможным дальше молчать.

И вот в эту минуту нам протянул свою дедовскую руку Федор Андреевич. На наше предложение сотрудничества, он прислал начало своего труда „Пережитое, передуманное и осуществленное" при следующем ободрившем нас письме:

„Братья казаки и все казачье население. Старый казак обращается к вам с призывом сосредоточить ваше внимание и ваши интеллектуальные и моральные силы на ярко наметившемся историческом моменте казачьего единения и независимости в настоящее время.

Это призыв реального течения казачьей жизни и залог светлой казачьей будушности. Не следует забывать, что казачья демократическая мощь искони держалась и укреплялась процессом братства, равенства и свободы.

Вперед по этому славному пути, казаки! XI—30—33".

Стоит ли говорить о том, — какое бодрящее действие оказал на нас этот голос патриарха казачьей общественной мысли.

Ободренные этим его актом, мы предложили ему взять под свое почетное председательствование Врем. Центр. Правление. И на это наше предложение он быстро ответил письмом следующего содержания: „Сердечно благодарю вольных казаков за оказанную мне честь избрания почетным председателем. 10—I—1934".

Так, чуткий душой Федор Андреевич, которого не мог соблазнить руководитель ВК со всеми его возможностями, дал свое большое имя нам, молодым националистам, а свой ценный историко-бытовой труд из жизни Казачества за последние почти 80 лет он даром дал в наш скромный журнал из-под ручного размножевателя.

Это было первое и ценнейшее оправдание нашей работы в самом начале. За широкою спиною Федора Андреевича, за его большим и чистым именем мы уже не боялись вражеских клевет. И действительно:

Не прошло много времени, как Билый пустил в наш адрес гнуснейшие намеки в служении большевизму, а с его легкой руки пошли было разговоры и по вольно-казачьей массе.

Конечно, правда, рано или поздно, пробила бы себе пут, но в первое время биловская клевета могла наделать нам не мало вреда. И тут то пригодилось имя проф. Щербины. Были такие случаи, о которых нам сообщали наши сторонники:

— Читал журнал „Казакию"?...

— Зачем мне его читат? Это-же большевики издают! Вон в „Вольном Казачестве" ясно сказано!

— Слушай, ты знаешь — кто такой проф. Федор Андреевич Щербина?

— А как-же не знать? Хорошо знаю!

— Так вот он сотрудничает в „Казакии" и он же является Предс. Вр. Центр. Правления.

— Да ну!... Покажи!... Гм... Это другое дело; „ВК", значит, соврало...

Такова была роль Федора Андреевича в деле укрепления группы „Казакии". Только этой его ролью и можно об'яснить то обстоятельство, что Билый вдруг, ни с того ни с сего, начал травлю Щербины в своем журнале, да только осекся в самом же начале под дружный окрик всех порядочных казаков...

Ныне наш дорогой дед нас оставил. Он умер естественной смертью, пройдя долгий жизненный путь, полный ценной работой, славой и любовью народной.

Как заходящее солнце в последний раз яркими красками освещает мрачные тучи, так и Федор Андреевич, стоя едной ногой уже в могиле, оказал ценную услугу своим внукам, казачьим националистам и благословил нас на борьбу за свободу.

„Вперед по этому славному пути казаки!" не перестанет звучать в наших сердцах призывной трубой.

Редакция.

Д-Р С. ФЕДОРОВ (ЧСР)

Казачья нация

(Взгляд общественности на Казачество)

Теперь, после революционных событий, Казачество стоит перед фактом начала консолидации своей общественности под лозунгом „свой к своему", она протекает при широком участии казачьей организационной самодеятельности в пользу возникновения слияния различных казачьих организаций и об'единений в общеказачьи. Каких бы различных убеждений ни были казаки, но идея общеказачьего об'единения и формирования общественности эмигрантского казачества, независимо от разности убеждений и взглядов по некоторым вопросам охватываетъ все большие круги.

Духовно освобождаясь от русского руководительства, казачья интеллигенция чувствует необходимость своей собственной организации и вынесения казачьей самобытности на широкое поле научной обоснованности в целях борьбы за свое существование. При этом ей нередко приходится вступать в конфликт с старшей казачьй, уже ассимилированной генерацией.

Этот процесс отхода „детей от отцов" особенно заметен у той части младшей генерации казачьей общественности, которая очутилась заграницей и, об'единенная в казачьи студенческие организации, освободилась от моральных цепей единонеделимческой обобщающей культуры. Из нее преимущественно созидается авангард казачьих передовых бойцов за свою национальную государственность, хотя среди них, как явление исключительное и приятное, встречаются и лица, вышедшие из среды общественности старой российской культуры; среди них можно иногда увидеть и седых казаков, ученых, генералов царских времен, блестящих генштабистов, кадровых офицеров, как людей, у которых сознание своего казачьего — Я и сила воли оказались настолько

недюженными, что они сумели порвать на себе российские путы. В особенности пример в этом отношении дают донцы, как представители казачьего центрального ядра.

Необходимо иметь в виду, что вышеупомянутые студенческие союзы составлялись первоначально из лиц со средним возрастом в 25 лет, из людей уже имевших за собою некоторый общественный стаж, из непосредственных руководителей масс, закаленных в борьбе за свободу, хотя также бывших воспитанниками исключительно единороссийской культуры.

Весь этот процесс сопровождался присущей казачеству умеренностью, без бьющего в глаза демонстративного шовинизма и национального сектанство, если не считать неизбежных, как и всюду, редких исключений.

„Казаки студенты — писал более чем 10 лет тому назад студенческий орган в Праге — в большинстве своей массы не входили в общероссийские студенческие организации, предпочитая именоваться „дикарями", как называли тогда всех бывших вне организаций.

Да и те казаки, которые попали по различным причинам в неказачьи организации, постепенно присоединились к „нелегально" существующим организациям казачьего студенчества. Было видно, что почти все казаки студенты и большинство коренных „иногородних" с Казачьих Земель были зарегистрированы в своих казачьих организациях, и из них около 80 процентов не состояло в союзах русских студентов, предпочитая быть „дикими".

По создании легального казачьего об'единения туда вошло почти все казачье студенчество, без разделения на политические верования, от крайних правых до левых, от самостийников до монархистов, создавая как бы единное национальное об'единение. Этот процесс, как реакция на отношение российских руководящих кругов, прошел через всю казачью общественность по всему свету; он был бы еще более разительным, если бы государственные власти стран, приютивших казачество, не были все еще под влиянием старого взгляда, что и казаки, и украинцы, и даже не славянские народы из быв. Рос. империи, все же — русские.

Тот же антагонизм проявляется и в других организациях казачьей эмигрантской общественности в отношении подобных же общерусских организаций, где сперва и те и другие были вместе.

О нелюбви русских к казакам писали не раз и такие поборники общеруссизма, как покойный Донской Атаман ген. Богаевский.

Казачество убедилось к этому времени, что оно фактически морально изолировано, имея в общероссийской общественности только врагов справа а и слева и что оно не имеет настоящих друзей среди многочисленной эмиграции.

Найти и создать их и стало целью казачьих националистов, и искать их надо было среди тех, кто поставил себе одну и ту же цель — освобождение родных земель из под ига оккупантов.

„К стыду своему мы должны сознаться, что российская интеллигенция казачества не знает, духа его не понимает, истории его не слышало и судит о его самостийности и настроениях с высоты птичьего полета" — пишет один из российских деятелей, и это в равной мере относится ко всей интеллигенции Востока Европы.

Он не ошибается. Все время, на протяжении всей своей жизни, от времени связи Казачества с Московской государственностью и до наших дней, российская общественность, вся без исключения, во всех слоях и кругах, имела тот старинный взгляд на Казачество, как на „воровских людей". Односторонние и до невозможности преувеличенные представления о Казачестве существует долгое время не только у российской общественности, заинтересованной в исчезновении Казачества, но и у тех, кто в свое время имели случай столкновения с казачьей военной доблестью, как, например, французы, турки, поляки и др. Представления у них о казаках связываются с грабежами; казак у них прежде всего считался разбойником и невежественным представителем рода человеческого; казаку отводилось в истории место дикаря; в нем усматривали разрушителя основ и начал цивилизации и по меньшей мере „злого татарина". О казаках ходили самые разнообразные выдумки; казак, по их мнению, жил и кормился исключительно разбоями, косил шашкою головы мирных граждан направо и налево, просто из любви к искусству, не признавал ничего святого, ни семейных уз, ни религии, ни веления долга, всюду сеял враждебность и разрушение; одним словом — всему Казачеству приписывалось то, что можно было сказать с таким же правом о любом из культурных народов, так как преступность, к сожалению, развивается паралельно с развитием этой самой „псевдокультуры", о которой нам столько жужжали в уши в эмиграции.

Но постепенно действительная духовная физиономия казака-гражданина выявляется на свет Божий, и только теперь, путем непосредственных сношений с казаками и наблюдений их, внешний мир начинает познавать казаков такими, какими они есть.

В то время, когда мы замечаем беспомощную неопределенность и малоплодотворные занятия пересудами в большей части русской эмиграции, то, с другой стороны, у тех, кто с гордостью называет себя казаками, наблюдаем планомерную и организованную работу, которую они проводят с врожденной им неиссякаемой бодростью, общечеловеческой солидарностью и молодецким порывом.

Воспитанный в духе строгого патриархального подчинения, казак выработал в себе сознательную дисциплинированость, понимание равенства всех, убежденность народоправца и вообще солидарность в духе „один за всех, все за одного". Таковым является новейшая характеристика казака европейской прессой.

Но и в старину, в трудах некоторых иностранцев, которые, не довольствуясь рекомендацией казаков русской интеллигенцией, сами близко соприкоснулись с Казачеством, можно было встретить правдивые освещения. Так, например, Кларк, Паллас, Де Романо, познавшие казаков в эпоху Наполеоновских войн, выводили казаков в своих описаниях, как по своей природе добрый народ, с вольной конституцией. Англичанин на переломе XVII—XIX столетий, описывая казаков, как сознательных, полных чувства своего достоинства вольных граждан, для русских крестьян не находил иных определений, кроме — „рабов глупых и плутоватых".

Казачество служило для русских только как средство для осуществления их очередных военных домогательств. Как только эта нужда в казаках про-

ходила, их сейчас же переводили на положение „пасынков матушки России". Центральное российское правительство все время урезывало казачьи права и вольности в пользу российского люда, а в случаях казачьих беспокойств, не шла дальше обещаний, которые в большинстве случаев не сдерживались.

Российская аристократия, да и вообще интеллигенция, относилась к казакам с незаслуженной пренебрежительностью и пренебрежением не только к казачьей массе, но и к ее передовой и лучшей части — интеллигенции. Казачья романтика и его прошлое в истории кое кого захватывали, но, все таки, далее — „наших казачков" не шло.

Русский помещик, часто обращавшийся к казачьей помощи в случаях социальных беспорядков, порою не желал дать его охранителям самых примитивных удобств и оказать обычных услуг.

Русская либеральная интелигенция, в особенности проникнутые революционным душком, смотрела на казаков, как на заклятых врагов.

Обыкновенное крестьянство, в свое время вселявшееся на казачьи земли в поисках лучшей жизни и спасения от российских невзгод, становилось на сторону врагов Казачества и всегда занимало самое неприязненное отношение к хозяевам земли казачьей. У простого мужика в России, казак едва ли могли допроситься ведра, чтобы напоить коня.

Еще хуже стало после революции 1905 года: Для русской интеллигенции казаки навеки стали „опричниками", для рабочих и крестьян — „врагами, палачами, спущенной сворой собак . . ." Казаки перестали быть людьми даже для всех тех собственников, безопасность и имущество которых пришлось казакам защищать во имя порядка и законности в стране! . . .

„Злая доля и политика старого режима, которому нельзя отказать в остроумии, ибо он, уничтожив казачью государственную автономию (единственный в России вольный народ, чуждый робства), обратил казаков в орудие борьбы с свободой, излечивая казачьей нагайкой внутренние российские болезни" — писал Горелов.

Навеянная столетиями враждебность и природная различность от казачьего быта всюду пробивались у русского люда.

Москва старалась привлечь к себе некоторые казачьи круги для того, чтобы этим ослабить влияние Казачества на российскую жизнь в духе равноправности, но это не всегда ей удавалось. Петр I начал брутально расхищать вольности Запорожья и Дона, этих своеобразных республик в его монархии.

Казачество, при защите своих прав, постоянно натыкалось на сопротивление правительства и населения. Было бы ошибочно сваливать всё только на царский режим, как это любили делать наши демократы. Когда казакам хотят доказать, что нужно строго отличать в дореволюционной национальной политике два различных фактора: с одной стороны — правительство, а с другой — общественность и народ, то, всё таки, из их доказательств выходит, что хотя они не раз действовали противоположно, но в отношении Казачества всегда держались одной и той же руководящей линии — никакой казачьей обособленности, Единая Россия. В этом Казачество в особенности убедилось во время войны с большевиками и в эмиграции.

Мысль, что царское правительство было благодетелем для Казачества привилась как среди самых казаков, так и среди населения самой России, совершенно ни на чем не основано. И сейчас в эмиграции мы видим целую партию (младороссы), строющую свои положения на этом мнимом благоденствии Казачества под скипетером царя. Выше мы приводили какого рода были эти „благодеяния"; порою они ничем не отличались от „благодеяний" советской власти, которой ведь тоже поют дифирамбы в СССР.

Но все же, как это ни парадоксально, а необходимо признать, что царское правительство более постепенно и мягче шло к уничтожению Казачества, чем того требовал сам русский народ, в лице различных его представителей разных веков и времен, а в особенности в революции 1917 года, когда некоторые министры, не успев занять кресло, сразу же заговорили о „потеснении казаков".

Обвинения в развращающей деятельности военщины и правительства, в одинаковой степени исходили из уст русских, украинских и казачьих „передовых" интеллигентов, обросших российским мясцом; они как бы не хотели понимать, что обособленность Казачества от остальной массы населения империи была явлением природно-исторического и этнического характера, а не социально-классовой привилегией.

„Наследники Петра щедрым предоставлением привилегий обособили Дон, Кубань и Терек от остального населения России — за границами своих земель казак привычен вести себя как в покоренном крае" — писал Горелов.

Как и всякий русский интеллигент в казачьем вопросе, он не утруждал себя глубже вникнуть, а судил только по внешнему факту. Ему, видимо, и в голову не приходило, что эти видимые им „привилегии" Казачества есть ничто иное, как жалкие обломки собственных казачьих суверенных прав, утерянных с вхождением Казачества в лоно России, что эти остатки казачьего добра, по „купчей крепости", передаются царями казачьим детям.

Кадетские депутаты в Государственной думе обвиняли правительство, что „оно искусственно поддерживает обособленность Казачества, развивает в нем неприязнь к остальному населению, к иногородним, к российской общественности."

До последнего времени, до освободительной эпохи, для казака его область была особым миром. Это — моя страна, я тут дома, а там — Россия, там чужое, и казак всегда тяготился связью с нею. Недаром казаки со службы в полках возвращались домой как с чужбины, добравшись до границы своей земли снимали шапки и радостно крестились, словно вырвавшиеся из плена.

„Потокаючи таким инстинктам, русское правительство, в своей политике по отношению к Казачеству, сохраняло все внешние признаки этой обособленности" — говорил знаток казачьего житья, член русской кадетской партии, донской казак Харламов, позднейший председатель Войскового Круга самостоятельного Дона.

Другой, тоже ушибленный демократизмом, возмущался, что казакам прививалось презрение к „кацапам и хохлам" и что их посылали „против дорогой и для всех казаков общей матери родины" (Араканцев). Это желание навязать Казачеству любовь к „дорогой единой родине" и привело к тем ошибкам в

борьбе Казачества за независимость, за которые оно дорого заплатило после 1917 года.

Нежелание Казачества вмешиваться в российские дела, трактовалось как „пограничная болезнь"; казачьи вожди не понимали того, что с Казачеством воевала не советская власть, не Коммунистическая партия и не РСФСР, а целый русский народ. Ведь всё, что дал русский народ для борьбы с большевизмом, была горсточка добровольцев в десяток тысяч на ее Юге, да и то три четверти их были из „малороссов", а не из русских. В это же время один Дон выставил до 50 тысяч бойцов; одна Кубань, в самый тяжелый момент ее борьбы, на Черноморском побережьи имела 55 тысяч войска, а там были далеко не все полки и батальоны. Один только Ейский отдел, вооруживши всех казаков от 15 до 55 лет и старше, способных носить оружие, создал много новых частей.

Психология казачьей народной массы была высказана следующей классической речью на Донском Войсковом Кругу:

„Я коснусь одному господа члены, как мы на той поприще стоим, чтоб нам свово не отдать, а чужова нам не надо, то надо до това добиться, штоб ёти флажки (указывает на карту с обозначением линии фронта) назад не передвигались, но и в даль далеко не пущались. Россия?... Конешно страна была порядошная, а ныне призошла в низость, ну и пущай... У нас и своих делов не мало собственных... Прямо сказать господа члены, кто пропитан казачеством, тот сваво не должон отдавать дурно. А насчет России повременить. Пущай Круг идет к намеченной цели, штоб спасти Родной Край — пригребай к свому берегу!... Больше ничего не имею господа члены."

Для нас совершенно понятна та реакция против российской гегемонии, которая настала в казачестве сейчас же после взрыва революции. Отбрасывая все взгляды официальной истории России на казаков, как на верных слуг против ее врагов внешних и внутренних, вместе с тем казачья общественность отбрасывала и ту мысль, что порядок в Российской империи удерживается только казачьей нагайкой. Принцип народоправства, как единственный закономерный образ правления, стал традиционной основой казачьей политики, своего рода догматом, в каком оно желало усматривать самую сущность государственной жизни своих возрожденных республик.

Казачество признало в мужике, холопе и рабе, человека и посвятило себя борьбе за освобождение бесправных и униженных, но эта его борьба не встретила сочувствия и понимания у самого русского народа, но вызвало противодействие с их стороны и увлекло их на путь поддержки большевизма.

Произошло это потому, что движение казачества не соответствовало государственным идеалам русского народа, или его идеал государственного устройства не соответствовал задачам казачьего народоправства. Это вызывало ошибочное отношение к казачеству как со стороны правительственных кругов, так и их противников.

Россия не дала еще историка, который бы полной мерой отмерил казачеству об'ективную правду и отвел бы ему независимое место на страницах российской истории. Русская общественность никогда не знала ни казачества, ни его истории, ни ее путей. А корень превратных взглядов следует усматривать в глубине российской историографии.

Летописи русские и московские редко когда упоминают о казачестве и их предках. Летописная традиция установила взгляд, что „народ, который выходит из под власти национальной державы, перестает быть народом, т. е. россияне только те, кто живет на территории Руси, а всё, что вышло, так или иначе, за ее пределы, чужое". Все это по летописям, Степенной книге, Синопсису. Взгляд этот господствовал до второй половины XIX столетия. Поэтому ранее ни Югу, ни Западу не уделялось должного внимания, и Казачество до того времени так и считалось обособленным. Примеров могли бы привести массу.

Со временем, с легкой руки историка Устрялова, восторжествовала другая мысль, противоположная первой: Она давала Западу и Югу равное место с Великороссией, среди русского народа и воспитывала общественность во взгляде наших времен на „Единую Россию". Вполне понятно, что каждое проявление, которое идет наперекор традиции почти столетие прививавшейся в школах России встречает резкое сопротивление со стороны интеллигенции, воспитанной в ином духе.

У них господствует старая московская теория Погодина, по которой татары опустошили степь, и всё, что не бежало под защиту великороссов, было перебито, а позднейшее население это, моль, уже другой, народ. Отсюда логически и вытекало то, что Казачество, будто, есть продукт беглецов из Московской или Литовской государственности. Так трактуют и до сих пор некоторые псевдоказачьи „ученые", вроде некоего „Д-ра гос. наук".

Великорусская гегемония научно развита Соловьевым. Ее можно характеризовать следующим образом: Великороссия создала центр и ей должно быть отдано первенство, иные же ветви, не проявившие способностей к государственному строительству, не имеют права на равную роль, а Юг, в частности, не заслуживает никакого внимания, его роль была разрушительной.

Официальные взгляды, официальная история никогда, обыкновенно, не осветят беспристрастно Казачества и не отдадут ему должного. Они всегда будут приспосабливаться к духу данного государственного строя, уродуя факты, как это мы видим сейчас у Покровского, построившего свою историю применительно к марксизму и теории классовой борьбы. У него уния это своеобразная форма национального угнетения, Запорожское Казачество ... буржуазия! Подобное, если не более горшее, мы видим в отношении Казачества и у остальных советских историков, а можем дождаться и полного поворота в связи с недавним оборотом советской власти лицом к Казачеству.

Отсюда и ложное представление о Казачестве, как о военном сословии, способном только к лихим атакам и парадным украшениям — с одной стороны; о „казачках", как оригинальных вестовых и расторопных служаках — с другой; как о свирепых нагаечниках — с третьей.

Все это происходит потому, что различные казусы историко-политико-экономического порядка, и исторические противоречия российской государственной жизни не освещались и не выявлялись в подлинном свете, а все время подгонялись под

рамки строгой системы, угодной данному строю, а прежде всего в угоду национальному эгоизму великорусского народа.

Если бы казаки, в самом деле, были такими, какими их, к сожалению, стараются сделать некоторые „историки", они не создали бы у себя таких высоких идеалов, рыцарских понятий про обязанность и честь, не народились бы те глубоко нравственные обычаи и традиции, которые управляют Казачеством во всех проявлениях его жизни.

К казачьему вопросу надо подходить осторожно, научно, в особенности тем, которые предубежденно видят в Казачестве что-то вроде удалого люда, или шайки грабителей, олицетворение косности и грубости, т. е. — все признаки антиобщественного элемента. Нельзя расценивать казака, как что-то с грабительским и разбойничьим инстинктом, в соответствии с теми взглядами, которые и до сих пор существуют у русской интеллигенции с легкой руки старых революционеров.

Казачество есть народ, который в своей общественной жизни выявил идеально все то хорошее и благородное, что никогда не могло быть выявлено у русского крестьянства.

Казаки это люди с сильной эмоцией и волей, внутренним огнем и чувством государственности, пропитанные духом дисциплины и организованности, работоспособные и настойчивые — они могут создать разумную и твердую государственную власть без реакционности и разнузданной слабости; казаки тяжело переносят над собою чужое господство.

Казачество демократично в самом себе, в его среде равноправие абсолютно, без разделения на политические общественные группировки, но этот демократизм имеет специфическую казачью тенденцию: Вне Казачества казачья масса тоже признает равноправие, но негативную — неказак в его среде пользоваться казачьими правами не мог.

И не этому ли Казачество обязано, что против него действует единый противоказачий фронт, когда каждое проявление не только казачьего национализма, но и самобытности, встречает решительное возмущение со стороны всех русских кругов?!

„Самостийнические" течения Казачества принято рассматривать, как государственное преступление. Также рассматривали его монархи, также и Колчак, Деникин, Врангель, Троцкий, Ленин и теперешний властитель Сталин. Ничем от них не отличаются по казачьему вопросу и Керенский, и Милюков, и Солоневич, и Маслов и наши казачьи прислужники этой всей плеяды.

Поэтому во время казачьей борьбы с красной властью российские эсэры (социалисты революционеры) препятствовали населению Ставрополья и Черноморья — старых казачьих земель — об'единиться с Казачеством, а известный эсэр, кон'юнктурный человек, гвардии полковник Воронович и вооруженно выступал с „зелено-красными" против Кубани.

„Люди, которые торжественно провозглашали, что они борятся за свободу, когда вопрос заходил о свободе не великороссов, не колеблятся ни мгновения, отбрасывая эту свободу для Казачества" — говорит известный революционер, когда-то правая рука Керенского.

По тому же пути идут теперь и советские сатрапы, на словах произносящие хвалу Казачеству, а на деле выселяющие его с родных земель и массами расстреливающие казаков в подвалах. Поэтому самому и царский генерал в эмиграции говорит: „Единое, что хорошого сделали большевики — это уничтожили Казачество". (Эти же самые слова в лицо казаку Ас—ву сказал и г. М. Зайцев, служащий в Рус. Заграниц. архиве в Праге в 1932 году. Ред.).

Эту же самую „положительную" работу большевиков приветствует и эмигрантская социалистическая „Крестьянская Россия" — Маслова.

Мало кто признавал так открыто все ошибки, которые отбросили Казачество от русской государственности, как пок. Савинков: „Следует отучиться думать о том, что мы великороссы соль земли и призваны, по своему образцу, дать устройство всему земному шару. Мы сделали в прошлом не мало ошибок и продолжаем делать их и теперь; „эстонцам, латышам, белоруссам, украинцам и казакам не за что нас любить" — писал этот сильный духом и последовательный человек.

И недоверие и обвинения в сепаратизме испытали не только Дон и Кубань, они тяготели и над Оренбургским казачеством, которое совсем уже считалось своим, великорусским. Даже при Колчаке, в Омске, не хотели понимать казачьих стремлений, и казаки и коренные сибиряки были под подозрением. В этом отношении все русские действуют единодушно, и Казачеству ни в коем случае не следует обольщат себя надеждою, что за ним будет признано все так, как оно хочет, безразлично — обещают ли это социалисты Керенского, монархисты Кирилла, или демократы Милюкова вместе со Сталиным и Ворошиловым. Все они одним миром мазаны, и все они в тот момент, когда с помощью казаков очутятся у власти и укрепятся в ней, также уничтожат Казачество, как это делали цари — Екатерина II, после победоносно законченной войны с Турцией, и ее наследники.

ПОПРАВКА

В №/10 (16) нашего журнала была напечатана статья Я. И. Лопуха под заглавием — „Самостийные шайки", как ответ на крайне несправедливую нападку на казаков-националистов со стороны редактора „Голоса России" г. Плавинского.

Редакция „Казакии" имела приготовленный ответ на этот выпад „ГР", но в последную минуту, получив материал ст. Лопуха, она свой ответ отставила и послала в издательство статью Я. И. Лопуха, так как он, как человек живущий в Софии, давал более конкретные данные по затронутому вопросу.

Псылая статью Я. И., редакция присоединила к ее концу несколько строк из своего ответа с стем, однако, расчетом, что ст. Лопух, живущий и в Софии и имеющий непосредственное общение с издательством (редакция же „Казакии" находится в Чехословакии), увидет свою статью до сдачи материалов в типографию, или даже в наборе и, если будет против этой прибавки, выделит ее из своей статьи.

К сожалению, видимо, этого не случилось и статья напечаталась с нашей прибавкой без ведома автора. Случилось недоразумение, вызванное нахождением редакции и издательсова в разных странах.

Настоящим, по желанию ст. Лопуха, охотно изправляем это недоразумение и заявляем, что последние 27 строк, начиная от слов — „Политика г. Плавинского" и до конца, не принадлежат ст. Лопуху, и он за них ответственности не несет. Эти строки нужно рассматривать, как примечание к статье от редакции.

Редак.

А. Бояринов (Фр.)

НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ!?

За пять веков до Р. Х спартанский царь Леонид и его триста сподвижников сознательно обрекли себя на смерть, защищая Фермопильский проход против полчищ персидского царя Ксеркса. Когда стало известно, что предатель Эфиальт указал персам тропинку, позволявшую обойти гору, Леонид, видя, что смерть неизбежна, пригласил своих соратников на пир, говоря: „Сегодня вечером мы ужинаем у Плутона, т. е на том свете. (Плутон — Бог подзем. цар-ва). И весь отряд Леонида, защищаясь до последнего, пал на поле чести.

На поставленном на поле битвы памятнике надпись гласила: „Странник, возвести спартанцев, что мы легли здесь, верные законам нашей Родины". (Привожу слова надписи по памяти, но смысл их именно таков).

Даже в блестящие времена классического героизма подвиг Леонида и его спартанцев являлся актом исключительной красоты духа, мужеством и глубокой жертвенностью во имя долга перед родиной

Конечно, на протяжение человеческой истории у каждого народа найдется не мало актов высокого героизма и жертвенности со стороны отдельных лиц, но подвиги коллектива, подобные подвигу Фермопильцев, встречаются не часто.

. . . легли, верные законам нашей родины" — эти, прекрасные по форме и глубокие по смыслу, слова, исчерпывающе об'ясняют тот психологический феномен, который руководил поведением спартанцев в их героическом акте; к тому же, из истории мы знаем, в каком глубоком уважении к закону воспитывались граждане Спарты, как тверда была у них общественная дисциплина и как было развито чувство долга — качества, основанные именно на глубоком уважении к закону.

Да и всякий народ, всякое общество, даже всякая организация крепки и способны проявить максимум творческой активности и героизма только тогда, когда в них сильна взаимная спайка, основанная на чувстве долга перед своим коллективом, на уважении к своим законам — будь то законы гражданские или религиозные.

Порча нравов в Греции и Риме, а вместо, с тем упадок законопослушности и чувства долга перед обществом и государством, повлекли за собою разрушение этих государств. Это явление закономерно проходит через всю человеческую историю и присуще всем народным (национальным) организмам, на какой бы ступени развития они ни находились — от американских краснокожих до самых культурных наций.

Спайка и высокие подвиги жертвенности и героизма древних христианских общин обуславливались их глубокой преданностью законам своей религии. Рим в свои героические времена сделался властителем мира благодаря высоко развитому чувству долга перед гражданскими и религиозными законами. Политические организации достигали своей цели только при наличии этих обшественно — психологических данных.

Сектанты представляют обыкновенно наиболее спаянный и крепкий социальный элемент также в силу этих причин. Русские духоборы, переселившись в Америку, и в чуждых, даже враждебных им условиях сумели сохранить свое лицо и достигнуть больших моральных и материальных успехов, также благодаря верности своим законам и традициям.

Нельзя не обратить внимание на поразительный, с этой точки зрения, пример национальной крепости и живучести еврейского народа. За двухтысячелетнее рассеяние по всей земле они сумели сохранить свое национально-политическое лицо и не только не разложились, но достигли исключительного могущества. И все это благодаря тому, что не изменили своей вере, своим национальным законам и традициям.

Наша казачья история также богата подвигами высокого коллективного мужества, равных которым не так много в истории других народовъ. Взятие, например, Азова в 1637 г. и четырехмесячная его защита от в сто раз сильнейшего врага могут быть об'яснены только исключительной взаимной спайкой, основанной на верности своим законам и обычаям, на высоко развитом чувстве долга поред Родиной и своими согражданами.

Да и сейчас, в беженстве, мы, казаки, не смотря на не которые политические разногласия, все-же, в смысле спаянности и организованности, выгодно отличаемся от русской беженской массы. Нас об'единяют наши четкие, определенные, каждому казаку ясные традиции. У нас есть стержень, нас определяющий, в виде наших Основныхъ Законов, выработанных самим Казачеством и воплощающих в себе все наши лучшие, по наследству от наших предков полученые, традиции.

Повторяем — как бы ни было зарубежное Казачество разногласно по некоторым политическим вопросам — разногласие это, в значительной части, внешнее, поверхностное. Внутри, психологически, казачество едино, будучи пропитано вековыми традициями, нашедшими себе осязательную форму в казачьих конституциях. И нет сомнения, что в ответственный момент казачество сумеет отбросить эти поверхностные политические разногласия и, воодушевленное одной казачьей патриотической национальной идеей, крепко сцементированной массой, дружно, как героические спартанцы, возьмутся за осуществление своего идеала — освобождение и возрождение Родных Краев в духе государственной независимости, социального равенства, свободы и братства.

Но выньте из казачьей души ее стержень, моральную сущность казака, т. е его традиции, его Основные Законы, соблюдать которые он присягал не за страх, а за совесть, ибо эти законы им самим созданы, подточите уважение к его установлениям — и получится аморфная масса, человеческая юдоль, т. е. то, что мы наблюдаем среди русской эмиграции.

Казалось бы, что все это так понятно, казалось бы, что эту драгоценность, определяющую казачье лицо и характеризующую идею казачества, нужно было бы хранить, как святыню, — однако не все казаки, к глубокому несчастью, так смотрят на данный, повидимому, бесспорный вопрос.

Среди некоторой, правда — небольшой, части донской верхушки за последнее время определенно обозначилось стремление к изменению и разрушению Донских Основных Законов, а следовательно — и казачьих традиций, легших в их основу. Как ни удивительно, но инициатива похода против казачьих законов, а следовательно — и против самой сущности казачества) исходит . . . от Донского Атамана, графа Граббе, т. е. от лица, призванного охранять Донскую Конституцию, воспитыватъ казачество в чувстве долга перед ней, памятуя, что только при наличии такой духовной дисциплины казачество может быть сильным и способно выполнить поставленные перед ним современной историей задачи.

К графу Граббе, в его походе против казачества (стремление разрушить казачьи установления революционным порядком и есть поход против казачества) примыкает некоторая часть донской старшины.

Само собой возникает вопрос: что — это? . . . невежество или сознательное преступление?!

Чтобы на этот вопрос исчерпывающе ответить, необходимо обратиться за исторической справкой к недавнему прошлому, ко времени выборв нового Донского Атамана, вместо умершего ген. Богаевского.

Особая сложность и трудность нашего положения за границей предуказывала и особые требования, которые должны были быть пред'явлены к кандидатам на атаманский пост. Приходилось отодвинутъ на второй план мысль о казачьем политическом вожде и главное внимание обратить на такие качества кандидата, каторые бы обусловили максимум возможности не только по об'единению, но и по урегулированию и улучшению бытового положения заграничного казачества. Короче — нужен был ходатай, заступник перед иностранными обществами и правительствами, а также и хозяин — организатор.

Такие качества, судя по его деятельности, как Председателя Общекзачьего Об'единения, у гр. Граббе в наличии, как будто, имелись, однако у казаков все же возникало сомнение в его казачьей сущности, в его лойальности и преданности казачьим традициям и пореволюционным установлениям.

Но в личных беседах на эти темы с казаками и в газетных интервью гр Граббе категорически об'явил себя стопроцентным казаком и обещал поддерживать и соблюдать безоговорочно донские основные законы и казачьи традиции, всемерно заботиться о нуждах казаков и об их об'единении.

Наличие такого торжественного заявления не могло не повлиять в положительном смысле на решение некоторой части донцов — выдвинуть в кандидаты гр. Граббе и повести в этом направлении энергичную агитацию, результатом которой этот, мало казачеству известный и почти никаких шансов на избрание не имевший, генерал был избран (с большим грехом! Ред) Донским Атаманом.

4 августа 1935 года гр. Граббе, на торжественном акте провозглашения его Донским Атаманом, целуя Донское Знамя, поклялся исполнять Донские Основные Законы. До сего момента все шло, как будто, благополучно, но чуть ли не на другой день гр. Граббе начинает плести интригу против того, чему вчера присягал, — сначала потихоньку, как бы нащупывая почву. С первых шагов это сказалось в организации правительственного аппарата, а затем, после возвращения с Балкан, предпринята была определенная агитация среди казаков и лично атаманом и его единомышленниками — и не только в Париже, но и французской провинции, где сам Атаман в этом направлении многократно выступает на станичных и хуторских сборах.

Наконец, очевидно, считая почву подготовленной, он в январе месяце устроивает совет из 10 лиц (Краснов, Черячукин и др. генаралы, Г. И. Карев и А. П. Марков) и ставит на обсуждение вопрос о Донских основных Законах. Большинство, конечно, за исключением Карева, высказалось против применения этих законовъ. И состав данного совещания, напомнившего казакам недоброй славы существовавшую при царе безответственную „Звездную Палату“ и принятое этим совещанием решение глубоко возмутили казачество в Париже. возмутили до того, что Парижская станица своим общественным приговором заявила перед Атаманом резкий протест. Тогда собирается новое совещание, более „демократическое“, из представителей казачьих организаций Парижа и его окрестностей.

Здесь также преобладает генералитет. После горячих дебатов большинство (генералы) становится на сторону Атамана, но, видимо, и это решение не дало достаточно твердой почвы для гр. Граббе, ибо меньшинство (не генералы) горячо и энергично осудило атаманскую линию поведения.

И гр. Граббе продолжает колебаться в принятии определенного решения, ограничиваясь продолжением агитационной работы и путем письменного общения.

Наконец, весною, появляется распоряжение Атамана об учреждении кокой-то странной комиссии для какого-то туманного представительства из нескольких генералов, во главе с Черячукиным. Наряду с этим учреждением создан совет из станичных и хуторских атаманов Парижа и его окрестностей, коему поручается заменить Донского Атамана на случай его смерти (Похоронное Бюро), а также и ведать делами по управлению Донским войском за границей — своего рода Государственный совет.

Считаемъ нужнымъ заметить, что, при всемъ нашем уважении к названным, должностным лицам, во всех отношениях почтенным, мы нигде, ни въ какой стране, не видели, чтобы дела государственного масштаба вручались ком, петенции хуторских, станичных атаманов или волостных старшин и деревенских старость — уж очень это смахивает на на водевиль!

Названному совету, при особо приглашенных компетентных лицах (из членов. Воск. Круга), поручено составит проектъ созыва Донского Казачьего С'езда — опять таки вопрос о наших основных Законах, об их „неприменимости“, о борьбе против них. При чем в проэкте имеется характерная подробность: Все политические организации, а также и часть бытовых, выявившие отрицательное отношение к гр. Граббе, от представительства на с'езде отстраняются. Такимъ образом, намечен планъ создания с'езда только из лиц, преданных Атаману и ему угодных т. е. подготавливается прикрытие авторитетом с'езда граббевских решений в отношении Донских Основных Законов.

Само собой разумеется, что такой „с'езд“ — маскарад никакого авторитета в глазах широкой масы казачества иметь не может, и его решения ни для кого не будут обязательными. Да и вообще нужно сказать, что никакой с'езд не имеет права изменять законы, установленые Войсковым Кругом. Тем не менее, с'езд, если он, паче чаяния, состоится, принесет огромнейший вред. Прежде всего, путем устранения части казаков от участия на с'езде, донское казачество делится на два лагеря — на правоспособных и неправоспособных, т. е. намеренно и искусственно создается в Донском войске раскол, и это значит, что, вместо ожидаемого об'единения, гр. Граббе сознательно стремится разбить донцов на два лагеря и, таким образом, обессилить и разрушить казачество.

Если с'езд примет по отношению Основных Законов решение, угодное гр. Граббе тем самым будет подорвано уваженин к Основным Законам, ослаблен тот политический символ веры, который спаивает сейчас казачество, т. е. у казачества вырван будет его психологический стержень, и оно превратится в безличную, аморфную, человеческую массу, неспособных выполнению той великой задачи, которая перед ним стоит.

Из этого краткого обзора деятельности гр. Граббе видно, что поход против казачьих законов, а следовательно и против самого казачества, не простое недомыслие, а сознательное, продуманное и систематически проводимое в жизнь преступление.

Чем вызвана такая политика Донского Атамана, какова истинная подоплека его подрывной работы? Почему покойный генерал Богаевский, в течение своего пятнадцатилетнего атаманства за границей, не делал никаких попыток к изменению Основных Законов? И почему гр. Граббе, с первых-же шагов своего атаманства, предпринял поход против них, когда из практики ген. Богаевскаго ясно, что законы эти нисколько не стесняют деятельность атамана в заграничных условиях, ибо они дают самый широкий простор для маневривования? Что изменилось в условиях нашего пребывания за границей со времени смерти ген. Богаевского?...

Ответ на поставленые вопросы мы найдем в разнице персональных психологий этих двух атаманов.

Как бы мы ни относились к деятельности покойного Атамана Багаевского, но того факта, что он был природным казаком родился на Дону, где провел и детство и юность, из его актива не выбросишь, а это — фактор первостепенной важности в деле формирования казачьего миросозерцания.

Правда, последующее военное образование, служба в петербургских гвардейских частях, успешная карьера у русских, не могли не ослабить казачьих струн в его душе. Но революция, приведшая его в родную казачью среду, а затем активное участие в борбье против большевиков (фактически против России. Ред.) за казачье право на свободную жизнь, естественно должны были породить в его душе здоровую реакцио против гвардейско-бюрократических русских наслоений. Он видел, как на его глазах, после революции, бурно стала возрождаться казачья, допетровская, старина, со всеми, в течение двух веков уничтожавшимися, установлениями, с старой волей, с вольноказачьими традициями — и, разумеется. А. П. Богаевский не мог остаться чуждым этому психологическому перерождению родного народа — и казачье народоправство, казачьи Основные Законы, в создании которых он принимал ближайшее участие, для него не были ни пустым звуком, ни „клочком бумаги“, как выражается некаторая казачья старшина или „элита“, ослепленная, из-за потери своих привилегий, ненавистью ко всему тому, что является продуктом казачьего народного творчества.

Иное дело — граф Граббе: Родился он вне Дона, среди казаков никогда не жил, с младенческих лет впитал в себя то духовное содержание, которым характеризовалась гвардейско-бюрократическая и придворная петербургская среда. Казачества он и не знал, да никогда и не видел, если не считать за казачество гвардейскую казарму. Период гражданской войны провел в Одессе, а затем в Ницце.

Мы жестоко ошиблись, приняв казачью „Словестность“ гр. Граббе за казачью реальность, гримировку, подкраску под казака за настоящего казака — гримировку, нужно признать, искусную, но, при первомъ же столкновении с казачьими основными вопросами, мгновенно слинявшую.

И перед нами сейчас штампованный старый русский придворный генерал, органически невидящий все то, что носит признак казачьего народоправства, свободы и равноправия Отсюда его подрывная работа против казачьих демократических установлений и традиций

Донцы жестоко ошиблись. (Правильнее было бы сказать — донцов ввели в жестокую ошибку парижская донская старшина, приподнеся заведомого врага казачества в виде казачьего патриота. Ред) Но кто же мог ожидать, что, казалось бы, порядочный человек, способен на другой день отрекаться от торжественно данных обещаний, кому могла придти в голову мысль о возможности на другой же день изменить публично принесенной присяге ??!... Все мы знаем, ведь, что у всех народов, на какой би ступени развития они ни находились, клятвопреступление считается самым позорным преступлением, гнуснее убийства.

Особую важность в трактуемом нами вопросе имеет еще то обстоятельство, что в своей „линии“ гр. Граббе подкрепляется и направляется не только личным органическим отвращением к казачьему правотворчеству, не только поддерживается донскою войсковою старшиною, руководящейся личными карьерными и классовыми интересами и ненавидящей казачество в его ностоящем демократическом „аспекте“ за потерю своих привиллегий, — Мы имеем основания утерждать, что в своей „работе“ гр. Граббе вдохновляется извне, из неказачих кругов. За

его спиной мы определенно видим направляющую руку его петербуско-московских друзей из бывших сановников, чем, в значительной степени, об'ясняется упорство, методичность и настойчивость подрывной роботы против казачьей сущности.

Задача у них простая — взять в свои руки казаков и сделать их орудием своих политических вожделений, превратить их снова в опричников, нагаечников и жандармов. Для этого, прежде всего, нужно разрушить единство казаков и морально их обезоружить, Трудно, ведь, разложить душу, а с телом потом легко управиться.

Метод старый и особенно блестяще использованный большевиками.

Вот откуда проистекаеть эта ожесточенная и коварная „работа“ на разрушение казачьей морали путем раскола казачества при помощи куцого с'езда-маскарада, путем агитации против казачьих традиций, извращения и опошливания казачьей конституции путем создания каких-то „похоронных бюро“, вместо требуемых законом органов управления.

Мы ваше сказали о поддержке, оказываемой в этой работе гр. Граббе донской войсковой старшиной. Считаем долгом оговориться, что не вся донская старшина повинна в этом, а только ее часть, наиболее беспринципная, наиболее от казачества оторваная и в историческом прошлом, и в настоящее время ставящая личные и классовые интересы выше народно казачьих интересов и всегда игравшая губетельную, даже предательскую роль. Но наряду с такой старшиной есть другая, вполне лойальная по отношению к своему народу, созвучная его идеалам и отлично понимающая, что к дореволюционному прошлому возврата быть не может, что река обратно вверх не течет, что колесо истории назад не движется. Эта старшина несомнено и по праву займет место в освобождении и возрождении наших Родных Краев.

Необходимо заметить, что как бы ни была не значительна группа лиц, работающих на духовное разложение и обезличение казачества, все же в деликатном деле будущего казачьего государственного строительства она может принести вред. Это надо иметь в виду и, во всяком случае. помнить, что при постройке дома гнилой материал отбрасывают, иначе здание не будет прочно.

Развивающиеся международные события таковы, что не исключена возможность глубочайших потрясений, а следовательно и изменений в структуре не только Европы, но и Азии, каторые не могут не отразиться и на судьбе Казачьих Краев. Поэтому мы считаем особенно необходимым и своевременным обратить внимание казаков на приведенные выше факты, ибо полагаем, что большинству они или неизвестны, или не вполне.

Во всяком случае, ввиду грядущих событий, будем помнить и усвоим себе, как девиз, смысл великолепных слов, начертанных на памятнике героям спартанцам — царю Леониду и его сподвижникам: „Странник, возвести спартанцам, что мы легли здесь, верные законам нашей Родины“.

От редакции: Печатая материалы некоторых каз., формально не входящих в состав ВК, мы не сходим с нашей полит. программы. Так, напр. в. „ВК“ чужинец и мат. „Траг. Каз“ не вкл

П. С. ПОЛЯКОВ (Югосл.)

Казаки и русские

Часто от русских приходится слышать укор в том, что будто бы мы, казаки-националисты, ненавидим Россию, русских, вообще все русское. Нас упрекают в злонамеренном сеянии и ненависти в сердцах казаков к русскому народу и грозят, что, мол, и русский народ может возненавидеть нас и . . . держись тогда казаки!

Находя, что этот вопрос не только интересен, но и весьма актуаленъ, считаю необходимым остановиться на нем, разобрать его па мере моих сил и, выведя соответствующие заключения, поставить вещи на их место. Прежде всего сама наша судьба, судьба казачьей молодежи, прошедшей через пореволюционную войну, вынужденной тяжелым трудом, потеряв не по своей вине родину, зарабатывать „горький хлеб изгнания“, заставила многих из нас призадуматься над причинами того, почему в России произошла революция, почему Казачество потерпело неуспех в казачье-большевицкой войне, и почему мы оказались за бортом.

Эти основные вопросы, вопросы которые должны возникнуть у каждого мало-мальски разбирающегося в событиях челевека, с первых же дней изгнания засели нам в головы и заставили нас заняться изучением не только своей, казачьей, истории и прошлого, но и изучением России, ее прошлого, ее истории.

Естественно, что в поисках необходимых сведений мы не ограничились Иловайским, архипастырскими посланиями митрополита Антония и сусальными романами Краснова.

Постепенно сведения накоплялись, знания увеличивались, Россия от времен варягов до наших дней вставала перед нашим духовным взором во весь свой рост, без лишних заплат и без чрезмерных украшений, т. е. такою, какою она была, какая она есть на самом деле.

Не подкупила нас ни „чрезмерная ласкавость взгляда“ русских монархистов, ни „поддельная краска ланит“ российских левых партий. Sine irae et studio — было нашим девизом, ибо мы великолепно понимаем, что борясь за жизнь Казачества, мы должны учесть все возможности, принять во внимание всякую мелочь.

Хороший хозяин о паре быков своих наперед скажет — сколько смогут вспахать они за день, если эти быки у него давно, если этих быков он знает еще с телятника.

Жизнь России мы проследили от ее варяжского телятника до наших дней, знаем ее великих и малых людей, знаем на что они были способны, как они делали свои великие и малые дела и, поэтому, на будущее у нас не может быть ни иллюзий, ни чрезмерных надежд, ни веры. Могут быть лишь строго, если угодно, по математически расчитанные выводы. Ибо талько в романах разбойник, 70 лет резавший людей, на 71-м году жизни становится филантропом. Только в русских сказках, единственных в мировой народной литературе по своей вере в удачливого дурака, дурак, в конце концов, побеждает.

Мы, казаки, о дураках несколько иного мнения. Нам больше никак не хочется и дальше связывть свою судьбу с исконным Ваней-дурачком, в надежде, что искупается он в трех котлах, станет красавцем и умником и позовет всех на пир, на котором, если бы даже присутствовали мы, казаки, то, в конце концов, повторили бы классически-русское: „И я там был, мед вино пил, по усам текло, да в рот не попало“.

Итак, мы, казачья молодежь, новое казачье интеллигентное поколение, веру в преображение Иванушки-дурачка не приобрели. Потеряли эту веру и многие из казачьего старшего поколения.

Дабы не получать обвинение в чрезмерной резкости, расшаркиваюсь и, оговариваясь, преподношу комплимент: кончено, гениальных людей, людей добронамеренных и умных в России было, как говорил мой знакомый приказный „численность знаменитая“ ...

К сожалению, этот русский гений, этот русский ум в политическом и особенно во внутренне-политическом секторе почти не имеет представителей. „Паровой валек“, как называли союзники Россию, молол на своем пути в течение многих сотен лет все, что ему попадалось, исключительно благодаря одному только качеству-своей огромности, своей тяжести. При первом же серьезном препятствии, поставленным перед ним историей, этом валек перевернулся вверх копылами под яр и многое раздавил при падении своим мертвым грузом, многое зажав, и лежит, и будет лежать, давя недвижимой массой до тех пор, пока внешние силы или перевернут его или разберут на слом.

В области литературы, искусства и науки Россия дала очень много. Много того, что достойно преклонения, достойно первого места в ряду достижений иных народов. Но разве это может послужить оправданием той бездне зол, глупости, невежества, неумения, самовлюбленности и грандомании, результирующая которых и дала в конечном счете революцию и большевизм? . : .

И этого нам, казакам, достаточно!

Ни Иванушки-дурачки, ни Каратаевы, ни Карамазовы, ни Смердяковы, ни Поприщины, ни князья Мышкины и Пьеры Безуховы нам больше доверия не вселяют.

Мы о них не только читали . . .

Мы их видели на деле. Они управляли Россией, Они нами командовали. Русская литература — один из самых главных и самых лучших источников для узучения России ее духа, характера ее ценности ее первых людей. Русская литература во многом нам помогла и во многом поможет в будущем.

Вспомним и о русских зверствах, о которых мы знаем из казачьей истории. Многие это называют „государственной необходимостью“, и многие оправдывают того же Петра I, напоминая, что на алтарь своих стремлений он бросил не только десятки тысяч казачьих жизней, но и жизнь своего сына.

И Сталин, скажем мы, не только уничтожил 75 проц. казаков, он перебил всю революцион. банду, с которой вместе творил новое Российское государство и которая в начале была ему наверное не менее мила, чем Петру-I его сын.

Но пусть это удовольствие быть одинаково уничтоженными вместе с принцами крови или соратниками Сталина по лому и отмычке берет себе тот, кому это нравится. Мы, казаки-националисты, от него вежливо отказываемся, ничего в принципе не имея против того, каким способом русские династии Гатторт-Гольштинских или Джугашвили будут в будущем отвинчивать себе головы, предпочитая наблюдать сие поучительное зрелище со стороны. Не скрою, что и я, грешный, испытывал удовольствие, читая о том, как Сталин начал десятками „резить“ своих приятелей.

Но если бы и мне предложили для блага СССР, идти расстреливаться, я бы решительно протестовал, предложив г. г. коммунистам сначала уничтожить друг друга.

Итак, мы с наслаждением прочитаем Пушкина, Лермонтова, Толстого, труды русских учени, послушаемъ с удовольствием русскую музыку. С неменьшим удовольствием почитаем и послушаем и немцев, и англичан, и французов. Но ни одних, ни других, ни третьих мы не хотим себе в хозяева только потому, что они в этих областях дали больше нас. Ибо мы и дать ничего не могли, мотаясь по всему свету, как цепные кобели, в поисках врагов государства Российского.

А теперь мы верим что, придет время, когда и наши казаки, люди культуры, пронесуть нашу славу по всему свету, и слава эта будет не меньше славы, добытой пиками наших дедов. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть стихотворения Гончарова, ознакомиться с творчеством Келина . . . У нас есть люди, и они у нас будут!

А русских мы не ненавидим. Нет. Мы их только хорошо узнали. И этого нам достаточно, чтобы скинуть шапку, поблагодарить за внимание и . . . заплести плетень по нашей границе.

Пусть Росс ія будет какою хочет. Пусть будет великой, неделимой, имеет царей — Сталиных, Нахамкесов, пусть проделывает опыты с монархизмом, большевизмом, фашизмом или коммунизмом, с чем угодно. Это — ее дело, хозяйское.

А мы (покорнейше благодарим) проживем и сами. Недавно на одном докладе услыхал я из уст старого казака-кубанца опасение, что русский народ возненавидит казаков, если казаки захотят от него отделиться. И вспомнилось мне время, когда мы лезли спасать Россию.

Революция застала меня в одном приволжском городе. Каледин об'явил сполох. Керенский стал подымать босотву против Дона. Помню, гуляя по набережной Волги, обратил я внимание на огромный пароход, переполненный артиллерией. У сходен стоял, плюясь семячками, „краса и гордость“.

— Далеко-ли, товарищ, пушки везете?

— А против Каледина. Всю казачью сволочь побить надо-ть!

С тех пор, чуть ли не каждый день, за всё время от 17-года до нынешнего дня, почти при всяком столкновении с русскими, я встречал или ненависть, или злобу, или взгляд сверху вниз. Но все эти господа всегда утверждали, что обязанность казаков — служить России и от нее заслужить право на жизнь.

И поэтому часто охватывает меня чувство гадливости к этим людям, которые, пережив одну из страшнейших в мире катастроф, все же так и не поняли, что право на супериорность имеет в этом мире тот, кто духом крепче, глубже душою. Но отнюдь не те, кто, вообразив себя проводниками какого-то „нового света с востока“, начали слюнявым славянофильством, кончили коммунизмом, колхозами, соловками, кто в управлении народами ничего лучше рабства не придумал, кто в интеллигентских исканиях дошел до каратаевщины с одной стороны, а с другой — до нигилизма, кто, несмотря на территориальные рессурсы, за последнее столетие не имел ни одной победоносной войны, кто действительно, кроме самовара, кислых щей и дуги, ничего не изобрел, — тот, по меньшей мере, должен быть скромен и молчать.

Люди, в своем историческом активе имеющие опричнину, аракчеевщину, хлыстовщину, распутиновщину, Павлов-I, пусиму, Крымскую войну, Брест-Литовск, — эти люди, ударив наконец поебдной головушкой об стенку, все още не хотят понять, что все-же выход у них есть и выход простой: Признать за каждым человеком его человеческие права.

Пусть же русские станут людьми прежде всего. А мы их, нет — не ненавидим. Мы их только слишком хорошо узнали.

Я. И. Лопух (Болгария).

Казачья политика

(из доклада).

„Казаки, не занимайтесь политикой" — призывают некоторые возглавители Казачества. „Мы политикой не занимаемся" — говорят многие из казаков. Но странное дело: если эти возглавители увидят в руках казака журнал „Атаманский Вестник", „Часовой", — похвалят. Если же, Боже упаси, увидят „Казакию" или „Вольное Казачество", то не прогневайся — взыщут; взыскания эти зашли так далеко, что даже чтение журнала „Вольная Кубань" (единонеделимческого оттенка!) преследовалось, а поэтому Кубанский Войсковой Атаман вынужден был издать приказ, чтобы положить конец этому безобразию. Это ли не политика?... И наивные же подобные господа возглавители!

Дальше, если с незанимающимися политикой заговорить о монархе, о Единой Неделимой, то они приходят в умиление, если же заведешь разговор о сепаратизме-самостийности, то, извините, на вас посыпятся громы и молнии; одни с пеной у рта грозят кулачной расправой, а некоторые, без всяких разговоров, виселицей. Вот тут-то и призадумаешься: Что-же все это значит?... А значит это то, что лица эти или сами себя обманывают, или сознательно обманывают других.

Невольно возникает один вопрос: Кто мы такие? На этот вопрос можно ответить точно и ясно: Мы — политические эмигранты. Для людей, стоящих вне политики, безразлично, какая бы власть ни возглавляла государственный аппарат. Однако-же, мы власть большевиков не признали, боролись против нее и наконец ушли за границу, т. е. превратились в настоящих политических эмигрантов.

Да можно ли в данное время не заниматься политикой, когда от политических событий мы ожидаем того момента, тех превратностей, когда можно будет возвратиться в наши родные земли?! Итак, нужно полагать, что в настоящее время очень трудно отмежеваться от политики; тем более нам, политическим эмигрантам. На что уже наше зарубежное духовенство, давшее при пострижении в монашество обет отречения от мира сего, а и те политиканствуют, и еще как!

В данный момент, среди Казачества ясно определились три политических течения: монархисты без монарха, группирующиеся вокруг ген. Миллера, т. е. члены РОВС; монархисты с монархом, т. е. кирилловцы, и третья группа — самостийники. Есть, правда, немного лиц, которые с монархистом — монархист, с самостийником — самостийник, словом „держи нос по ветру". Но к счастью, таких лиц не много.

Кто же такие самостийники?

10 дек. 1927 года вышел I-й номер журнала „Вольное Казачество". Всполошилась русская эмиграция, всполошились и некоторые официальные верхи Казачества. Донской Атаман даже предпринял поездку по государствам, где были расположены более или менее значительные группы казаков, с целью пресечь „это зло". Заговорили единонеделимцы и в печати.

Но увы! Самостийное движение разростается. Вместо одного самостийного журнала, стало выходить целых пять печатных органов: „Вольное Казачество", „Казакия", „Ковыльные Волны", „Единство и Независимость" и „Казачья Воля". Однако, интересно, все таки, разобрать — что это за люди самостийники.

„Это — изменники!" — говорят одни. „Легкомысленная и глупая затея, родившаяся здесь, заграницей" — говорят другие. „Это большевицкие помощники в расчленении России — говорят третьи. (Этого обвинения теперь уж нет. Ныне для русских большевики — „собиратели земли русской", и теперь, если прислушаться, то обвиняют нас в ... нежелании поддержать большевиков. Ред.).

Постараемся разобраться в этих обвинениях и выяснить, что это за люди самостийники и на чем они идейно базируются.

Итак, первое — изменники.

Прежде всего, необходимо знать, кого вообще называют изменниками? Изменниками принято называть лиц, нарушивших присягу на верность службы Правительству или не исполняющих основных законов государства.

Почти все казаки со времени царя Алексея Михайловича, как и весь русский народ, присягали на верность службы государям российским, в том числе и императору Николаю II. Присягали царям, а не России и, несмотря на систематическое урезывание и нарушение царями казачьих прав и вольностей, сохраненных от былой самостоятельности, в массе своей Казачество присяги не нарушало и служило царям, верой и правдой.

Но вот Николай II, по требованию, им же возведенных в высокие ранги, людей, которые, также как и казаки, присягали ему на верность, отказывается от власти. Таким образом, присяга, данная ему, анулируется.

На место царской власти водворяется Временное Правительство. Казаки присягают и ему. Наконец и Врем. Прав-во самым постыдным образом уступает власть большевикам, само оно разбегается, а на место его появляется правительство коммунистическое. Больше чем 90 проц. великорусского народа с радостью признает эту захватническую власть. Не признали ее только окраинные народы, в том числе и казаки.

Как видно, казаки ни присяги, ни основных законов не нарушали, а таковые потеряли свою силу с падением тех правителей и правительств, которыми эти законы и присяги устанавливались. Следовательно, казаков, как и других отделившихся от России народов, изменниками называть нельзя, а потому и обвинение это несправедливое. Напротив, слово „изменник" можно приложить к тем лицам, каторые в столь тяжелое и напряженное состояние страны, как великая война, принудили государя отречься от престола и, таким образом, положили начало всероссийской анархии, которая и родила диктатуру компартии. Запорожцы, например, никогда не сменяли во время военных действий своих выборных начальников, а за все их вольные и невольные грехи требовали от них ответа после окончания военных действий, уже у себя в Сичи.

Итак, казачьи области, не признавшие власть большевиков, начали устраивать свою жизнь по своему, „по праву древней обыкновенности", как метко выразились донцы, не как изменники, а как люди, не признавшие явочную власть большевиков. И вот к этим „изменникам" начали убегать от большевиков горсточки офицеров, помещиков, бывшие правители разных рангов, купцов, банкиров и т. д. Большинство же, в особенности офицеров (ведь их насчитывалось около 400 тысяч!), по тем или иным причинам, осталось у большевиков, признало их власть и стало служить. А те же, кому удалось выбраться на Дон и Кубань что то не обвиняли нас тогда в измене, хотя последние уже были самостоятельными государствами.

Вторе — „самостийность есть легкомысленная и глупая затея, родившаяся здесь, заграницей". Интересно, так ли это?...

В начале 1917 года, как на Дону, так и на Кубани, власть над областями захватили возникшие революционным путем Областные Комитеты, которые стремились парализовать тенденции казаков к само организации и занять господствующее положение на территориях Дона и Кубани.

Казаки поняли куда клонится работа Исполнительных Комитетов и начали действовать. На Дону и на Кубани образовались Казачьи Союзы. Донским союзом было выпущено воззвание, где говорилось:

„Собирайтесь, Донцы, во единый Круг! Час долгожданной казачьей свободы настал! Вековые оковы казачьих вольностей спали! Донские казаки сами, по своей воле и своим обычаям, должны устроить теперь свою казачью жизнь. Спешите по хуторам и станицам и собирайтéсь! Собирайтесь на местах в союзы хуторские и станичные. Совещайтесь о своих нуждах, выясняйте свои пожелания, охраняйте свои права и шлите своих лучших посланцев в Войсковой Союз Донских казаков в столицу Донского Войска — г. Новочеркасск. И здесь, в главном городе Войска, ваши надежные посланцы от всех станиц соберут во едино свои голоса и именем всех донских казаков славного и великого Войска Донского скажут одно ясное и крепкое „Войсковое" слово: „Желаем, чтобы отныне Войско Донское само ведало и само решало свои казачьи дела; желаем жить на родной Донской земле по своим казачьим обычаям и законамъ. Заявляем, что не учинимъ обиды иногородним жителям Войска Донского, которым до сего времени любо было мирно жить и трудиться среди нас, казаков, ибо казак, сам вольный сын степей, ценит и уважает чужую свободу. Желаем, чтобы Войско Донское отныне управлялось так, как порешит Войсковой Казачий Круг, собранный из донских казаков и твердо верим, что кажый казак будет отныне свято хранить возрожденные заветы седой казачьей старины. Собирайтесь же все вместе Донские казаки, чтобы дружной семьей возродить былые казачьи вольности, самим устроить жизнь на новых свободных началах и в благоустройстве, довольстве и счастьи передать наследие наших отцов и дедов нашим детям и внукам".

Это возвание есть первая ласточка самостийности, а родилось и разлетелось оно по донским станицам еще в марте 1917 года.

25 октября 1917 года есть дата обнародования декларации, согласно коей Войсковой Атаман А. М. Каледин провозгласил принятие Войсковым Правительством на себя высшей государственной власти в пределах Войска Донского. В декларации этой говорится, что Область Войска Донского провозглашается независимой впредь до установления в России законной государственной власти, всем народом признанной.

10 декабря 1917 года третий Войсковой Круг декларацию эту утвердил.

В тягчайшие минуты Дона, когда во исполнение приказа Москвы красногвардейские части шли стереть с лица земли непокорное Казачество, в гор. Новочеркасске собрался четвертый Войсковой Круг, который вынес следующее постановление от 16—II 1918 года:

1. „Войсковой Круг об'являет себя верховной государственной властью в Области Войска Донского со всей присущей ей властью".

2. „Войсковой Круг единогласно постановил: защищать Дон до последней капли крови".

Как видно, в постановлении 4-го Войскового Круга уже нет оговорки — „впредь до". Однако, суверенная власть Дона существовала не долго, ибо 12 февраля 1918 года Новочеркасск был занят большевиками и Войсковой Круг разогнан.

Но идея преемственности верховной казачьей власти на Дону была сохранена Походным Атаманом ген. Поповым. 16 марта 1918 года в хуторе Веселом на Маныче Походный Атаман отдает приказ, по которому все донские отряды сводятся в одну группу, которая получает наименование — „Отряд Вольных Донских Казаков".

28 апреля 1918 года в освобожденной столице Донского Войска — Новочеркасске открыл свои действия „Круг Спасения Дона", а 3-го мая Круг принял на себя всю полноту верховной власти, создавши, таким образом, и фактически и юридически новое государство под именем — „Всевеликое Войско Донское".

23 мая 1918 года последовала декларация Всевеликого Войска Донского ко всем государствам. В 1-м пункте этой декларации говорится следующее: „Впредь до образования в той или иной форме Единой России, Войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую" (т. е. ат. Красновым). Таким образом, а эту Красновскую декларацию опять вошло „впредь до".

Наконец, 15 августа 1918 года, в Новочеркасске начал свои работы 4-й Большой Войсковой Круг,

который рассмотрел и принял в заседании от 15 сентября 1918 года „Основные Законы Всевеликого Войска Донского", опубликованные 4 октября 1918 года. Первый пункт этой первой казачьей писаной государственной Конституции гласил:

„Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства" (Как видно, уже без „впредь до".) Дальше перечислялись права Круга, утверждались атрибуты и эмблемы вполне самостоятельного государства и присяга Атамана, которую следует запомнить каждому казаку:

„Именем Бога Всемогущего, перед святым его Евангелием и Животворящим Крестом, перед Атаманскими Войсковыми знаменами, кровью казачьей политыми, обещаюсь Войску Донскому служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к славе и процветанию Войска донского направлять и законы для того установлять по крайнему своему разумению и силе, споспешествуя всему, что к Войску Донскому верной службе и пользе государства относиться может. Господи Боже Отцов и Царю Царствующих настави, вразуми и управи мя в великом служении, на которое я Войсковым Кругом, атаманами молодцами избран и поставлен. Да будет со мною присядащая Престолу Твоему Премудрость, пошли с небес святых твоих, да разумеют, что есть угодно перед Очими Твоими и что есть право по заповедям твоим. Буди сердце мое в руку твою. Аминь".

Упоминается ли в этой торжественной и глубокомысленной присяге что-либо о России? Нет! . . . „Обещаюсь Войску Донскому служить", а не России. Итак, конституция, герб, флаг, гимн, деньги, законы, выборный президент, присягающий своему государству — это ли не самостийность?!!

Все это есть неопровержимые, официальные данные, определяющие собою степень развития самостийности у донцов в период 1917 — 1920 годов.

То же самое мы видим и в Кубанском Войске.

До настоящего времени никто ни конституций, ни основных законов ни на Дону, ни на Кубани не отменял, а потому Дон и Кубань есть самостоятельные государственные организмы, временно порабощенные завоевателями (большевиками). А те казаки, которые строго придерживаются своих казачьих конституций и основных законов, защищают идею своей, казачьей, самостоятельности, провозглашенной законными народными собраниями, называются ныне самостийниками.

Из изложенного видно, что самостийность родилась не здесь. заграницей, а еще в родных наших краях и не „глупая легкомысленная затея", а постановление и установление законов казачьими парламентами.

А. Е. Алимов (Фр.)

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЕВРОПА

Среди культурных народов Европы казаки первые поняли гибельность коммунистического опыта XX века и первые подняли против коммунизма вооруженную борьбу длившуюся три года. Микроскопическая часть русского офицерства присоединилась к казакам. (Грузинского сопротивления большевикам хватило только на три недели).

Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Польша свое возрождение провели через вооруженную борьбу с русскими коммунистами и победою над ними закрепили свою государственную независимость. Эти народы, как и казаки, остаются антикоммунистами.

Текущий год является решающим в организации антикоммунистических сил Западной Европы. Просмотрим бегло этапы развития этой организации.

19 февраля ген. Геринг отправляется в Польшу на охоту. В тот же день он обедает у полковника Бека, министра индел. Обедают министры не в лесу на охоте, а въ Варшаве.

Того же 19 Февраля немецкий посол в Риме фон Хассель — польский посол в Риме, Высоцкий, продолжительно беседуют с Муссолини, после чего оба посла без замедления возвращаются в Рим, снова беседуют с Муссолини и снова мчатся с докладами к своим правительствам.

28 февраля германский канцлер и вождь ненецкого народа, Хитлер, дает интервью журналисту парижской газеты „Пари Миди", в кнторой говорит: Перед вами Германия, девять десятых которой абсолютно верят своему шефу. И этот шеф вам говорит: — Будем друзьями! — Это интервью состоялось на следующий день после ратификации французской Палатой Депутатов франко-советского пакта

5 марта полковник Бек приезжает в Брюксель, где говорит в дипломатической беседе о необходимости пересмотреть устаревшую систему взаимоотношений народов, и что Польша уже стала на этот путь по отношению к Франции и Германии.

Антикоммунистическая Польша предпочла крепнущую антикоммунистическую Германию улыбающейся московским доктринам Франции. Лучшего выбора не было.

7. марта Канцлер Хитлер приглашает к себе послов европейских держав, об'являет им о своем решении обеспечить себя со стороны Франции, ставшей союзницей Москвы, союзницей коммунизма Через час войска Германии заняли Прирейнскую демилитаризованную зону.

Так Германия ответила на ратификацию франко-советского пакта.

В июне заканчивается молненосная победа фашисткой Италии в Африке при моральной поддержке Германии, Австрии и Венгрии, отказавшихся от участия в бессмысленных экономических санкциях против Италии. (Потери Италии: офицеров и солдат — 2313, рабочих — 453, туземных войск 1593. Всего — 4359).

Личная политика Муссолини по сближению Германии с Австрией завершается блестящим успехом: 2 июля состоялось Австро-Германское соглашение, по которому Австрия признается немецким независимым государством.

Этот акт лег в основу образования двухсотмиллионного антикоммунистического центрально-европейского блока, от Финских фиордов до Гибралтарского пролива, включая Пиринейский полуостров. Актом Австро-Германского соглашения освящено начало взаимодействия Германии и Италии в наступательном движении колониальной политики в Африке за счет одряхлевших „победительниц" Франции и Англии. Англия первая спохватилась и учла угрожающее значение Германо-Итальянского сближения, поспешила перевести свою морскую базу из Мальты в Александрию, ближе к Суэцкому каналу, и заключила с Египтом договор, по которому последний признается независимым государством с правом вхождения в лигу наций. Одновременно Англия увеличила интенсивность осуществления большой военной программы, доведя добавочными кредитами ее бюджет до 188 миллионов фунтов стерлингов и дав часть воен заказов в Америку.

В данное время в средиземном море, доминирует итальянский флот. Если к этому прибавить возможность организации в Триесте германской воздушной базы, о чом в Августе французская и английся печать тревожно обмолвилась, то будет понятна тревога Англии за безопасность водного пути через Суэц и в частности за колонии в Африке.

Победа националистов в Испании включает весь Пиренейский полуостров в зону политических возможностей в средиземном море Германии и Италии и, наоборот, уменьшает влияние Англии. Однако, Англия стремится сдружиться с

грозной Германией, вернее, Англия принуждена вести такую извилистую политику — плохой мир — лучше доброй ссоры — Дружба Англии с антикоммунистической Германией диктуется страхом потерять Индию в результате больших достижений там Москвы и расчетом на разрешение колониального вопроса в Африке за счет митингующей Франции. Будучи в дружбе с Германией, Англия расчитывает успешнее вести политику изолирования Италии, укрепляющейся на пути в Индию. Политика сближения Англии с Германией об'ясняется и желанием выиграть время для восстановления своей военной мощи.

Реальные расчеты Германии на приблизившееся приобретение на Востоке новых союзников с богатым рынком, Англию не пугают: она тем временем думает оправиться, кроме того усиление на Востоке менее опасно.

В сентябре фон Папен охотится в Чехословакии — Президент Бенеш на многолюдном собрании в Железном Роге произносит реч, в которой не видит причин, мешающих чехословакии жить в добром соседстве с Германией; 22 октября министр индел Крофта заявляет, что Чехословакия не станет ни в антибольшевицкий, ни в антифашисткий фронт. Нейтралитет или отказ от дружбы с Совсоюзом?

Немецкие охотники охотятся и на Балканах, а в Румынии уход Франкофила Титулеску. Совпадение . . ?

23 Октября премьер министр Румынии приехал в Белград отдохнуть на Далматском побережьи, а сам корол Румынии посещает Прагу. Тема дипломатических бесед все та же: с митингующей Францией Леона Блюма и Леона Жуо, или с государствами порядка и политической стабильности?

12 Октября полковник Бек, проездом из Женевы, останавливается в Париже, в беседе с представителями национальной политики берет на мушку франко-советский пакт, а в Брюсселе 14 Октября король Леопольд III об'являет нейтралилитет Бельгии. Берлин и Рим торжествуют, Париж старается сохранить равнодушие, Лондон делает выводы в пользу Бельгии об'ясняя первопричину франко-советским пактом

23 Октября Португалия порывает дипломатические сношения с красным Мадридом. К чести этого маленького государства следует отнести: безошибочная оценка им первопричин испанской трагедии и безошибочное определение катастрофических последствий для Португалии в случае советизации Испании.

Где же союзники коммунизма? Франция? Рассмотрим Францию 1936 года.

В день национального праздника, 14 Июля 1935 г. радикалы, социалисты и коммунисты об'единились в народный фронт, вследствие чего на выборах в Палату Депутатов 3 мая с. г. получили большинство голосов. Приходу к власти нового правительства народного фронта предшествовали массовые забастовки по продиктованной из Москвы системе занятия бастующими фабрик и, вообще, мест службы до улажения исскуственно созданных конфликтов. Забастовки, в большинстве случаев, об'являлись и руководились представителями весьма немногочисленных професиональных синдикатов В первые же три недели забастовок эти синдикаты разрослись до 5 милионов чел: производилась массовая коллективизация рабочих и служащих, вообще. Во глава синдикатов стоит Генеральная Конфедерация труда, сакращенно С. Ж. Т. В руках, генерального секретаря С. Ж. Т., г. Леона Жуо, оказалась власть над рабочей массой, торжествовавшей коллективную победу.

Коммунистическая партия отказалась войти в состав правительства народ. фронта, но об'явила себя министерством масс, т. е. руководить массами в закреплении июньских достижений; иначе говоря языком времен Керенского, коммунисты, по указке из Москвы, взялись углублять революцию.

Таким образом, правительство Леона Блюма оказалось в положении исполняющего волю народа, руководимого генеральным секретарем СЖТ и компартией. Достойно внимания оценка в июле положения во Франции частью английской прессы: „Франция не значущий фактор".

По данным французской прессы на 1 Июля назначен был коммунистический переворот в Париже, который был в последний час отложен за неопределенное время. В последнюю минуту правительство было поставлено в известность о готовившемся перевороте. Премьер министр встретил известие с видом невинного. Та же пресса отметила, что немецкий генштаб был своевременно осведомлен и что Приерейские гарнизоны получили приказ быть готовыми к выступлению.

С приходом к власти народного фронта, III Интернационал зажил во Франции как рыба в воде.

Лидеры компартии всячески стараются выполнить задания Москвы—втянуть Францию в войну с Германией; они даже одно время пытались спровоцировать правых реставрацией народного фронта в Национальный фронт, дабы увлечь их в конфликт с Германией В этой игре Москва преследует две цели: отвлечь от себя внимание антикоммуннстической Европы и в период конфликта советизировать Францию.

Каждое воскресение во Франции отмечается митингами, манифестациями, празднествами, на которых почти всегда произносят речи члены правительства. Для охраны коммунистического митинга в Париже 4 Октября было вызвано 20 тысяч полицейских. Отношение же правительства народного фронта к инакомыслящим таково: 8 Октября полиция произвела обыск в 37 центрах партии „Социаль Франсь" (лидер-полковник де Ля Рок); бывшего коммуниста Жака Дорио, образовавшего новую антикоммунистическую, весьма популярную, партию „Попюлер Франс" назвали сто-процентным фашистом

Тактика коммунистов в армии: нижнечинские должности вверяются коммунистам за примерную дисциплину (до поры — до-времени) и отличное знание службы. Эти же должностные чины и являются лучшими информаторами о не желательных высших чинах армии, подлежащих аресту в первый же момент отложенного коммунистического переворота. Одним словом, а армию проведены свои надежные люди. Нам, прошедшим через коммунистическую революцию, легче, чем кому другому сделать выводы об армии на случай гражданской войны.

Не менее интенсивную работу ведет Москва по разжиганию националистических идей в народах Африканских французских колоний, с целью отделения их от метрополии.

III Интернационал в нынешней Франции сделал очень много и наивно было бы думать, чтобы Москва без боя ушла с последних позиций Западной Европы.

Едва ли Белгия упрекнет своего короля в правильности сделанного вывода на счет Франции. К безошибочным выводам идет и Чехословакия.

Франция не лишена национальных сил, они есть и значительны, но без вооруженного столкновения им Москвы с территории Франции не изгнать. В данное время вся без исключения французская пресса признает, что Франция разделена на два лагеря. Старая культура и буржуазность народа дают основание верить в конечную, М. О. не легкую, победу национальных сил. Нам представляется неизбежным включение Франции в единный антикоммунистический европейский лагерь, а потому возможность новой мировой катастрофы исключается, за счет изгнания коммунизма, на первое время из Европы. Именно к этому и направлена европейская политика, чему подтверждение мы находим в Нюрембергском конгресе и недавних соглашениях между Германией и Италией.

Издающаяся не русском азыке в Париже ежедневная европейская газета не могла, естественно, отнестись безпристрастно к Нюрембергу, не дала точного превода речей и постановлений, назвав все, сплошным сквернословием, мы приводим в точном переводе с французской газеты „Матен" некоторые пассажи из сказанного на 8 конгрессе партии национал-социалистов в Нюремберге 1936 года. Из речи вождя и канцлера Хитлера, произнесенной в день открытия конгресса, 9 сентября: „Страшные кровавые события в Испании открывают нам цели большевизма . . . Перед большевицким коммунизмом цивилизованный мир должен об'единиться в своей общей судьбе . . . Многие народы признали коммунистическую опасность. Мы приветствуем сегодня среди нас представителей итальянской фашисткой партии . . . Злоба — смерть нации. Германский нарро желает мира. Вот почему, в согласии с военным министром. я ввожу двухлетнюю службу. Германия теперь чувствует себя совершенно гарантированной внутрн и из-вне".

Из речи Альфреда Розенберга, начальника отдела внешней политики партии н. с.: „Большевизм есть доктрина преступников Это мировой заговор, политически и военно организованный . . . Существование и будущее Европы в данное время защищается прежде всего в Берлине. Ныне отвратительное избиение элиты испанского народа заставляет всю Европу подумать более глубоко о своей собственной судьбе".

Из речи министра пропаганды доктора Гомбельса: „Террор, убийства и зверства — вот характерные свойства большевицкой революции, которая угрожает всему миру . . . Ни какого компромиса с большевизмом!" Говоря о росте французской компартии (в Январе 36 г. 226 тысяч) доктор Гебельс говорит: „Все, как в Испании, Франции управляется народным фронтом. Троянский конь Димитрова введен в стены Парижа. . . Вопрос большевиками — вопрос продолжеиия существования Европы. Нужно принять решение за или против со всеми вытекающими из него последствиями. Это историческая заслуга фюрера, признанная всем миром, что он поставил преграду большевизму."

И речи Хитлера 12 Сентября: „Если бы когда нибудь наши враги вздумали нас атаковать, они поймут-кто мы. На протяжении последних четырех лет у нас была лишь одна молитва: „Господи, дай нашему народу Мир внутренний и сохрани ему мир внешний". Мы не агрессивны против демократии, но наш смертельный враг — большевизм. Если большевизм. Если большевики осуществят свой военный план, Европа захлебнется в море крови и ужаса".

На Нюрембергском конгрессе говорилось о священной войне против большевизма, однако русскому профессору Милюкову это не понравилось и он назвал все там сказанное „сквернословием". Этот характерный случай лишний раз убеждает нас, казаков националистов, в продажности русской эмигрантской, так наз элиты.

Москва спешно проводит организацию военной базы в Средиземном море, пользуясь территорией Каталонии (юго-восточная часть Испании), откуда предполагается перенести военные действия гражданской войны на территорию Франции. Германия и Италия приняли решение не допустить укрепления последней советской ставки в Западной Европе Как следствие этого решения надо ждать в ближайшее время признания Германией, Италией и Португалией Бургоского правительства ген. Франко.

Итак, вся Европа представляет антикоммунистический блок, за исключением Франции, временно остающейся вне его, что, впрочем, не имеет ни какого влияния на темп развивающихся событий, приближающих нас к долгожданному освобождению нашей Казачьей Родины.

Этапы завершения организации антикоммунистического Фронта наиболее интересный период 25 Октября по 25 Ноября. Рассмотрим их в краткой журнальной рамке.

С 27 по 31 Ноября король Румынии с наследником престола и министром Индел пребывает в Праге. В результате дипломатических переговоров стороны приняли решение: 1) всячески поддерживать Центральную Европу в ее стремлении к миру и 2) не принимать участие в конфликте двух различных режимов. Значит ли это отказ Чехословакии от пакта с Советами, подписанного 16 Мая 1936 г? Во всяком случае это лишний раз нас убеждает в новом курсе внешней политики молодой славянской республики.

Пребывание короля Румынии в Праге совпало с пребыванием итальянского мин. Индел графа Чиано в Берлине, в результате которого Германия признала за Италией право на завоеванную Эфиопию и принято решение по след. пунктам: 1) борьба с коммунизмом, 2) стремление к миру в Европе и 3) недопущение советизации Каталонии. Это последний акт установления между Берлином и Римом оси, вокруг которой могут сотрудничать все Европейские государства, подчеркнут самим Муссолини в его Миланской речи 1 Ноября.

День 8 Ноября отмечен тремя совпадениями: полк. Бек, один из выдающихся европейских дипломатов, приезжает в Лондон; в Вену приезжает граф Чиано; в Мюнхене канцлер Хатлер произносит речь: „Если коммунизм попробовал бы взяться за Германию, он нашел бы с кем говорить!"

Миссия полк. Бека была: выяснить взгляды британских правителей на проб емы, интересующие Польшу, а именно: польско чешские трения, ревизионизм Венгрии, колонии, эмиграция евреев, но самый главный вопрос это — антисоветский фронт.

14 Ноября канцлер Хитлер об'явил не действительным 13 п. II отд. Версальского договора, вследствие чего иностранные суда лишались права свободного плавания по рекам Германии Этим актом заканчивается окончательно освобождение Германии от обязательств по Версальскому договору, за исключением, разумеется, территориальных урезок и колоний.

Вертящаяся между Берлином и Римом ось отметила в один день, 18 Ноября, три достойных внимания явления: 1) Германия и Италия официально признали власть ген. Франко законной национальной властью в Испании, 2) граф Чиано имел продолжительную беседу с немецким и японским послами в Риме по вопросам координации действий против коммунизма и 3) с 10 часов вечера и до 4 час 15 мин. утра беспрерывно в Риме заседал Висший Фашисткий Совет, на котором обсуждались вопросы: 1) борьба с коммунизмом, 2) усиление вооружения и 3) отношения Италии и Англии в средиземном вопросе.

Вокруг Римско-Берлинской оси, включившись мощным звеном в антикоммунистическую цепь европейских сил, завертелась непреклонная воля Японии покончить с коммунистическою опасностью; 25 Ноября состоялось подписаиие соглашения между Германией и Японией действенно бороться с III Интернационалом. Решено действовать согласованно, решительно. Решение в Берлине предусматривает призыв к сотрудничеству всех народов Европы, ибо вся Европа подвержена коммунистической опасности. Этот последний пункт соглашения нас, представителей угнетенных народов в Совсоюзе, вообще, и в частности казаков националистов, жизненно касается, ибо из него вытекает животрепещущий вопрос: Будут ли приглашены к сотрудничеству Украина, Казачьи земли, народы Кавказа? Ведь эти народы в 1918 г. через свои выборные народные парламенты заявили о выходе из состава б. Российской империи, об'явили свою государственную независимость, героически боролись за нее с коммунистами. Оставаясь принужденно в составе Совсоюза, народы Украины, Казакии и Кавказа смертельно ненавидят коммунизм. То же самое можно сказать о народах Сибири. Нас интересует: будет ли признана государственная Независимость перечисленных народов раньше военных действий? Предпосылками такой вопиющей справедливости являются независимые Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша и в Азии — Манджуко и внутренняя Монголия.

Здравая логика антиимпериалистической идеи в борьбе с коммунизмом должна продиктовать дирижерам антикоммунистического фронта в интересах всеобщего мира открыто и предварительно, отречься от захватнических целей, об'явить государственную независимость угнетенных народов Советского Союза теперь же. Движение с колонизационными расчетами, можно с уверенностью утверждать, не только обречено на неуспех, но кончится победою коммунизма. Предварительным отречением от захватничества исключается европейская война, о которой так много говорят: вся Европа представляет один антикоммунистический лагерь; война же хотя всей Европы с коммунизмом не может быть названа европейской войной.

Последние известия с Пиренейского полуострова говорят о том, что в антикоммунистическом движении от слов своевременно переходят к делу: война Германии и Италии с Советами началась в Испании.

Настал долгожданный спасительный момент . . . Культурные народы Европы с опозданием на 18 лет, наконец, поняли истинное значение комнунизма, ощутили его кровавое дыхание. Оставшиеся в живых казаки эмигранты, наконец, дождались прихода сильных союзников. Все ли это чувствуют? Все ли оценивают важность момента? Отдают ли себе отчет наиболее ответственные казаки-члены: В. Кругов и В. Рады в том, что они обязаны без замедления заговорить с новыми союзниками тем языком, каким они говорили в 1918 г? Мы знаем о чем думают единонеделимцы Краснов, Черячукин и многие другие генералы, в том числе и русский граф, провозглашенный Донским Атаманом. Судить их будет государственный суд там, на Дону. Но о чем думает честная казачья старшина? Наконец, о чем думает Донской Походный Атаман ген. Попов П. Х.? Останется ли он безгласным к настоятельному зову событий?

М. Г. Господин редактор:

В виду непрекращающейся лжи, которой украшаются страницы журнала В. К., временами доходящей до уличной брани, без которой горе—вождь не может обойтись, покорнейше прошу Вас не засорять наш журнал „Казакия" ответами на всякие глупости г. Билого, ибо этим самым мы оказываем Билому слишком большую честь. У нас, я, полагаю не имеющим иностранного кошелька, страницы нашего журнала должны быть использованы с наибольшей пользой для казачества. Полимизируя с Билым, Вы всеравно его не убедите, что лож и вообще вульгарность удел нехороших людей, ибо г. Билый органически не переваривает ни правды ни порядочности.

1—XII—1936 г. Франция.

С почтением А. Лысенков.

Полк. Золотов (Фр.)

К лучшим людям Донской Земли

В № 14 „Казакии" помещена статья г. Ш. Балинова — „Слово принадлежит Членам Круга". Вне всякого сомнения, статья имеет весьма и весьма серьезное значение не только для донских казаков, но и для всего Казачества. На деталях статьи я останавливаться не буду: их можно оспаривать, с ними можно не соглашаться, быть может можно бросить автору кое за что некоторый упрек, но основную мысль статьи обойти молчанием просто преступно, ее надо повторять, надо приветствовать, а автора за нее благодарить.

Вопросы, затрагиваемые статьей, никакой казуистики в себе не таят, они просты и определенно ясны. Между прочим члены Круга, к которым направлено обращение, до сих пор уст своих не размыкают. Ясно, что отдельные группировки у донцов существуют, но общего об'единения нет. Это факт, и мы, казаки, его знаем и в особенности чувствуем на освоих плечах. Об'единение донцов необходимо. Распада семьи допустить нельзя. Не менее ясно и то, что Дон — государство, вновь восстановленное, существующее и, на досаду и горечь некоторых, не исчезнувшее,

Как и всякое государство, Донская Республика имеет свои основные законы. Это тоже факт для всех донцов неоспоримый, кроме тех, кто подседлав „аналогию", при помощи ее, силится брать такие препятствия, на которые можно идти только по наивности и по некоторым другим невысоким качествам. На незыблимости Основных Законов Дона ведется покушение, против них ведется война и при помощи открытых атак и при помощи подкопов.

Законы же — это отражение жизни народа, который существует и хочет существовать, не теряя своего лица. Это лицо есть, и оно должно сохраниться. Надо лишь разумно выполнять Основные Законы ВВД и при помощи их разумно и толково руководить. Законы, будучи незыблимыми, не должны быть мертвой буквой и не должны пребывать в замороженном состоянии. Их нужно проводить в жизнь умелой и опытной рукой. Донская казачья республика, по обстоятельствам от нее независящим, не успела окрепнуть надлежащим образом. Как этим серьезным вопросом, так и вишезатронутыми вапросами, нам донцам необходимо заняться, не медля ни минуты.

Для такой работы прежде всего необходим высший, законный, а не самоявленный ответственный орган. Кто же функции этого органа должен на себя взять?.. Как будто Атаман! Но „тумано" избранный на высокий пост Президента Донской республики, он этим делом заняться не может и не хочет, ибо углубившись в „аналогию", он мыслит Казачество только „под'яремным".

Правительство?! Оно было, но оно по особым соображениям ликвидировано

Войсковой Круг!? Возражать нельзя. Ибо Круг и есть действительно тот высший законный казачий орган, с которым лишь и возможен обмен мыслями тех, кто к нам расположен благожелательно и не прочь бы с нами побеседовать на темы, имеющие глубоко жизненное значение как для донцов, так и для всего Казачества.

Вот те причины, которые побудили г. Балинова, как донца, бросить клич: „За Вами слово господа члены Круга!" Но последние, повидимому решили молчать Почему? Чужая душа потемки. Причин, конечно, может быть много. Возможно, что члены Круга, на основании тех же Основных Законов ВВД., свои полномочия считает законченными. Но не надо забывать, что члены Круга — выборные (т. е. лучшие) Дона. Можно ли им отделываться молчанием? Возможно, что некоторых к молчанию приводит пошатнувшееся под тяжестью беженских невзгод, гражданское мужество. Уныние не к лицу народным избранникам! Если в силу Осн. Зак. вы перестали быть членами Круга, то разве это значит, что от вас отпала ответственность народных избранников. Вы дома законодательствовали, вам доверяли, к вашему голосу прислушивались и желают услышать вас и теперь. Следуя примеру Балинова, яв свою очередь взываю к вам:

Лучшие люди Земли Донской откликнитесь! Отбросьте на время техническую сторону вопроса, имейте в виду пока сторону моральную и скажите ваше слово.

ОБЗОР ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ

А. Отклики некоторых франц. и итальянск. газет на Франко-Русский пакт

„Журнал-де-Деба", обсуждая речь Бельгийского Короля, означающего отрыв Белгийской политики от Французской, обращает внимание читателей на столбцы газеты „Таймс" где говорится: „В частности Бельгии не нравится Франко-Советский договор и его возможные отражения. Улучшение нашего дипломатического паложения может произойти только в том случае, если внутри. как и внешним образом, мы перестанем играть роль союзников коммунизма" — заканчивает „Журнал-де-Деба".

„Ле Матен" от 17. X. была напечатана статья, где говорилось: „И так Франко-Советский пакт неустанно преследует свою разрушительную работу. Ему мы обязаны нарушением Локарнского договора; воскрешением военного могущества Германии и ее сближению с Италией. Его мы должны благодарить сегодня за неприязнь будущих правителей Испании и за отказ Бельгии от Французского союза, а завтра мы будем ему обязаны тем, что нас покинет и Англия, у которой нет никаких причин помогать распространению чумы в Европе. Горе, трижды горе, тому, кто заготовил этот проклятый акт, кто его заключил и кто собирается его поддерживат."

В **„Ла Републик"** г. Прейфер пишет:

„Дабы придти на выручку Советам, нам пришлось бы пройти через Швейцарию, через Италию или же Бельгию; две первые двери были закрыты; третья только что закрылась. За нашу дружбу с Москвой мы уже заплатили натянутостью дипломатических отношений с Италией, угрозой вмешательства в Испанские дела, ослабление дружеских отношений с Югославией и Румынией, а теперь и потерей союза с Бельгией. Это дорогая цена, слишком дорогая! . . .

В **„Ле Журналь"** от 19. X. г. Жорж Блюм сообщает о том, что говорит и думает Берлин о вреде Советского пакта для Франции: „В Берлине доставляют себе удовольствие в перечислении друзей и созников, которых мы потеряли благодаря нашему союзу с Советами. Нам говорят, ссылаясь на речи, которые произнес Хитлер: „Мы всегда готовы заключить пакт на Западе, но мы не желаем имет ничего общего с Советами, которые добиваются Европейской войны".

Итальянская газета **„Месаджеро"** пишет:

„После Франко-Советского пакта, заключенного без участия Брюсселя, солидарность с Францией стала синонимом солидарности с Коммунистической Россией. Бельгия не могла закрыть глаза на то обстоятельство, что если бы русская политика вызвала вооруженную реакцию, то французское вмешательство обязательно вовлекло бы в водоворот войны и всех ее союзников."

Б. Участие СССР в Испанских событиях

Французская газета **„Гренгуар"** в номере от 23 X. в статье под заглавием „Коминтерн ищет войны" — говорит:

„7 и 28 августа мы разоблачали план коминтерна создать Советскую Каталонию и основать в ней базу своей революционной деятельности в Западной Европе. 9-го окт. мы разоблачали настоящую причину назначения в Барцелону „Советского ганерального консула" — Антонова-Овсеенко, в действительности контролера и организатора Средиземной Красной армии. События подтвердили нашу информацию, которую мы можем еще раз напомнить: В виду угрозы близкого падения Мадрида. Кремль решиль поторопить события. 18 окт. было собрание Политбюро, состоявшееся в частных апартаментах Сталина. Собрание это состоялость под председательством Молотова. Принятые на нем решения весьма важного и угрожающего Европейскому миру характера".

„Пари-Суар" от 25. X. публикует сообщение своего римского корреспондента о том, что говорит итальянская пресса о советской угрозе — покинуть Комитет Невмешательства:

„Италия не задумается вернуть себе свободу действий и всеми способами воспротивится образованию в Мадриде коммунистического правительства или коммунистической се

паративной республики в Испании, в том случае, ели Россия пожелала бы привести свои угрозы в исполнение".

„Фигаро", устами своего видного сотрудника Вл. д Ормессона, напоминая возглас старого Унамуно — „дело идет о сражении между цивилизацией и варварством" — так раз'ясняет события в Испании: „Злополучный испанский народ, малограмотный и всегда горячий, рвет ядом, который анархо-коммунистическая пропаганда годами впрыскивала в его вены. Увы, бесчисленное количество тех жертв, которыми приходится расплачиваться за это выздоровление. Нам нечего вмешиваться в эту трагедию. Однако, мы можем сказать, что каково бы ни было наше отвращение к гражданской войне — в душе мы солидарны со всеми теми, которые льют свою кровь, дабы освободить цивилизацию и Европу от поистине демонических сил".

„Ла Виктуар" (статьей г. Густава Ерве) отвечает на иллюзию Москвы: „. . . Что касается надежды на то, что завтра или послезавтра найдется такое Французское правительство, которое вовлечет нас в Европейскую войну, вмешавшись в дела Испании, надо абсолютно не иметь понятие о складе ума французского народа, чтобы думать, что он даст себя втянуть в авантюру подобного рода. И мы не говорим только о той широкой половине французского народа, которая шлет горячие пожелания генералу Франко, мы говорим и о другой, о красной половине страны. Значительно было количество крестьян, которые по наивности голосовали в мае за „Народный фронт": так пусть попробуют получить от них согласие на подобную авантюру и посмотрим, что они скажут! Да и можно ли даже помышлять о столь глупом вмешательстве, будь то военной силой и доставкой боевых запасов испанскому „Народному фронту".

„Ле Жур" (г. Леон Бальбо) пишет:

„Что Россия с отчаяньем цепляется за Испанию об'ясняется тем, что это она же и зажгла в Мадриде гражданскую войну, она заготовила е вв причину, дала сигнал и способствовала ее продолжению. В этом деле затронут ее престиж и даже будущее Советской России. Ибо если Испания скоро освободится от большевицкого яда, немедлено же последует и освобождение Франции, а тогда, быть может, на многие годы Москва проиграет игру в Европе. Поотому легко себе об'яснить то неимоверное усилие со стороны Советов, которому мы будем свидетелями все это время. Большевики стараются спасти, если не Мадрид, который нужно считать потерянным, то хотя бы Каталонию, которая осталась последним пунктом советского сопротивления."

„Итрансижан" (г. Галлюс) пишет:

„Не надо воображать, что Франко-Советский пакт принудил бы нас примкнуть к безумной выходке (вмешательство Советов в испанские дела. Ред.). Пакт этот был Заключен для мира, е не для войны. Он предусматривает то, что было бы предпринято в случае территориального нападения, но и только".

„Журнал" (г. Клемент Вошель) сетует:

„Ах, эти русские, как они нам дорого стоят! Все это мы знаем, мы вспоминаем, мы предвидим . . . Ну и что же? Ну и ничего. Мы вроде того фаталиста, который в минуту откровенности расказывает о своей возлюбленной:

— Она мне стоила безумных денег, она ссорит меня со всеми моими друзьями, она мне цинично изменяет, она наверное приведет меня к гибели, и, несмотря на то, что я ее больше не люблю, — вы согласитесь, что это вполне естественно — я не могу решить—ся ее бросить . . .

Вот и об'ясните! . . ."

А. Н. Трофимов (Франция).

Степан Тимофеевич Разин

(Продолж. части, напеч. в № 15).

Так постоянно шло образование на Дону двух слоев населения — старшины и рядового казачества. И к началу второй половины XVII столетия уже основательно выявилась духовная и материальная разобщенность. Правда, в первые годы появления старшинской групы они не имели еще достаточной силы, а иногда и ничем не выявляли своего расхождения, действуя совместно. Прислушиваясь к советам Москвы, казаки умели еще высоко ценить свою независимость и решительно, дружно выступать на ее защиту. Так, царь московский, отказавшись от такого подарка, как Азов, где казаки показали чудеса храбрости и стойкости, непревзойденной до сих пор, посылает ослабленному Дону воинскую помощь. В надежде, что Дон так слаб, потеряв цвет своих сил, что можно уже ручку протянуть к их волюшке вольной, начальник этого отряда как бы забыват, что всяк, кто бы он ни был, находясь на территории Донской республики, обязан подчиняться ее законам и Войсковому Кругу, как верховному учреждению. Он же, надо думать, не по собственному решению, прибывши на Дон, в Круг не шел, приглашая казаков п о ж а л о в а т ь к н е м у в стан. Это была первая попытка Москвы открыто „унизить достоинство державного Круга Донской республики" (Сватиков), первая попытка к непризнанию суверенного републиканского строя Дона.

Донцы, не взирая на свою воинскую слабость сАзова, не глядя на то, что за спиной Кондырев стоит 4000 солдат, находят еще в себе достаточно впаянности и отвечают: „А Войску Донскому к вам в стан не хаживать, а наперед до сего того не было, что атаманам и всему Донскому войску к вама, к стану ходить . . . Как зачалось Донское Войско, такого образца не бывало, чтобы для вас такие статьи переменять. Если же не желаешь, то государевой казны и запасов не примем".

Так решительно мог отвечать Дон, когда его старшинская группа, только нарождалась, когда она еще не имела сильного влияния; Дон так говорил даже в период необычайного своего ослабления в связи со взятием и защитой Азова, после внезапного налета турецких полчищ в глубь донских степей, когда в 1646 году был уничтожен Черкасск — столица Войска.

Так было в 1646 году, а через каких-нибудь два года Москва повторяет этот же маневр, когда Андрей Лазарев потребовал, чтобы казаки пришли к нему на посольский стан получить царскую грамоту. В ответ на это Войско, по словам самого Лазарева, постановило „меня за ноги приволочь до Кругу". Хотя за ноги и не волокли, но „привели меня на Кругъ, что пленнова".

Так Дон умел когда-то ценить свою независимость и оберегать престиж державного Круга. Умел он защищать и права своих отдельных братьев, пребывающих в пределах Московского государства. Тогда как всякий, кто бы он ни был, находясь на земле Войска, карался в случае провинности Кругом, а казак — член Зимовой Станицы, находясь в Московском государстве, был неприкосновенен. Крепко защищал Дон и тех очень немногих русских, что прибегали на Дон, спасаясь от рабства, отвечая на на все требования оттуда: „С Дону выдачи нет!" Всё это Дон мог делать только тогда, когда все

казаки стояли, как один, за интересы своего отечества.

Но чем ближе мы подходим ко времени выступления Степана Разина, тем сильнее ощущается разобщенность в среде казаков, тем заметнее становится влияние Москвы на делах Дона. То, как видим мы, они посылают бумаги на рассмотрение царя, то не решаются сами что-либо предпринять. А воеводы московские все более наглеют. Так, например, царицынский воевода Львов „дурует и делает не по указу . . . Донские казаки ездят на Царицын город для своих нужд соли покупать, а воевода казаков на Царицыне бьет и увечит напрасно и соли купить не дает“ . . .

А войско уже не находит в себе достаточно спайки должным образом ответить. Старшина же становится все сильнее. Уже можно видеть, что иногда, прежде чем об'явить на Круге какое-либо предложение, эта группа старшины поступает уже как преданные агенты Москвы: они не вносят вопрос на Круг, не решивши предварительно его в своей среде. И это свое решение, при помощи своего влияния и малоразбирающейся рядовой массы казаков, проводят в жизнь, организованно защищая интересы Москвы или интересы своей группы.

Дорого, ой как дорого, потом обошлась Дону эта предательская работа группы старшины, поддавшейся московским искушениям — быть богатым, иметь крестьян, земельку, деньги и пр. прелести жизни. Эта группа не только не противилась все глубже и глубже проникавшему в жизн Дона влиянию Москвы, но и помогала этому, прибегая к тайным от Войска сношениям с ней. Некоторых из них уже перестала интересовать честь своего отечества; ради интересов Москвы они продавали свою волю и свободу. Что для них это братство и равенство, где все „лутчие“ ?! Какое им удовольствие поддерживать престиж Войска и Круга, ничего им не дающих, кроме забот? . . А Москва?.. Ну, тут — деньги, бархат, возможность быт дворянином, паном, чины, ордена. Прислуживая Москве, предавали свой Дон. Оседали прочнее, хозяйство старшины ширилось, влияние увеличивалось! голос их группы станавится на Круге все заметнее и решительнее. Рядовая же масса все беднела, подпадала незаметно через этих „господ“ в руки Москвы: с турками не воюй, на Волгу не ходи, с тем не сносись, того не предпринимай; захотели купить или продать — имей разрешение. Дошло даже до того, что и на Круг пускай того, кто нравится Москве.

Раньше было так, что „бывавшие частно в значительном числе на Дону приводившие для совместного участия в морских походах не только яицкие и и терские, но и запорожские казаки пользовались полным равенством, всеми правами гражданина Донской республики. Запорожцы участвовали с донскими казаками в решениях и Войскового Круга“ (Быкадоров И. „Ист. Каз-ва“)

Теперь же Москва пишет „чтобы запорожских черкас в Круг не пускать“, потому что это, видите ли, Москве не нравится. Так что северный сосед на этот раз не ошибся в выборе пути для порабощения Дона. Золотая мошна, обещание благ, игра на тщеславии отдельных лиц из старшин дают свои результаты.

Итак, кратко просматривая взаимоотношения этих двух соседей, мы видим, что донцы часто не жалеют своих жизней, когда ради интересов Росии в защите ее против турок, татар или поляков смело выступают в бой с ее врагом; решительно и упорно отстаивает от нее же свою независимость; служат, но подданными быть не хотят; принятых в свою семью не выдают, видим причину расслоения и постепенного духовного ослабления в результате внутреннего расслоения. Со стороны же Москвы мы наблюдаем прежде всего и после всего — желание использоват военную силу донцов в свою пользу; использовав, подчинить их себе; подчинив — закабалить на подобие своих крестьян.

С. Т. РАЗИН.

В период официального закрепления крестьянства на Руси, в годы бесправия и беззащитности их от своеволия бояр и дворян, когда самодурству последних не было границ, когда вельможные бояре во главе с царем Алексеей Михайловичем уверенно протягивали руки для захвата Дона и удушения ненавистного им республиканского строя Донцов, в момент открытого и частного вмешательствв царя в дела донские и появляется на арене донской и московской жизни мощная фигура Степана Разина.

Читая русских историков или бытописателей того времени, вы выносите о нем такое впечатление, что Разин грабитель, разбойник, кръвопийца, государственный преступник, попиратель всего святого в жизни казачьей и на Руси. Словом, Степан Разин такой душегуб, что и вспоминать о нем стыдно, хотя песни в народе хорошие поют про него.

Описывая его движение, они совершенно не касались вопроса о состоянии боярства и крестьян на Руси, или, говоря о них, ни словом не упоминали о жизни на Дону и его взаимоотношениях к Москве и обратно. Поэтому за побудительные причины восстания Разина они брали лишь то, что было в интересах русского государства, и Разин в их освещении получился таким, каким его угодно им было иметь.

Критикуя, разнося его, они умалчивали о деяниях царей и бояр. Только проследив, хотя бы в общих чертах, условия жизни Дона и Москвы в эпоху, предшествовавшую этому событию, ознакомившись с их взаимоотношениями, с их нравственным обликом, можно найти другие, более правдоподобные причины, побудившие Разина стать во главе движения против Москвы.

Только таким путем, сравнивая социально-политическое и экономическое положение на Дону и на Москве в ту эпоху, можно видеть, что Разин не был так плох, цели и задачи его не были низменны, как о нем говорят, что он вовсе не был разбойник, что он в своем движение на Москву (не на Каспий, а на Москву) совершенно не ставил себе задачи, поживиться пограбить, погулять. Нет и отнюдь нет! Все это приписано ему услужливыми историками, которые, если и знали, что это неправда, но писали так, потому что иначе не могли, не имели права, им не разрешалось писать правду, или не хотели сами. И они одели славного, но грозного Атамана Степана Разина на веки вечные в разбойничий наряд.

Но предания, память о нем, песни, где народ несет до сих пор хвалу ему не только на Руси, но и на Дону, отнесшегося тогда, под влиянием старшины, отрицательно к нему, заставляют сомневаться в прав-

дивости их „исторических" описаний его фигуры, как человека. Если бы он был так плох и для Дона, то казаки не вспоминали бы, не пели бы, не прославляли бы и не говорили бы в тоске неизживной о нем:

„Где наш Стенька, где наш Разин?"

С Разиным Степаном получилось то же самое, что было бы и с нами, если бы про нас писали бы — только руские. В самом деле, просматривая дела недавних лет, время нашей борьбы с большевиками, отбросьте, не читайте „Донскую летопись", не замечайте некоторых казачьих писателей, рисующих наше участие в борьбе, не интересуйтесь отдельными статьями в казачьих журналах различных направлений отбросьте всё это, как младороссы отбрасывают казачью историю, как они заявили на одном из своих собраний в Париже, и будете смотреть на самих себя, как на изменников, как на преступников, как на единственных виновников провала белого движения. Вы будете, к удовольствию русских, убеждены, что „если бы казаки не помешали" так большевиков бы белые разбили; если бы ваши „полки не подгадили", так был бы дргой конец. Вы и только вы, казаки, по писанию русских, виноваты во всем, но никак не они.

А через 50—100 лет после нас, пишущий историю нашего времени, не видя казачьих трудов, имел бы полное право и основание запечатлеть все это в „беспристрастной истории" и навеки заклеймить вас, как предателей, изменников, политически и нравственно развращенных людей. Он, этот будущий историк, был бы прав, сказавши, что и Каледин Атаман с Митрофаном Богаевским, и Рябовол с Кулабуховым — преступники. Первые за то, что возродили державный Круг Дона и подняли булаву из пыли вековой, а вторые — за их убежденный клич к свободе и независимости родного народа, Кубани и всего Казачества.

Точно такая же картина получилась и со Степаном. Только один Костомаров, говоря о нем, не особенно ему симпатизируя, немного приоткрывает завесу над жизнью на Руси, мельком допускает короткие замечания о цели движения, за что, вероятно, цензор этой книги и поплатился. Но и Костомаров ни слова не говорит о жизни на Дону. Проф. Фирсов дополняет своим осмотром политико социологического и психологического состояния русского народа времен Алексея Михайловича. Проф Сватиков, в своем капитальном труде „Россия и Дон" дает нам возможность видеть и Дон той эпохи, его взаимоотношения к соседям и к Москве, а также притязания последней на независимость Дона. А русский писатель Навроцкий, в своей драматической хронике „Стенька Разин" вкладывает порой такие слова в уста Степана, что иногда начинает казаться, что он видел, слышал, как будто даже и был с Разиным вместе: Иначе Степан и говорить не мог, ибо он был грозный атаман и вольный сын Дона.

Давайте же посмотрим, что они нам говорят про него и насколько они правы. Наиболее ярко выраженную характеристику этого человека мы находим у историка Костомарова и отчасти у проф. Фирсова. В своем труде „Бунт Степана Разина" Костомаров говорит: „Это был человек крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности. Своенравный, столь же непостоянный в своих движениях, сколько упорный в предпрнятом раз намерении, то мрачный и суровый, то разгульной до бешенства, то преданный кутежу и пьянству, то готовый с нечеловеческим терпением переносить всяческие лишения; некогда ходивший на богомолье в отдаленный Соловецкий монастырь, впоследствии почитавший имя Христа и святых Его. В его речах было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось в грубых чертах лица его, правильного и слегка рябоватого; толпа чувствовала в нем присутствие какой-то сверхестественной силы, против которой невозможно было устоять и называли его колдуном.

Жестокий и кровожадный, он, казалось, не имел сердца ни для других, ни даже для себя; чужие страдания забавляют его, свои собственные он презирал. Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, церковь, — все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало сострадания. Честь и великодушие были ему незнакомы. Он был в полной мере изверг рода человеческого".

Вот каким предстает перед нами Разин по Костомарову. Насколько этот взгляд был правилен, поговорим особо, а теперь послушаем, что говорит нам проф. Фирсов:

„Крупная историческая роль Разина не подлежит ни малейшему сомнению. Стенька Разин обладал всеми физическими и психическими данными, чтобы оказать могущественное влияние на толпу, вызвать ее подражание. Обладатель физической мощи древнего исторического богатыря, Разин совмещал в своей психике острый, умеющий пользоваться обстоятельствами, ум с необузданным чувством и непреклонной волей. Он был крупною, мощною фигурой, отличаясь от других только размерами своего ума и воли . . . Он был сильным и ярким выразителем оппозиционного настроения народных масс; он видел, что пришло время, когда можно посметь решиться на многое . . . Вся вольница была скора на убийство, но и в среде этих закаленных злодеев были такие, которые выделялись особенною свирепостью, доставлявшею им страшное имя . . . Имя Степана Разина скоро затмило мрачную славу всех остальных атаманов".

Как видно, проф. Фирсов, говоря о вольнице, смешивает ее в одну кучу с казаками Дона, указывая о „закаленных злодеях" и о „мрачной славе' атаманов. Но допустим, что это относится только к „вольнице", а не к донским казакам, что было не одно и то же. Этих двух отзывов вполне достаточно, чтобы знать — как на него смотрят русские.

Рассказывая про Степана Разина, „по прозванию Стенька Разин", я буду касаться впоследствии и некоторых черточек этой аттестации. Сейчас же не мешает слегка познакомиться с ним — кто он, какого он роду, племени был и что делал до своего исторического выступления, как возникла у него мысль о движении на Москву, какие были к тому причины: грабеж ли, месть за брата, разбой ради разбоя или искренняя любовь к Седому Дону и боязнь за его судьбу, за его независимость? . . .

Степан был сыном одного из славных донских атаманов — Тимофея Разина. Первые свои знания о Доне, о предках, о славе, о походах, о заморских странах, о Москве и царе московском, он почерпнул от своего отца, бывшего там с Зимовой Станицей. „Тимофей Разин не любит Москвы и детям не велит

любить" говорит один из русских писателей. И он прав, ибо не было за что ее любить. Еще с детства, маленьким казачонком, Степан с бьющимся сердцем вслушивался в слова отца, когда тот, вернувшись из Москвы, бывало начинает в кругу стариков говорить: „Москва давно хочет склевать казачью вольность. Москва посадила воевод по всей земле русской. На вольном Дону, браты, от поборов боярских не бежит в леса, а идет в леса доброй волей в гульбщики — зверя бить, рыбу ловить, да гостем гостить по морям . . ."

Далее, рассказывая о стремлении московского духовенства подчинить себе церковь донскую, он говорит: „Нам московского Бога не надо. В Москве, браты казаки, все хресты да церкви — богов много, правды нет" (Чапыгин).

Много, много кое-что слышал Степан и воспринял от отца, бывалого матерого казака и про то, как жили казаки в старину, какими были предки, о том, что не было „лутчих", что не знал тогда Дон „доброхотаев" Москвы. Говорил он и о том, как Москва к нам относилась, как казаки ее спасали, охраняли и расширяли, как они всегда стояли за веру христианскую, как наводили страх на соседние страны и как умели отвечать царю. Высказывал отец свои мысли сыну и о том как появились „доброхотаи" и к чему все это может привести их Батюшку Тихий Дон. Слушал Степан и тогда еще созревало у него решение быть хорошим казаком.

От отца и старых казаков он еще тогда узнал многое, многое из того, о чем мы с вами только теперь узнаем из трудов наших историков. Еще будучи сравнительно молодым казаком, он заслужил уважение и почет в среде донцов. Об этом можно судить по тому, что за несколько лет до своего восстания, в 1659 году он, по выбору на Войсковом Круге, отправляется в числе немногих с Зимовой Станицей в Москву.

Через два года после этого Донская республика возлагает на него обязанность ехать во главе посольства к калмыцкому народу для заключения ответственного мирного договора.

Как видите, Разин смог зарекомендовать себя на Дону так, что в период своего 30-тилетнего возраста удостаивается такой чести, как быть в числе послов на Москву и стоять во главе посольства к соседнему народу, представлявшему в те времена из себя весьма важный фактор в Прикаспийском просторе.

Этим своим поведением он, как будто, опровергает общее утверждение Костомарова, что „закон и общество" были для него ничто, что „честь ему была незнакома". Все эти понятия, как закон, общество и честь, конечно в понимании этих терминов применительно к государственным правопорядкам своей казачьей страны, ему не только были известны, но, как видно, он умел уважать их настолько, что защиту как раз этих ценностей перед Москвой и и соседями Дон в свое время поручает Степану, что он умело и приводит в исполнение.

В этот период он не только не отрицает то, „что выше его стояло" т. е. Войсковой Круг с Атаманом, но и подчиняется им, как всякий гражданин Донского Войска. Он получает приказ и, без всяких возражений, едет исполнять. Таковым, надо думать, он был и в течение 5—6 лет, лежащих между этими поступками и началом его движения.

Если бы он был иным, мы знали бы об этом.

Если же это непризнание законов относится к законам Москвы, а не Дона, неуважение к обществу боярскому, а не казачьему, то Костомаров прав. Но ведь Разин, как сын своего отечества, и не мог признавать над собою силу закона соседнего, иного государства, хотя бы и Москвы.

Выявить же свое уважение и неуважение к боярскому обществу имел право, как всякий гражданин другого государства, не спрашивая на то разрешения Москвы.

И это непризнание закона на бумаге и беззакония в жизни Москвы, это свое неуважение к обществу бояр, презрение к их „чести", он, действительно ярко, выразил при своем движении на север, когда, не боярского рода русский люд добровольно признал его авторитет и сам, без принуждения, стал под командою Степана—казака, а не московина.

К моменту своего похода на Каспий и на Москву это был человек лет 38. Если бы он был старше, то, конечно, участвовал бы в Азовском деле, и мы слышали бы что нибуд про него, ибо такие люди в такие исторические моменты незаметными быть не могут.

(Продолжение следует).

---

† **Проф. Ф. А. Щербина (ЧСР)**

Пережитое, передуманное и осуществленное

(Продолжение)

Солнце не зашло еще совсем и хотя было еще рано для пригона скота со степи домой, но Охтиан, сгоравший нетерпением узнать, как пошли в ярме и в возе бычки, пригнал раньше обыкновенного времени „худобу до дому". Когда бычки, увидя скот, с которым они всегда паслись в степи, дружно втянули во двор воз и Явтух хотел распречь бычков, Щерба попросил его пока не распрягать; подошел к матери и неожиданно для всех обратился к ней с вопросом: „чи не продасте мені, матушко, своих бічків-третячків?"

— Не знаю — политично ответила мать — Чи дасте ви, Максиме Онухріевичу, за них стільки, скільки я за них запрошу? — спросила она в свою очередь. — Бички, як бачите, дуже добрі!"

Щерба осведомился о цене и когда узнал, что мать ценит их в 120 рублей, то сказал: „Бички, дійсно добрі; на щоб мені було і куповати іх, як би вони були погани? Та тільки-ж, матушко, це дороговата ціна. Ви трошки збавьте!"

— А скільки дасте ви? — сказала на это мать — Це же за вами теперь черга.

— Девяносто карбованців, — ответил Щерба.

— Ні, цього мало! — заметила мать.

— Так нехай буде девяносто пять. Отдавайте,

матушко, бычків та й не торгуйтесь більше, — решительно заявил Щерба.

— Як не торгуватися? — вмешался тут Явтух. Цього, добродію, не слід казати, бо це ні вам не буде користь, ні матушці на росплід другої пари бичків. На росплід бичків треба прибавити. Ви ж знаете, хто не торгується. той даром иноді бере!" — тонко прибавил Явтух, хорошо знавший все обычаи и приметы рачительных хозяев.

Щерба стоял и чесал затылок, почувствовавши, что в горячах он немного вышел из грани народных обычаев и примет. „Та воно так, Явтуше — согласился он с Явтухов, — на росплід треба прибавить. Так от що, матушко, я прибавлю на росплід пятишницю, а ви скиньте остатни, от і вы вийде сто карбованців рівно.

— Та це добре! — проговорила мать — Теперь за мною черга. Ви Максиме Онухріевичу, прибавьте пять та пять на росплід — виходе десять, а я — не без остроумия заметила мать — повинна збавить двадцать з моеі загльноі ціни. Це ж не рівна вага. Прибавьте ще пять і вийде пятнадцать на вас і пятнадцать на мене, так же рівно, як рівні і моі бички.

Судья Щерба, видимо, оценил остроумие моей матери и, без дальнейших разговоров, заявил: „нехай буде, матушко, по вашому!"

Торг на словах состоялося.

— Хто ж буде передавать з рук на руки бичків? — спросил судья.

— Це мабудь черга молодого хозяина, — сказал Явтух. — Андреевич — обратился он к Тимоше, — це ваше діло.

Тимоша подошел к возу в то время, когда распрягали бычков. Щерба, придвинувшись к Тимоше с другой стороны, обратился к нему со славами:

— Держить руку, хазяіне!

Тимоша протянул руку ладонью вверх. Щерба, звонко ударивши своею ладонью по ладони Тимоши, заявил громко:

— Нехай буде сто пять карбованців! Раз!

Тимоша, ударивши по ладони Щербы, повторил:

— Нехай буде сто пять карбованців! Раз!

Щерба ударил второй раз по ладони Тимоши, приговаривая:

— Нехай буде сто пять карбованців! Два!

Также ответил и Тимоша. Третьим рукобитием была затвержена цена быков в 105 рублей и торг закончен.

Явтух подвел бычков к Тимоше, научил его, как следует „из под полы" передат бычков Щербе и с какими словами. Тимоша, передавая из под полы бычков, проговорил: „Нехай же ці бычки ідут вам, Максиме Онухриевичу, на користь та на щастя!" Щерба на это ответил: „На добрім вашім слові добра моя подяка!"

Затем он тут же вынул из за пазухи большой гаман, долго рылся в нем и, отсчитавши сто пять рублей, передал их Тимоше, который, пересчитавши деньги, сказал: „Так, сто пят карбованців" и отнес их матери.

Щерба после всего этого, взявши бычков за налыгач, громогласно провозгласил.

— Теперь бычки — третячки ви моі!

Но тут спохватился Явтух и нерешительно произнес:

— А налыгач?

— А налигач, — сказал Щерба, — теперь мій Як же без налигача поведу бычків?

— Та я ж вибрав самий наикраший налигач, — говорил Явтух с досадою, як би я знав, що так діло поверне, — сознался он чистосердечно, — то я надів би на бичків старий бичовяний налигач".

Раздался дружный хохот, смеялся и Щерба, только Явтух стоял, повесивши голову и, поясняя свою оплошность, обратился к Щербе: „та я не оддав би вам, добродію, того налигача и за десять карбованців. Ей Богу! — забожился он.

Когда стих смех, Щерба подошел к матери и обратился к ней с серьезным видом: „Щоб не ремстував на мене ваш рабітник Явтух і щоб не сказали люде, що я купив у вас бичків не за сто пять, а за девяносто пять карбованців, дарую вам, матушко, цілу бичачу шкуру. Нехай Явтух наробить нових налигачів. А вам бички хай ідут в руку та на довгу працю, ответил Явтух.

Мать благодарила Щербу за подарок, а Явтух издали кричал: „Спасибі! Спасибі! Нароблю налигачів, а вам бички хай ідуть в руку та на довгу працю!

В это время, управившись со скотом, подошел Охтиан и, увидевши в руках Щербы на налигаче бычков, сначала с поклоном поздоровался: „Здравствуйте, діду!" потом направился с другой стороны к бычкам, стал их гладить по лбу и чесать по шее, а бычки, хорошо знавшие Охтиана, высунули языки и начали лизать его рукав, а один из них даже промычал.

— Що з вами, моі бичкі, моі любі? — говорил он.

— Які вони твоі? — заговорил Щерба — я вже купив их.

Охтиан подскочил точно ужаленный. „І Мазуху продали, а теперь за нею і пара биків из стада геть. На що ж і стадо я буду пасти? — горевал Охтиан.

— Які ж вони бики? — заговорил снова Щерба — вони ж бички-третячки; такими я их і купив.

— А відкіля ви, діду, про це знаете? — осведомился Охтиан.

— Так Явтух казав і всі так кажуть, — об'яснил Щерба Охтиану.

— Дядьку Явтуше! Це-ж неправда. Бички не третячки, а чотирьохліткі, четвертачки, воли, обратился он к Явтуху и затем, повернувшись к матери, напомнил ей: „Хіба ви, матушко, забули, що бички появились на світ божий в ту зіму, як була „велика ожеледиця" і як у дрохов так крила пообмерзали, що вони ні літали, а охотники пригнали іх у станицю, мов баранів, і вам аж дві дрохви подарували. В ту саму ніч отелились у нас разом дві корови: оцей борозний од Перістоі корови — и Охтиан ткнул пальцем в бок одного быка, — а цей підрушний от староі Воловички, — и он откнул пальцем в бок другого быка.

— А на що-ж ти, Охтиан, сам називав іх бички третячки? — спросила его мать.

— Та це-ж, матушко, такв поговірка: бички-третячки та, вибачайте я таки і боявся, щоб ви не взяли іх из стада, бо вони добре мене знали і я до них привик, як до добрячоі худоби — пояснил Охтиан.

Щерба с интересом слушал Охтиана и сказал: — Охтиан правду каже; з тіеі зими пішло четверте літо.

— Еге, діду! — закричал с радостью Явтух — Тепер ви, добродію, не вивернетесь од доплати за

четвертий рік! Матушко, — обратился он к матери, — дозвольте мені і Трохиму Семеновичу поквитаться с добродієм Максимом Онухріевичем. Як учили ми биків, шановний добродію, то нас було три учителів: ви, діду, Трохим Семенович і я. Ви, діду, як один з учителів, взяли собі не бічків, а пару настоящих волів та добрий налигач до них і в додачу ще чет вертий год; нам же з Трохимом Семеновичем нічого не досталося. Так поставьте нам двом, бідним вчителям, хоч могоричу за науку, а Охтиану хунт ріжків або хунт оріхів за четвертий рік.

Щерба, видимо опасавшийся, чтобы покупка не была истолкована в худую для него сторону, охотно согласился поставить могорич, говоря: — Поставлю, Явтуше, поставлю хоч один могорич, хоч два по числу учителів а Охтиану куплю хунт ріжків і хунт оріхів, по хунту за кожного бика.

Шутя так, Щерба смеялся находчивости Явтуха. Смеялись все, смеялся даже Охтиан, покачивая своею лохматою головою и приговаривая: „Ну й дядько Явтух!... Мовчить, мовчить, а як придеться до діла, то так і вріжуть".

А мне при всеобщем смехе, назойливо лезли в голову слова: „учитель, учить, наука". Харитон Захарович — думал я — учитель у людей, а дед Щерба, Хабло и Явтух учителі у бичків. Харитон Захарович — мелькало у меня в голове — уче і бье, а Щерба, Хабло и Явтух учили і не били бічків. Що воно таке? Хиба наука для бичків краще, ніж наука для школярів?... И я запутался в своих размышлениях, задумавшись над тем весьма важным обстоятельством, что бички не учатся ни писать ни читать, а приучаются возить, и что Явтух и Хабло не грамотни, а не бьют за науки бычков... Но в этот момент мать повернула мои мысли в другую сторону.

— Пожалуйте, — говорила она, — і на мій могорич, Максим Онухриевич і ви, Трохим Семенович і ти, Явтух. Ви ж в трьох таки потрудились сьогодня над бичками. Самовар вже на столі і закуска готова.

— Ага! — подумал я — Вони трудились над бичками, а Харитон Захарович по книжке уче — разрешил, казалось, я свое недоумение, так как из головы никак не мог выбросить двух противоречивых мыслей: „Харитон Захарович уче і бье, а Щерба, Хабло и Явтух учать і не бьють".

За столом потрудившиеся учителя закусывали балабушками, свиным салом, пирожками с творогом и пили чай. Все шутили и все весело разговаривали. Моя мать была также в самом веселом настроении, благодаря столь неожиданному и благоприятному для нее и имоши повороту обстоятельств.

— Вас, Максиме Онухріевичу, — шутила она, — рахують скупим, а це же не правда. Хіба ж скупи по пятнадцять карбованців набавляют, та цілу шкуру на один налигач міняють, та могорич з одного слова ставлять?... Он, Охтиан і той одержав хунт ріжків и хунт оріхів тільки за те, що про велику ожеледицю пригадав.

Щерба пил чай из блюдечка, поставил блюдечко на стол, вытер усы и серьезно заговорил: — Це таки правда, матушко, що я не люблю зря гроші шпурлять. Коли ж гроші идут на діло та добрим людям на користь, то я купую и грошей не жалію, як треба набавить, або могарич поставить... Це якось чудно ненароком одно за другого чіплялось. Ви, казали мені, матушко, що вам треба дуже грошей і через те ви продасте добрих бичків, а я вам кажу. що мені дуже потребувались бики. В позапрошлу ніч кляти злодії украли пару волів у мене на коші. А тут Бог послал добрих воликів та ще у добрих людей. От я і купив воликів і не жалкую ні за грошима, ні за шкурою. Спасибі вам, матушко, що наділили мене доброю худобою.

Таким образом обе стороны остались довольны совершившеюся покупкою, но едва ли в большой мере мать и Тимоша, чем Щерба. Случилось то, чего не ожидали они. Мать смотрела на случившееся как на чудо, а Тимоша был убежден, что лавку они быстро откроют и что доходы от аренды лавки помогут матери в трудных условиях ведения ею хозяйства.

На другой же день были договорены плотники и заключено условие с армянином, который обязался платить по третям (за 3 мес.) по 35 рублей или 140 рублей в год. Давши задаток арендатор поехал в Ростов закупать товар, а плотники, Явтух, Косолапа Оксана, все гуртом скоро оборудовали лавку.

Столь счастливым финалом закончилось наше семейное предприятие, но оно стало событием для целой деревянковки: в Деревянковке появилась „друга лавка", как называлась она в разговорной речи. Была одна лавка, а стало их две и виновником ее появления молва скоро провозгласила Тимошу, старшего сына матушки. „Він, моя матінко, — говорили казачки, — такий тендитний, а четиреста верстов пішкура одмахав аж од самого Ставрополя і до Деревянковки. І як тільки прийшов до дому, так зараз же придумав лавку. Сама матушка так усім казала" — поясняли казачки.

Деревянковка тогда делилась жителями на два кутка. Станичники, осевшие на восток от церкви и церковной площади, именовались „крайчанами" и их куток „крайчанским", а куток, расположенный на запад от церкви, вдоль по речке, назывался „гребельским" и население его „гребельчанами", так как у этого конца станицы была сооружена „велика гребля", плотина, запружавшая воды реки Албаши, что у татар живших здесь раньше, означало — Большая голова.

Хотя деревянковцы жили одною общею казачьею жизнью и все без различия гордились своею Деревянковкою, но проявлялись своего рода жизненные различия, особенно в поведении молодежи. Со стороны крайчанского кутка была построена первая лавка в станице, и крайчане хвастались, что у них есть лавка, а у грабельчан нет.

Но с постройкою лавки на нашем дворе, лавочные шансы уравнялись и за новою лавкою оказались некоторые преимущества. В новой лавке появились соблазнительные „сережки, манисто, і перстні для дівчат", серебрянные и медные пряжки и „гудзики" для казачьих поясов и готовые пояса, сильно размалеванные яркими красками картины религиозного и светского характера для украшения стен внутри хат, а также лубочная литература — книжки: „Бова Королевич", „Еруслан Лазаревич", „Францил Венециан" и др. для грамотеев.

Главное же, чем могли похвалиться гребельчане, возле лавки армянин поставил „терезы" для взвешивания зерна, льняного семени, на которые появился большой спрос в г. Ейске, недавно появившемся морском порте. При том в старой лавке

Дубова, богача москаля, открывшего лавки в целом ряде станиц, сидели приказчики староверы, не ходившие в церковь. Хотя старший в деревянковской лавке приказчик Иван Иванович, пожилой с большою бородою, и степенный по манерам человек, говорил о себе и Мишке, его помощнике, что они люди старого благочестивого корня истинной веры, но когда Иван Иванович отмеривал аршином купленный в лавке ситец или другую какую нибудь материю, то нужно было смотреть в оба, чтобы из куска материи в 10 аршин мерою не вышло дома только 9 с половиною.

Армянин же мерил правильным аршином и хотя был „арменськоі віри", а ходил в нашу церковь. Как только он открыл торговлю в своей лавке, так сейчас же казачки заметили, что в кусках материи, купленной в старой лавке, не доставало уже не поларшина, а четверть и меньше. „А все-ж, — говорили ядовито казачки, — отой старий цап Иван Иванович, хоч вершок, а украде, як міряе ситец. Така у його звичка".

Около всего этого между крайчанами и гребельчанами велись бесконечные, можно сказать дружеские в шутливой форме споры и пререкания. В конечном же результате новая лавка не столько раз'единила, сколько об'единила крайчан и гребельчан во многих отношениях. С этого времени стала заметно развиваться торговля зерном и казаки шли уже единым фронтом и против лавочников и против „фаринників" или „шабаев", мелких скупщиков зерна и др. предметов казачьей продукции и хозяйства. Трудно теперь по памяти сказать, чего больше несла новая лавка деревянковцам культуры или эксплоатации? Кому больше послужила даже моя мать и брат Тимоша? Явления того и другого порядка были в зачаточной форме и тесно сплетались между собою.

Другой случай касался собственно меня. Как то за вечерним чаем, когда у нас был в гостях Харитон Захарович и старший сын его Дашко, зашел разговор о том, что мне и Яцьку предстояло еще остаться дома и не поступать в училище в Екатеринодаре.

— Оце я дивлюсь на Федю, — заговорила моя мать, — глядя на меня с тою материнскою ласкою, которая всегда меня трогала до глубины души, — та й радуюсь, що він поправився от тієі клятоі хвороби і не жалію тепер, що оставила його ще на рік дома.

— Як на год?... На два! — заметил Тимоша

— Ні, — возразила мать, — на два дуже бо гато; доволі одного года, а там треба в училище Йому вже десятий год пійшов.

— Це не можливо маминько, — сказал Тимоша.

— Чом? — с удивлением спросила мать.

— У духовному училищі, як і в семинарії (по три класи або отділеній — низче, середне и вище в кожному класи треба учитися по два годи підряд). Через те в будущом році прийома учеників не буде. Прийдеться ждат два роки, — об'яснил Тимоша.

— Що-ж це я наробила?! — схватила себя за голову мать. Чом же, Харитон Захарович, ви не сказали мені про це? — проговорила она с укором.

— А я думав, що ви це знаете? — оправдывался Харитон Захарович.

— Може в осени ще можна одвезти Федю до Екатеринодару? — обратилась мать с вопросом к Тимоше.

При этих ее словах у меня в душе похолонуло.

— Ні, маминько, пізно вже та й не стоіть. — заговорил успокоительно Тимоша. Нічого страшного нема і за Федю нічого боятись. Для його це буде ще краше, підросте и поздоровие, і йому легше буде учиться. Яка біда, що він поступит в училище не на десятому, а на дванадцятому року. В училищі у нього навірняка будут товарищі второкурсники і в 15 і в 16 років.

— Та де там 15 і 16 років, — заговорил Дашко, учившийся в Екатеринодаре в духовном училище вместе с моим братом Василием — з нами в низчому отділеній було двое второкурсників и одному було 18, а другому 19! — и Дашко с Василем засмеялись, а мой брат добавил: „той, якому було 19, торік покинув училище і зараз же оженився.

Все смеялись, а Харитон Захарович обратился к матери:

— Заспокойтесь, матушко, Федька все одно буде первим учеником, бо він щербинівскоі породи А Тимофій Андреіевич правду каже, що Феді легше буде тоді учититсь, коли він буде в силі, а кому ж, як не Тимофію Андріевичу про це знати?

— Так як що це краще, — согласилась мать, — то нехай сидить дома.

Я чуть не подпрыгнул от радости. „Два года буду дома, не буду ходить в школу, а буду учиться у Домочки, буду іздить в царину і на сінокос, а весною може махну с Охтианом в степь" — и целый ряд пожеланий в этом роде, как искры, вспыхивали в моей голове. Ночью во сне я видел Явтуха, когда он стягивал волами копны в одно место для стога, а я сидел на верху копны, куда сажал меня Явтух; то ловил я в „гарбузовій огудині" маленьких, как пауки, перепелят, и так же, как и на яву, не мог поймать ни одного перепелятки, так быстро они бегали и еще быстрее прятались в траве; то сидел в степи с Охтианом возле стада и слушал, как он играл на сопилке казачка и метелицу; то с аппетитом ел красные арбузы и дыни. Всю ночь грезились мне картины в этом роде. Когда утром я раскрыл глаза и увидел свет, то первое, что проникло в мое сознание, была фигура дорогого Тимоши, убедившего и успокоившего мать, и я невольно, почти вслух, произнес: „от який разумний, та гарний наш Тимоша".

Мать, услыхавши мое урчанье, подошла ко мне и ласково заговорила:

— Що ти там мурчиш, моя люба дитина? Погуляеш ще два годочки дома? — гладила меня по голове и целовала в щеку, а я, схвативши ее руку, припал к ней губами и клялся: „Ей Богу, маминько, я буду добре учиться, так, як учится наш Тимоша!" ...

(Продължение следует).

Павел Поляков

Я И МОЯ СОБАКА

Ты не пьешь собака . . . Я же выпиваю . . .
Я принес сегодня хлеба и вина.
Хлеб порежем тонко, посолив покруче,
Разопьем бутылку черного до дна.

Разожжем печурку, подложив дровишек,
Занавеску спустим, на дворе то ночь!
И сыграем песню о казачьей доле
И о том, что дальше нам терпеть не в мочь!

Тишина, спокойно . . , мы потушим лампу . . .
И отворим дверцу подложить дрова . . .
По углам каморки заплясали блики
И в душе воскресли звуки и слова.

Так-то лучше будет. На Дону, бывало,
Сумерки встречали, сидя в темноте . . .
Так и мы с тобою посидим у печки,
Отдадимся тихой, золотой мечте.

На́ тебе кусочек! Ты не пьеш, я — выпью . . .
За мою отчизну, за Родимый Дон . . .
Посижу прижухнув, погляжу на угли . . .
Под стакана тихий о бутылку звон.

По второму выпьем, чокнувшись с бутылкой.
За кого? Не дурно выпить за друзей . . .
Из друзей-то в жизни я тебя лишь встретил,
За твое здоровье, куцый дуралей!

Пламя скачеть, рвется; пляшут свет и тени,
Пес, зевнувши громко, спит согревше бок . . .
. . . . . .
Богу речь не скажешь! Просьбы не напишешь,
Жалуясь, что в жизни вечно одинок!

Пес, мой друг уснувший, жалиться не будем.
Не свернем, не станем посеред пути . . .
Нам судьба такая — радостей не зная,
За огнем зовущим целый век итти!

Заиграю песню я про дом отцовский
И про двор заросший сорною травой . . .
Заиграю песню о тоске безмерной
О горячей вере, о степи родной . . .

Что-ж . . . пора ложиться . . . угли догорели,
На ненашем небе звезд чужих полно.
Спи, моя собака . . . Моему народу
Видно спать не мало тоже суждено . . .

Перед сном бы нужно Богу помолиться,
Да тяжка, безумна нонче голова . . .
На душе-то смерклось . . . Памяни нас, Боже,
. . . Эх, забыл молитвы робкие слова.

11. XI. 36.

Мих. Мурзин

АТАМАН А. М. КАЛЕДИН

(поэма)

В Старочеркасской станице —
Старой войсковой столице,
Существует древнее поверье:
Коль в широкий разлив
Краю грозит наводненье
И велик так прилив
Дона талой воды,
Что достигнет притвора границы
В соборе Черкасской станицы —
Не избыть неминучей беды.
— — — — — — — — — —
В тот семнаущатый год
Всполошила народ
Небывалая Дона волна,
Что Черкасские степи залила;
Веры прежней снова полна,
Поверье умы захватило.
Смущены казаки — века
Им не лгала родная река!

Свершилось.

I.

Революция сбросила ковы
С узников русской тюрьмы;
Стали свободными снова
Вместе с другими и мы.
Воскресла быль старинная, —
В столице Войска новой
Знамена реют призывные,
Стоит толпы многоголовой
Шум. Полны улицы народа.
С трибун речи громкие звучат . . .
Сияют лица, очи горят.
Прошли восторги первых дней,
К порядку жизнь зовет людей.
Донцы ее послушны зову
Взялись за дело снова;
Вернулись к мирным куреням.
Судьбе вверяясь смело,
Корабль казачий по волнам
Ведут рукой умелой.
Шумят станичные майданы.
Сбивают есаулы круг:
На нем степенно атаманы
Станичникам „трухменку“ гнут.
Речь дружут атаманы:
Она коротка и несложна —
На Круг державный войсковой
Послать доверенного должно
Решать судьбы земли родной.
Чрез двести слишком лет

В городок Новочеркасский
Депутатов своих шлет
На Круг народ казацкий.
Руси к немалому смущенью,
Дон, не теряя головы,
Вернулся к прежнему правленью —
Заветам древней старины.
Нашли главу родной земли,
Кому в бестрепетные руки
Донской пернач могли
Вручить станичники на Круге.
Вождей казачьих гений,
И мудрость древних поколений,
Борцов за казачью волю,
За славу и лучшую долю,
Нашли свое в нем воплощенье,
Восстав из глубины веков,
Ему на помощь в возрожденьи
От плена, рабства казаков.
Умами мысль о нем владела,
Взволнованный ждет его Круг.
Приехал. Весть всех облетела;
Почтительно встали все вдруг.
Рыцарь без страха, упрека
Вождь и герой, казак исполин
Явился на круг, прибыв издалека,
Генерал Алексей Каледин.
Пред ними вождь Дона признанный,
Прими пернач и будь главой
Донцов, Атаман долгожданный!
Ура, Каледин, атаман войсковой!
Церквей несутся звоны медные,
Войска шпалерами стоят;
Знамена древние, победные
Развеваются, тихо шумят.
В соборе у Божьего трона
На верность державе Донской
При звуках торжественных звона
Дал клятву Атаман Войсковой.
Из храма, при кликах народа,
С открытым и ясным челом
Спокойный, в руке с перначем
Атаман появился у входа.
Взвилися над ним бунчуки,
Он к строю идет. Знамена склонялись:
Ему салютуют полки;
И крики восторга с музыкой смешались
И старая вольная жизнь потекла
В пределах родного присуда;
Свободно вздохнула Казачья земля —
Несчастия ждать неоткуда.
Черкасск утопает в гуще дерев,
Ни облачка на небе ясном,
И в воздухе чистом, прекрасном
Разносится птичек напев.
С кургана Черкасского сада
Виднеется Дона широкий разлив
В воде потонули станицы, ливады
И песни родимой несется призыв.

II.

Но двигались с севера тучи грозовые
Высоко вздымалася красная муть,
Потоком хлынуть всюду готовая
И все на пути на своем захлеснуть.
В безбожной Москве против Дона
Крамола как прежде ковалась.
Злодейству подлому препона
Рукой искусною стиралась.
Мятежен Дон . . . Опасен Каледин . . .
Изменники все казаки, —
Решает Керенский Руси господин
И с севера движет полки.
Пришло лихолетье; невзгоды
Над полем гром прогремел;
Родного Дона замутилися воды,
Сполох Митрофанов летел.
Москва внезапно „приказала“
Избраннику Войска прибыть
К ней на суд и расправу, —
Верней там — голову сложить.
Но круг, Донской земли властелин,
Дал свой исконный ответ:
„С Дона выдачи нет.
На суд пред нами станет Каледин!“
Затем дело Москвы разобрал,
Атамана заслушав доклады,
Весь Круг почтительно встал —
Свидетельство лучшей награды;
Сильней ударов стали
Слова есаула звучали:
„Наше согласно решенье —
Ты чист от наветов Москвы;
Она же пусть даст об'ясненье
Столь дивной и ложной молвы.“
. . . . . .
В правительских Руси кругах
Чрезвычайная шла чехарда
У власти на самых верхах
Марксисткая села орда.
Владеют больною Россией
Отребья — подонки людские.
Правители эти свирепы
И подлы; последние скрепы
Империи рушат они.
Пылают пожаров огни . . .
Убийств, насилий полна
Жестокого бунта волна.
По всей необъятной стране
Справляют мессу Сатане.
Казачеству одно спасенье —
От красной Руси отделенье.
История круг свой свершает,
Насильной власти не признав,
На путь сепаратности став,
Дон вольным Каледин обьявляет.
Меж тем на севере Дона
Стоят уж советские банды,
Боятся вступить за кордон,
Но верят в успех пропаганды.
В казачьем здоровом теле
Губительный действует яд, —
Сомненьем Донцы заболели —
Меж ними начался разлад.
Сказалась большевицкая язва
Под действием страшным дурмана
Дух пал внезапно от маразма,
Нет веры у них в Атамана.
Глухими остались к призывам
Вождя своего казаки;
Речам, внимая лживым,
Бунтуют в станицах полки.
Тяжелый крест несет
Военная школа Попова —
Порядка и права основа, —

Единый Дона оплот,
Испытать казаков захотела
Судьба. Гнева Божия чаша полна —
Разразилось Ростовское дело,
Обагрилася кровью Донская волна.
Ростов усмирен без потери;
Защитников края так мало
И воля к борьбе угасала —
Врагу открываются двери.
. . . . . .
В станице Каменской предатель
Пушкарь, войсковой старшина,
Монарших окурков сбиратель,
Иуда презренный — сам Сатана.
Искатель жадный приключений.
Мечтавший во сне, на яву,
Всеми средствами без исключений
В руках своих увидать булаву.
Забывши долг, на свой же край
В составе советских полков
Обманутых вел казаков
Изменник Голубов Николай.
А с ним, не поняв всего толком,
Пошли Кривошлыков, Подтелков. —
Учения Маркса фанатики злые,
И кровью залили просторы родные.
Нависли тучи над Полем
Батюшка Дон помутнел,
Приблизился страшный удел —
Проститься с землею и волей.
Волнуется Круг и шумит;
По Дону от края до края,
От сна казаков пробуждая,
Сполох Митрофанов гремит . . .
Атаман, предвидя беду,
Сказал на Кругу: „Братья
С именем чистым пришел я,
С проклятьем, быть может, уйду!"
Тревожней несется сполох . . .
Могуч был призыв Атамана —
„На помощь Дону партизаны!"
Тот клич не погиб, не заглох . . .
На зов тот властный
В час грозный и опасный
Под старые чести знамена
Явились сотни храбрецов —
Надежда последняя Дона:
Главой этих юных Донцов
Лихой есаул Чернецев.
Был краток Атамана приказ:
„Боев не вести с казаками,
Но с красными бейтесь полками
И пусть охраняет вас Спас!"
Зима . . . Мороз и вьюга . . .
В порыве большом партизаны
Разбили поганого „Хана"
И гонят на север, а с юга
Идут подкрепленья юнцов.
Казачьи ж полки митингуют, —
Им страшен с детьми Чернецов.
Нелепо грозят и бунтуют,
Выносят хитрые решенья;
Хотели б уйти по домам,
Да стыдно . . . Что скажут им там?!..
А дети от станицы к станице
Теснят коммунистов к границе.
Измена фронтовых частей
Спасает незванных гостей.
У Глубокой недалеко реки
С горстью лихих храбрецов
От братской, коварной руки
Погиб партизан Чернецов.
Всё тают защитников силы,
Растут на кладбищах могилы —
Уходят к Божию трону
Храбрейшие — цвет Дона.
И к месту их вечного сна
С музыкою рота одна
Провожает; за гробом один
Печальный идет Каледин.
Корнилов, Алексеев ушли;
Они воевать не хотели
В защиту казачьей земли —
Дон не был их целью.
Кольцо теснее сужалось;
К Ростову отходит Назаров,
К Черкасску идут партизаны.
Всё гибнет . . . Надежд не осталось.
Царит разрушения сила.
Дон тихий у края могилы,
И глянула в душу тоска.
Борьба безцельна, — сил не стало,
И спета песня казака.
Смерть свой покров простирала.
Притих Черкасск в тревоге,
Со страхом нашествия ждет,
В подвалах скрываются многие, —
На помощь никто не идет . . .
Беспомощен Круг. Один
С заседанья спешит Каледин.
Печальным взором прощальным
Обвел Атаман покои дворца,
„Исполню свой долг до конца . . .
Боже, Отец изначальный! . . ."
Поспешно прошел в кабинет,
Жене ничего не сказал.
К груди приложил пистолет,
Выстрел в дворце прозвучал.
По Дону гулким эхом раздался,
Разнесся в широких степях,
В груди казака отозвался
Как зов на исконный свой шлях.
. . . . . .
Зловещие тучи сгустились,
Заплакало небо дождем, —
Казаки Атамана лишились,
Сиротою стал батюшка Дон.
Звоны медные, погребальные
Над Черкасском плывут.
К дворцу Атамана идут
Толпы народа печальные.
Дымкой ладонный туман
В дворцовой церкви стоит.
В парчевом гробу Атаман
С лицом просветлевшим лежит.
В полумраке церковном,
Мерцая, свечи горят.
В молчании строгом
Черкассцы в унынии стоят.
Слились в аккорд печальный
Молитвы, вздохи и рыданья.
Окончен обряд погребальный.
Минуты жуткого прощанья . . .
Отсюда при плаче народа

По улицам стихшего города
Он путь совершил свой
Последний земной.
Отдавши Дону все силы,
Спокойным сном могилы
Средь милых ему партизан
Спит Донской Атаман.
. . . . . .
Борись, Казачество, не плачь —
Священна тебе твоя воля;
Терниста избранников доля —
Не радость, а подвиг пернач.

III.

В Черкасске страх и смятенье, —
Орудия близко гремят.
Отребья открыто шипят.
Кровавые носятся тени . . .
Редеют уставших ряды партизан.
Над городом стелется белый саван.
В дни страха, падения духа
На пост Атаманов
По просьбе настойчивой Круга
Стал Анатолий Назаров.
В волнении Круг заседает,
Столице спасения ищет,
Враг лютый к ней подступает
Повсюду пули уж свищут.
Сюда войдут ли красные стрелки?
Гремит без конца кононада.
Над городом рвутся снаряды, —
Не гнутся еще казаки!
Атаки отбивать устали
Юнкера, удальцы партизаны —
Против красных полков
Их лишь двести штыков.
Оставить приказано город.
В февральскую вьюгу и холод
Походный Атаман Попов,
Ведя за собой удальцов,
Направился в Сальские степи, —
Весны там, сражаясь, дождаться
Ведь Дона опомнятся дети,
Начнут за оружие браться.
Ушли с ним партизаны
В степи широкий простор,
Где древних курганов
Немой их встречает укор.
Назаров с Кругом остался
В Черкасске по долгу и чести.
Предатель в город ворвался
С отрядом, жаждет он мести.
Разогнан Круг, а Атаман
Им брошен с другими в тюрьму.
Указанный выполнен план —
Пернач принадлежит ему.
Зарею утренней туманной
Под клики черни пьяной,
Ругательства, насмешки, вой
Назаров умер как герой.
А Голубов — калиф на миг!
(Сего еще он не постиг).
Пришли „настоящие власти“,
А с ними матросские части;
Увидел Батюшка Дон
В Черкасске красный гарнизон.

Ликует большевицкий стан,
Вино рекой широкой льется —
Затянут смертельный аркан,
Казак в предсмертных муках бьется.
. . . . . .
Начались грабежи и расправы,
Днем и ночью стрельба,
Бродит по улицам призрак кровавый,
Веселится Москвы голытьба.
Ошибся в расчетах предатель —
Ему не видать булавы.
Москве стал опасен приятель —
Ему не сносить головы.
„Ну что-ж оплошал, Николай,
Влип ты в историю с дуру;
Теперь поскорее спасай
Свою подлую шкуру“ . . .
Бросая взгляды с опаской, —
Никто не следит ни откуда,
Скрывается тихо Иуда, —
Ночью бежит из Черкасска,
Расставшись с московской „голотой“,
По привычке казацкой
Он скачет широким наметом
К станице Заплавской.
Туда прискакал на рассвете.
В правленьи-ж волнуется сбор —
Смыть с Дона красный позор
Рвутся его непокорные дети.
Угрюм и страшен вид Иуды,
Глаза потухшие блуждают . . .
Его сторонятся люди
И молча за ним наблюдают.
Вот он походкою несмелой
На сбор вошел, и говор смолк
В толпе на миг оцепенелой —
Пред ней в овечьей шкуре волк.
„В грехе, станичники, винясь . . .“
Слова те выстрел прервал.
Вперед всем телом наклонясь,
Тума проклятый упал.
Собрание вновь зашумело, —
Изменник уж забыт.
На небе заря заалела,
Когда был сбор закрыт.
Оседланы кони храпят . . .
Гонцы к Атаману Попову
В задонские степи летят.
„Заплавы к восстанью готовы! . . .“
Москвы послушное орудье,
За грех твой — Иудино дело
Господь не принял твое тело,
Казачества злое отродье.
Бесславный, позорный конец —
Могилу с землею сравняли.
Проклял его старый отец
И мать не заплечет в печали.
Твое имя — предательства знак
Века будет помнить потомство.
С проклятием вспомнит казак
Своих заблуждений безумство.
. . . . . .
Притихла степь печальная
Над ней нависла ночи мгла,
Гуляет нечист, красная,

Станицы жжет до тла.
Повсюду виден лик кровавый . . .
Под знаменем красной звезды
Беснуется ворог лукавый —
Растут на кладбищах кресты.

Но близится ночи рассвет,
Навождение страшное сгинет,
Казак пробужденный встает,
Ярмо большевицкое скинет!

Прага, 1934.

Родному краю

Родимый край отчизны милой —
Тебя люблю я всей душой! . . .
Любовью пламенной, беспредельной,
Какою любят лишь только мать . . .
В годы невольного скитанья,
Вдали от милого Края,
В суровой жизненной борьбе —
Светильник веры в Воскресенье

Я свято в сердце сохраню . . .
И верю я, что день настанет:
Свободной, вольной Казакия станет
И под казачьим куполом голубым
Свой стяг древней воли
На славу и вечность развернет.

А. Аникушин (Америка)

А. Бояринов (Фр.)

СЕРПИЕШКИНЫ ДНИ

II. Серпиёшка на „улешах“

Троицын День — самая лучшая пора на Дону в особенности, если этот праздник выпадает на вторую половину мая. Сильных жаров еще нету. Степь, луга, лес одеты в сочную сизую, как лук. зелень. Сады благоухают белыми, как подвенечное платье невесты, одеждами.

В этом году Троица как раз пришлась на конец мая, и погода стояла радостная, нежная, ласковая. Как всегда, с незапамятных времен так повелось — в станицу в этот день с'ехались казаки-хозяева и вдовы-хозяйки с восемьнадцати хуторов на дележ травы, на „улеши“, как принято говорить. И станица полна гостями. В каждом дворе стоит по одной, а то и по нескольку повозок с молодой, зеленой травой и с привязанными лошадьми всяких мастей.

День предстоит веселый, шумный. Будет мена сенокосными паями — будет придача, будет продажа, неизбежны и могарычи. И к вечеру над станицей повиснут звонкие, разливистые, а то и разудалые степные песни. Зазвенят серебристые подголоски отзовутся протяжным эхом в ближайшем лесу, в глубоких оврагах задонских крутых берегов.

Было еще рано. Солнце только что выползало по чисто голубому, почти синему безоблачному небу из-за крыш высоких купеческих домов. Длинные тени от казачьих куреней, от акаций, от тутовников стлалились через широкую пыльную улицу.

Вид станица имела праздничный, веселый и уютный. В летних кухнях шел оживленный говор, и хозяйки стучали посудой. В разкрытые окна домов свесились разноцветные тюлевые занавески и лениво шевелились, тронутые легким незаметным ветерком.

Казаки же, закончив дела по хозяйству, мылись, брились, налащивали сапоги, чистили праздничную одежу.

Серпион у себя в дворе, у рундука дома, готовился брить приятелей. Сват Антон Шведов, кряжеватый, пухлолицый, с густо намыленными щеками, сидел на табуретке и, прищурив глаза, лукаво смотрел на Серпиона. Сосед и кум Гаврила Пупков, высокий и густоусый гвардеец, ждал очереди, сидя на рундуке, и медленно, точно нехотя, крутил цыгарку.

Было тихо, лениво и спокойно. Впереди долгий день. Завтра и послезавтра праздники. Никаких спешных дел нету: с огородами покончено; степные травы скошены; луга еще через месяц будут готовы, точно также, как и хлеба — и торопиться было некуда.

Урожай предвидится недурной; в амбарах хлеба запасено на несколько лет вперед и беспокоиться тоже было не о чем. . .

Серпион в грязном сапожницком фартуке и босяком поплевывал на оселок с выточенной серединой, похожей на седло, усердно нажимал узенькую, отцовскую бритву с пожелтевшей от времени костяной ручкой, расказывал анекдоты и „гнул не парившись“ всякие небылицы. Около его ног терся чорный котенок с выгнутыми дугою хвостом и спиной. Сбоку сидела и внимательно, как ординарец, уперлась глазами в хозяина белогрудая собака Рябка.

Серпион сразу делал три дела: точил бритву, рассказывал анекдоты и заставлял котенка и Рябку пределывать их трюки.

Немногочисленная публика добродушно посмеивалась и подтрунивала над артистом.

В церкви ударил колоком. Густые, могучие звуки властно и мерно загудели над станицей, над лесом, над Доном и грузно повисли над степным простором.

— Гля, сват, будя брехать, давай бриться. Пора к обедне. Вить, звонят — батюшка зовет. . . И сват Антон намылил еще щеки и поднял подбородок, отдавая себя на волю Серпионова искусства.

— Не спеши сват — ноне поп Фалалей служит. Потянет на полдня, знаешь какой... пока повернется, одно слово — Фалалей — возразил Серпион, однако вытер о фартук бритву, властно взял рукой за голову свата, повернул ее на бок, крикнул по-военному „берегись“ и начал свою, по правде сказать, мучительную операцию.

Сват морщился от боли, тянулся всем телом вслед за бритвой, впился ногтями в табуретку. Серпион не унывал и подбадривал: — Держись, сват, на том свете, как черти прижгут каленым железом, больнее будет.

— Хорошо и сейчас, сват. . . што это за бритва у тебя, уж лучше бы ты косою брил. . . раньше она не такая была.

— Чорт его знает — Григорий, должно быть, мастерил ею. . .

И Серпион еще прилежнее стал водить бритвой по сватовым щекам и шее

— Фу, сват, ну и дерет же!

— Москву видишь? — шутил Серпион.

— Самую Москву то не вижу, а колокольни, брат, виднеются.

Наконец, операция окончилась, хотя и не вполне благополучно: на сватовой шее виднелась рана. из которой обильно текла кровь. Но Серпион сбегал за кухню, взял из кучи горсть золы и засыпал рану.

— До смерти заживет! — утешал он свата.

Покончив затем с кумом Гаврилой, который в отличье от свата, не только Московские, но и Петербургского Исакия увидел, — Серпион выбрил и себя, при чем танцевал от боли, и ругался' и слезы вытирал.

После церкви, обильно и аппетитно пообедав (Филатьевна была искусная стряпуха), Серпион отправился к станичному правлению, на „улеши“.

Рыжеватый чуб, намазанный коровьим маслом сиял из-под красного околыша щеголевато надетой фуражки. Лицо щурилось от яркого солнца и тоже сияло от удовольствия предвкушаемой выпивки. Серпиешка торопился и, по обыкновению, сам с собою разговаривал.

Впереди уже показалось станичное правление перегородило поперек широкую улицу и гудело сотнями голосов казаков, переполнивших и майдан, и писарскую, и судейскую, и арестантскую. На улице и по ближайшим переулкам стояли и двигались одиночные толпы народа.

Попадались тут и вдовы-казачки, приехавшие со старшими сынами — подростками по столь важному в хозяйстве сенокосному делу. Пригорюнившись, приняв сиротский вид, как изстари полагается порядочной вдовице, они переходили от группы к группе, высматривали, выслушивали, вынюхивали, шептались с сынами-выростками, которых приучали всем мелочам достаточно сложного казачьего хозяйственного обихода. Женщины в толпе были, впрочем, редки — как исключение. Массу составляли казаки всех возрастов.

И эта полувоенная, полуштатская толпа была чрезвычайно оживлена. Каких тут только не было сочетаний форм и цветов. Офицерские тужурки, которыми так любили запасаться казаки, идя из полков домой, (иногда с погонами, чаще без погон) уживались со штатскими брюками. Артиллерийския фуражки с бархатным околышем, армейские с красным, голубые атаманские, красноверхие лейб-казачьи венчали чубатые, высокие, приземистые, широкоплечие и просто мелкорослые фигуры в шароварах с лампасами, в штатских щеголеватых брюках, сшитых первоклассным станичным портным, а то и в серенькиx неуклюжих сшитых малоискусными руками хуторских казачек.

Вот высоченный и важный красавец гвардеец-щеголь в алой фуражке с курчавым черным чубом, с тщательно выбритыми щеками и шеей, в чорном пиджаке, в форменных широченных синих шароварах, заправленных в щегольские лаковые сапоги, огромными, мозолистыми пальцами неловко держит карандаш и с великим трудом выводит каракули на помятом клочке бумаги — пишет расписку в том, что он такому-то променял свой пай.

Молодежь и средний возраст тщательно позаботились о своей наружности и к празднику подстриглись вычистили и выгладили одежу, с самой Пасхи лежавших в сундуках и которая вновь будет туда же положена до осенних праздников и свадеб-летом надевать будет некогда — работа так захватит, что порой и умыться не будет времени.

Пожилой народ, за петьдесят и выше, мало занимался собой. Большинство — бородачи, они озабочено и деловито, ни на шаг не откланяясь в сторону, решали поставленную сегодняшним днем очередную задачу. А задача была нелегкая.

Каждый казак, с семнадцатилетнего возраста, имел сенокосный пай в пяти местах — в Задоньи, Верхнем и Нижнем займищах, в Колках, на Салу. Все эти угодья были разбросаны на протяжении шестидесяти-семидесяти верст. Около этих угодий разположились разных величин хутора, иные в несколько сотен дворов.

Не ехать же косить траву за 50—60 верст, и, вот. путем мены и купли-продажи каждый хозяин устраивался так, что сводил свои паи в одно место, ближайшее к его поселению.

Когда Серпион вышел на Правленскую улицу, толпа была еще трезвая, деловитая и озабоченная, но уже некоторые, удачно закончив свои дела, парами, а то и по несколько человек, отрывались от Правления и уходили пить могарыч.

В это самое время, недалеко от Правления, на той же главной улице, около просторного крытого железом и ярко раскрашенного дома богатого кабатчика, Евлана Прокофьевича Топоркова, разыгравалась знакомая станичанам, но невиданная хуторянами, сценка.

Огромный, толстый, с медвежьими ногами и плоским калмыцким лицом добродушно лукавый кабатчик, по своему обыкновению, расхаживал по балкону, ступая так, что половицы гнулись и поскрыпывали. Расхаживал он и перебрасывался шутками с проходившими мимо казаками.

У больших раскрытых окон, с пышными кисейными занавесками, виднелась полдюжина его разодетых по праздничному дочерей „барышень", с их гувернанткой и приезжими гостями.

Вдруг из-за угла выползла пьяная белоголовая и белобородая фигура Сергея Арчакова. Старик был без шапки, в одной рубахе, выпущенной поверх стареньких штанов, и босяком. Позаботившись напиться пьяным пораньше, дед Арчак отправился, как говорили в станице, „служить молебны". Первый молебен был сегодня рабу божьему Евлану Топоркову . . .

Арчак вышел на середину перекрестка, стал лицом к кабатчикову дому и начал голосом проповедника:

— Топорок, а за тобою есть порок". И пошел, и пошел причитывать. Зажмурив глаза, потный от солнца и от водки, Арчак мерным, тягучим голосом рассказывал о том, как кабатчик разбавлял водку водой, как поддавал ей настоем табака крепость, как во время запрета торговли полоскал бочки водою и продавал эти помои за водку. Добрался Арчак и до семейныхд дел кабатчика, до его жены, приплел детей, братьев, отца — разбавил быль небы-лицей. В выражениях, разумеется, не стеснялся — вещи называл их именами. Речь Арчакова лилась складно. как заученная молитва. Она и была им давно сложена и многие годы повторилась в особо большие праздники

Толпа у станичного правления оставила все дела и жадно слушала арчаковский „молебен с акафистом". Известно, что человека ничто так не тешит, как конфуз его ближнего, а если конфуз случится с кем-либо выделяющимся из толпы, тем больше наслаждения ближнему. Топорков же выделялся и богатством и влиянием.

Таких „молебнов с акафистом" Арчак обыкновенно служил несколько — перед домом кабатчика, священника, отца Серафима, купцов Сурковых и еще двух-трех богатых станичан.

Подноготную этих лиц Арчак знал прекрасно. Становился перед домом намеченной жертвы и выкладывал все перед честным народом, из-за угла слушавшим пьяные обличения дрянного старичишки.

Обыкновенно акафист Арчака продолжался до тех пор, пока ему не выносили денег на полбутылку водки. Таким путем Арчак собирал достаточную сумму, чтобы дня два-три пьянствовать, ночуя где попало — под забором, в огородах, в лодке на реке. . .

Когда-то Арчак был почтенным, хозяйственным казаком, не хуже других. Пахал, разводил скот и жил не плохо. Но, отделив единственного сына и оставшись с женой вдвоем, он бросил полевую работу. Правда, они с женой имели огород, сад. Арчак занимался, кроме того, рыболовством на Дону. Выпить он любил и раньше, но, сократив хозяйство, умeньшил и возможности к этому, почему и изобрел нынешний способ — „молебен с акафистом", чтобы возместить недостаток средств.

Проделывал он такие обходы „знатных" станичан раз десяток в год, приурочивая их к большим торжественным праздникам. Впоследствии у Арчака явились подражатели: бывший писарь-пьянчужка и старик кузнец, но, как подражатели, они никогда не достигали искусства и успеха самого изобретателя.

Когда Серпион подходил к дому кабатчика, „сказ" Арчака был в полном разгаре. Старик увлекался и сам был очарован своим „сказом", как курский соловей своей песней.

Кабатчик же от стыда и позора перешел на другую сторону дома и из-за угла наблюдал за Арчаком. Окна захлопнулись, и девицы с подругами исчезли в задние комноты.

Поравнявшись с кабатчиком, Серпион поздоровался, рассмеялся и спросил:

— Што, аль Арчак молебен с акафистом служит?

— Да и-и-х-х-хоть бы ты ие-е-аго п-проучил, П-п-петрович. Уж и я б-аы м-м-могарыч т-т-тебе поставил.

Будучи заикой от природи, Прокофьевич от волнения еще больше заикался. — Хорошо, идет, Прокофьич. Идет, живет девка за парнем, как за сукиным сыном. Идет Только уговор — лучше денег: не надувать, а то ты тоже парень ловкий.

— Б-будь п-п-покоен, н-нне обм-м-ману.

— Давай деревянную лопату.

— В-в-вон т-там, в ккконюшне ввозьми.

Серпион нашел в конюшне лопату, положил ее на плечо и спокойно вышел из двора. Он прошел мимо захваченного своим „сказом" Арчака, подошел к лежавшей на улице куче свежего коровьего помета, осторожно подвел под нее лопату, подкрался сзади к Арчаку и, когда дед в упоеньи и восторге, раскрыв рот, увлекался самым боевым местом „сказа", со всего „размаха налепил ему на лицо все, что было на лопате.

На мгновение, вместо Арчаковского лица, получилась сплошная гадость Потом все это поползло. Арчак сначала ошалел, а потом замахал руками, заплевал, метнулся вперед, ударился о забор, упал. Потом вскочил, бросился влево и снова толкнулся об угол, закрутился, заплетался ногами и снова упал. Наконец вскочил и помчался в переулок.

Правленская толпа пришла в дикий восторг: хохотала, визжала, хлопала в ладоши, иные кричали — „ура!". Стая ребятишек с гиком и свистом понеслась за Арчаком. А на балконе огромная туша кабатчика тряслась от смеха и удовольствия.

Сам же Серпион стоял в позе победителя, ухмылялся и приговаривал:

— Вот тебе акафист. . . Не будешь старый чорт, дураковать, а то, вишь хорошую привычку взял! . .

— Нну, Пппетрович, — заявил кабатчик Серпиону, когда он принес лопату во двор — ннну, н удружжил, б-б-брат. И к-к-как ты это пппридумал ловко?!. П-п-пожалуй, охота тттеперь про-п-п-падет к мммолебнам? . . Спасибо, спасссибо, бббрат. ппприходи после улешей — дддве бутылки нна мммогарыч! .

— Благодарю покорно. — И Серпионово лицо засияло как блин, от столь обильной и неожиданной награды.

В станичном правлении Серпион долго не задерживался. Что-то променял, что-то продал, и через час уже сидел с приятелями в тени, под забором около кабака и угощал заработанной водкой Сбегали в лавку, купили сухой тарани, кто-то принес краюшку хлеба, и пир пошел горой.

Сначала врал Серпион, и все смеялись. Потом зазвенели песни, протяжные, с бесконечными вариациями, с завивистым подголоском. Затем целовались. Потом танцевали казачка, сначала попарно. а затем, в пьяной неразберихе, кто как попало. В конце концов разбрелись, не помня, как и куда.

Серпион остался на поле пира и сладко, с присвистом, храпел под забором Свиньи-мать с семейством — заняли место исчезнувших пьяных собутыльников и подбирали крохи хлеба и остатки тарани.

Серпиои мешал, конечно, свиньям, так как лежал в самом цеьтре бывшего места пира. И свинья-мамаша недовольно хрюкала и поталкивала носом пьяное тело.

Серпион ворочался, отмахивался руками и с досадой бормотал: „Уйди, брат. . . паек продал.“

Но так как свинья находила ответы недостаточно удовлетворительными, то снова хрюкала и еще сильнее толкала Серпиона.

„Уйди. тебе говорят. . . што пристал. . . куму Прокофию променял. . . задонский пай. . . понимаеш, задонский?!“ досадовал Серпион.

Солнце было близко к закату, и к вечерне уже отзвонили, когда Филатьевне сказали, что ее муж спит около Топоркова кабака. Она взяла увесистую палку и отправилась за благоверным.

— Ну, вставай, чорт окаянный, навязался на мою головушку. Вставай! — Филатьевна тянуламужа за руку, за ноги. толкала палкой в бока.

Тот отбивался:

— Уйди, тебе говорят. . . продал-ну, и не лезь. Задонский променял куму! . .

Кабатчик с балкона любовался картиной и весело посмеивался.

— Гляди-ка Филатьевна, тты ббери его за ноги и тттяни!

— А и то правда — одобрила совет Филатьевна — дай Прокофьич веревку.

Прокофьич, в предвиденьи нового удовольствия — посмотреть, как жена будет тянуть Серпиона, нашел веревку и бросил с балкона Филатьевне.

Она связала мужнины ноги, взяла через плечо веревку и, предварительно спрятав в фартук фуражку, напряглась, как лошадь, и потянула пьяное Серпионово тело. Пиджак залупился, рубаха вылезла из штанов, и Серпион голой спиной чертил широкую полосу по мягкому пыльному песку.

Сначала он ошеломленно продрал глаза, потом понял в чем дело и стал ругаться:

— Брось, чортова кукла, брось, а то я тебя. . . вот встану, так я тебе покажу!

— Попробуй, встань, ну встань, — злобно огрызалась Филатьевна, уверенная в беспомощности мужа.

Впрочем, Серпион успокоился сейчас-же. Это новое, никогда им не испытанное положение его забавляло, и он запел во всю глотку:

— Поехал казак во чужбину далеку
На добром коне вороном,
Свою он краину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом“ — Ехал таким необыкновенным порядком Серпион и пел старую казачью песню. Коровы шли с попаса, останавливались и изумленно смотрели на эту странную группу. Иные фыркали и в испуге бросались в сторону.

В это же время как раз окончилась вечерня, и старики со старушками из поперечной улицы выходили на Правленскую. Тетка Анея, всплеснув руками и, сама баба-ухач, залилась раскатистым смехом.

— Ну и племяша, ну и Серпиенушка, ну и чадушка-чалая! Да ты, Филатьевна, што смотришь — коликом его хорошенько по морде. . . А ты его еще везешь — тоже нашла сокровище! . .

А Серпион кончил одну и начал другую песню:

„Прощайте, отец мать родные,
Прощайте сына своего,
Считайте дни мои остальные,
Часы свиданья моего“. . .

В конце концов было всем весело: И Серпиону, и Филатьевне, гнев которой уже прошел, и богомольцам, от души посмеявшимся над новой выходкой Серпиона и, кажется даже коровам.

По улице, на песке, еще на другой день можно было пидеть широкую полосу, проделанную голой спиной от Товоркова кабака до Серпионова дома.

Кончина и погребение Ф. А. Щербины.

Не стало „Кубаньского Діда“, переселился он, наш дорогой Федор Андреевич, в мир, откуда нет возврата.

Крепкий кременной был Кубанский Дід, еще несколько лет тому назад бегом догонял вагон трамвая и, держа речь о Казачестве на Казачьем дне Выставки славянских журналов, низачто не хотел в свои 84 года принять стул — „что ж я не казак, что ли! Стоя не скажу!“

До 100 лет хотел прожить наш Дід — „нельзя умирать казаку заграницей“ мы все еще нужны Кубани!“ — говорил он. Не дожил. Тяжелые эмигрантские условия сильно подорвали его неизломное здоровье. Почти два года прошло с тех пор, как начал он хиреть, но не сдавался. Ходил еще на казачьи доклады, писал, принимал участие в казачьей жизни. „Не добачав, не дочував“, но не мешало это работе. Потом уже и ходить не мог, но, лежа у себя дома, все время сохранял ясную отчетливую мысль и только жаловался на одряхлевшее тело. Но и тут, еще этой весной не сдавался он. Всегда хотел быт в курсе казачьей жизни, радовался каждому успеху казачества, а наибольше того успехам в деле борьбы за национальное его освобождение, ожидая воскрешения дорогих ему, до последнего издыхания, горячо любимой Кубани и Казачества.

Противник войны в прошлом, на склоне последних лет своих, он стал горячим сторонником вооруженного свержения Советской власти и глубоко ценил тех государственных мужей Европы, которые бескомпромиссно стали против большевизма.

Еще этой весной он собирался идти на десятилетие Общества Изучения Казачества, его детища, в котором выковывалась национальная идеология Казачества и страшно, непримиримо осуждал выступления казачьих отщепенцев в пользу защиты СССР. „Передайте казакам, что я еще могу и идти с ними, что я еще встану, когда надо“ — говорил он и в то время, когда ясно было уже видно, что не встать уж нашему дорогому Воину за дело казачье. Однако еще и в сентябре, казалось что ничто не предвещает так близкий конец Духовнаго вождя национального казачества.

Правда он слабел, страшно худел, но внимал всему, что происходит вокруг, интересовался жизнью. Время от времени навещал его лекарь Д-р Жук, б. член Рады и фельдшер на Кубани, следил за ходом его болезни. Предлагали Ф. А. перевезти его в санаторий, в больницу, за Прагу, туда, где лучший воздух, лучший уход, но Ф. А. наотрез отказывался от предложений, не желая покидать своего угла, в котором он провел все 15 лет эмиграции в Праге

До половины октября состояние его здоровья было без перемен 18-го у него появилась повышенная температура, простоявшая до 22 го, один раз поднялась она даже до 38,4 гр., при этом появился у него бред, но и в бреду Ф. А. выказывал такую техническую эрудицию по статистике, что прямо было изумительно, сторонний человек бы подумал, что профессор вслух повторяет свои лекции. 23-го температура опустилась до 37 гр., но Ф. А. совершенно отказался принимать пищу и все просил воду. Дыхание его ускорилось. Украинский университет, профессором которого был покойный, прислал к больному Д-ра Матюшенко Доктор нашел необходимым перевезти Ф. А. в больницу и последний на этот раз сдался-его уговорили. Университет внес плату за 10 дней вперед, по 25 крон в день, в общем отделении больницы милосердных сестер (серых сестер монашек) на Малой Стороне Праги III.

И 27-го вечером, в предвечер годовщины освобождения Чсл народа, когда Прага тонула во флагах и украшениях ожидая приезда Высокаго гостя Румынского короля, а по улицам валом валили празднично настроенные горожане, Ф. А. отвозил сенитарный автомобиль в больницу.

Ф. А. был в полузабытьи, на неровных местах мостовой, когда автомобиль вздрагивал, он вскрикивал от боли. Было уже темно, когда привезли Ф. А. в больницу и уложили в палате. Сестра сейчас же дала ему глюкозную инжекцию — для питания и уменьшения боли. Ф. А. уснул. Следующий день прошел без перемен. Ф. А. трудно дышал, не реагировал на присутствие близких, но внимал, когда ему давали пить молоко; отказался даже от кофе = „не треба".

Вечером ушел из палаты персонал, погрузилось все в темноту; у постели Ф. А. остался только его сын Григорий Федорович, чутко прислушиваясь к каждому вздоху отца. В 19-50 вечера вдруг у него начало клокотать а горле: сын, предчувствуя недоброе, бросился за врачом. но только успел подойти к дверям, как у Ф. А. вырвался отчаянный, душураздирающий вопль, и все стихло.

Приведенная сестра милосердия сказала — конец.

Ф. А не стало. Душа старого казака отлетела к Богу.

*

. . . . . .

Украинский университет, вместе с сыном, организовали похороны. Пражские торжества сильно затрудняли дело и похороны были назначены на понедельник, 2-го ноября в 3 часа дня из Православного храма, на Ольшанском центральном кладбище Праги. Тело Ф. А., положенное в цинковый гроб, было перевезено в усыпальницу, под храмом. В главных газетах, 30-го октября появился портрет Ф. А. с извещением о его смерти.

Сделали это украинцы; они же на следующий день развесили об'явления о смерти и похоронах Ф. А. Долгое время даже ближайшие сотрудники, друзья и почитатели Ф. А. не знали ничего о смерти и о времени похорон Ф. А.

Поэтому только в субботу после обеда могло Правление Об'единения Вольного казачества-казаков националистов. развесить плакаты в местах сосредоточения казаков и распорядиться, чтобы на похоронах Ф. А. не было забыто и казачье его-Я.

В воскресенье утром была разнесена по всем редакциям главнейших пражских газет статья Д-ра С. Федорова о жизне и деятельности Ф. А. Щ и передана в Чсл прессовую канцелярию, для извещения всей Чсл прессы и передачи по радио, заметка о смерти и погребении.

В воскресенье Пражская ВК станица (Об'единение ВК) устроило заседание на котором была почтена память покойного.

Настал понедельник-траурный день Кубани и Казачества. Плакало и небо. На кладбищах была масса народу, пришедших в день „Душичек„ помянуть своих мертвых, украсить их могилы и зажечь лампады и свечи перед крестами. Двери православного храма открыты с раннего утра; посредине перед амвоном стоит черный катафалк, прикрытый Вольноказачьим флагом-синим с углом из цветов Кубани, — малиновым, горцев-зеленым и калмыков-золотистым. Народ все время входит и выходит из церкви. На дверях ее и усыпальницы висит траурное об'явление о смерти Ф. А.

Приносят первый венок от Вольного Казачества-казаков националистов. Постепенно подходят друзья и почитатели Ф. А. Казаки удивляются, что только в последний момент, разными путями они узнали о смерти Діда и часе погребения. Приходит сын и родственники покойного.

Подносят все новые и новые венки, На катафалке лежит большой, изящный, пластически исполненный лавровый венок Вольных казаков, с эмблемой ВК — золотистой из цветов, булавою поперек венка и лентами в казачьих национальных цветах. Пришедшие читают: „Духовному Вождю-Вольное — Казачество". „Казаки националисты". „Кубанські письменники", „Общество Изучения Казачества". Венок от Украинского университета, Спілкі професорів Укр. господарс. Академии, Громады Кубанців, Сына і родини Панкеевих, Укр. громади в Празі, Укр. спілкі імені гетмана Мазепы, Укр. північно-кавказс. організації, выделяется громадный прекрасный венок, с чудными лантами в кубанских цветах, возложенный Д-ром В. И. Курганским, от Деревянківців. Приносят букеты цветов.

К трем часам открывают двери усыпальницы, служащие похоронного бюро главного города Праги впускают туда Д-ра С. Федорова с Землей с берегов Кубани, Дона и Терека, перевитой казачьими национальными лентами, и открывают крышку гроба. Кубанський Дід лежит в нем тихий, спокойный, сильно, сильно исхудавший, с чисто выбритым лицом, исчезла типичная полтора года украшавшая его борода. Исхудавшие руки скрещены на груди. В священной тишине усыпальницы, в которой лежали кости тысяч югославянских воинов, почив ших в чехии во время мировой войны, на грудь Кубанського Діда кладет Д-р Федоров от имени Вольного Казачества-казаков националистов Священную Землю казачью, с обещанием перенести и самого Діда на Родную Землю Кубани.

Гроб завинчивают и среди тихого шпалера многочисленных собравшихся вносят в церковь и кладут на катафалк. На крышку гроба возлагают от имени Центрального правления ВК — казаков националистов, почетным председателем котораго был покойный Ф. А. Щ, болшую пальмовую ветвь, украшенную цветами, а на изголовье гроба навешивают Вольноказачий венок с булавой. Вокруг гроба кладут букеты цветов, а подножье катафалка со всех стором окружается принесенными венками. Вся церковь, до последнего места, наполняется нардом, а многие и многие остаются перед вратами ее: нет места в храме.

В три часа выходит из алтаря высокий седой архиепископ Пражский и всея Чехословакии высокопреосвященнейщий Савватий с протодьяконом о. Несходовским и в сослужении духовенства начинается торжественное отпевание. Грустные слова молитв и напевы хора несутся к небесам. Сосредоточенно молятся присутствующие над гробом Великого сына своего народа.

Отпевание закончено. Почтенный профессор С. Шелухин, сенатор, заключавший в свое время договор Украины с Доном, прощается от имени Сената и Университета с покойным, вспоминая работоспособность и преданность науке покойного.

Профессор Л. Л. Быч, б. Председ. Кубанского правительства и сотрудник покойного прощается от имени Кубанцев с. Ф. А., припоминая его жизнь и деятельность с самаго рождения до наших дней.

Друзья покойного поднимают гроб на плечи и выносят его к могиле, недалеко за храмом, на главной аллее, возле могилы старого приятеля Ф. А-ча-писателя, запорожского потомка, казака Василия Ивановича Немировича-Данченко. Впереди несут венок ВК, за ним пальмовую ветвь ЦП и водружают его над могилой покойного на кресте высоко, откуда золотом переливается булава казачья-последний дар Духовному его вождю. Последние молитвы над гробом и речи представителей различных организаций. От имени профессоров Укр. Госп. Академии, основателем которой был Ф. А, говорит проф. и ученик Ф. А. — Шрамченко.

С прочувственной речью выступает представитель младшей генерацин ВК. инж. В. Г. Глазков.

Затем говорят: Голова спілки гетьмана Мазепы генерал Омельянович-Павленко, б. верховный Главнокомандующий Укр. армии; отдавая последний привет Великому Казаку, от имени Укр. Громады, выступает голова ее п. Галаган, а от „Украинцев Северного Кавказа" инж. Васюк.

Медленно, при звуках „Вечной памяти", опускается гроб в могилу, где в двойном оцинкованом ящике, будут почивать дорогие останки покойного до той поры, когда ученики и друзья покойного перенесут их на землю осовобожденной Кубани. Поеледние горсти сырой земли братского чешского народа сыпятся на крышку склепа и наростает новая могила, среди сотен иных могил эмигрантских-сербских, болгарских, и иных православных, покрытая массою венков и цветов, последними дарами незабвенному Діду.

Мир праху Твоему дорогой наш Федор Андреевич! Да будет Тебе пухом Земля чужая, но братская! Упокоются еще кости Твои и на Родной Земле Кубанской!

. . . . . .

*

Сын покойного, Григорий федорович Щербина, заказал маску посмертную Фодора Андреевича и гипсовый снимок его руки

Организации и лица; которые бы пожелали иметь для себя отливки маски, могут обращаться через О-во изучения Казачества.

Стоимость маски может быть понижена при нескольких заказах до ста крон Чсл.

*

Речь инж. Глазкова над гробом

Федора Андреевича Щербины

Сегодня день национального траура не только Кубани но и всего Казачества. Насилием оторванные от дорогой Родины, сыны ея погребают своего наилучшего наиве личайшего собрата, каких мало и мало было в жизни Кубани и Казачества.

Федор Андреевич принадлежал всему Казачеству, его всегашней мечтой было об'единение всего Казачества в одну сильную мощную семью, в своей возобновленной го

сударственности Эта мечта не оставляла его до последних дней, и он всегда особенно радовался каждому шагу, дававшему благие результаты в деле Казачьего об'единения и освобождения.

Ему он принадлежал всей душой своей и всем сердцем своим, щирым казачьим сердцем славного потомка Славного Запорожья.

И здесь мы видим представителей различных Войск казачьих пришедших отдать последний долг Великому Кубанскому и всеказачьему Діду.

На Родной Кубани. увидеть которую очам старого Казака, увы, не суждено было, он получил много почестей. Покойный был Председателем возобновленной 114 лет спустя по уничтожении Сечи Запорожской Кубанской Рады был членом Верховного Казачьего Круга, Кубанской Рады, Председателем Верховного Кубанского Суда. Ему же вверила Кубань свои исторические клейдоны-регалии, посылая его с ними в родственную братскую Югославию перед опасностью навала красных оккупантов.

И он же своею рукою, по восстановлении казачьей государственности на Кубани, по старинному Запорожскому обычаю, помазывал Землею Кубанскою голову Первого, свободно избранного главы Кубанской республики — Войскового Атамана.

Как там дома, так и здесь, в изгнании, покойный был духовным главой и вождем Казачества.

На склоне лет своих он не задумался стать во главе казачьего национально освободительного движения и различных казачьих обществ, в коих выковывалось заграницей дело казачьего национального-освобождения.

И мы Казаки националисты — (Вольное Казачество) особенно чувствуем небывалую потерю, которая нас постигла на рассвете Казачьего осовобождения.

От имени Центрального правления Вольного Казачества-казаков националистов и всех ВК. организаций преклоняюсь перед памятью их Почетнаго Председатяля.

Родную нам и ему Землю с берегов Кубани, Дона и Терека кладет Вольное Казачество на сердце великого своего вождя. . .

Да будет ему пухом братская земля чехословацкая, до той поры, когда бренные останки Великого Кубанського Діда не опочат на почетном месте в Родной Кубани!

Слава Тобі любий Діду, слава Казачеству, слава Казакии!

А мы, ученики твои, клянемся над гробом твоим-не оставить идеалов твоих, которые Ты неизменно вкладывал в наши души; мы добьемся их осуществления и возвратимся вместе с Тобою на Родную, освобожденную Землю Казакии.

Письмо в редакцию

В № 7 за октябрь месяц журнала „Терский Казак“, под заголовком „Скользкий путь“, б. штабс-капитан и теперешний председатель Терскога правительства Евгений Букановский, исказив совершенно смысл сказанных мною на собрании 16 августа в Белграде слов, рекомендует „отмежеваться“ от таких, как мое, выступлений.

На упомянутом собрании, возражая по пунктам доклада генерала А П. Филимонова я, на призыв Филимонова к об'единению Казачества, высказал следующую мысль:

„По моему мнению, все призывы к об'единению — пустой звук и напрасная трата времени. В казачестве происходит революция, в казачестве борятся два начала, постепенно все больше и больше выясняются два лагеря — лагерь русских казаков и лагерь казаков националистов, самостийников.

По моему мнению, об'единения не будет, а победит одна из борящихся сторон. Все худшее, все мягкотелое в лагере побежденном примажется лучшее погибнет.

Эти мои слова, кроме самого Букановскогo бывшего на собрании, слышали все присутствовавшие. Букановский же цитирует мои слова следующим образом:

„. . . об'единение невозможно, пока не победят самостийники . . . при этом в случае победы вольных казаков к ним примажутся все мягкотелые элементы казачества, а противников своих они уничтожат физически . . .

Оставляя это злонамеренное вранье на совести г. Букановского и ему подобным, могу сказать следующее:

Самого Букановского знаю давно. Еще с тех пор, когда он собирал в Белграде казаков и на этом собрании предлагал просить местные власти о высылке меня за пределы Югославии. Еще с тех пор, когда он в содружестве с местными русскими, такую высылку и провел было в жизнь, да мне удалость в последний момент все уладить

Поэтому самого Букановского к разряду честных противников, даже просто порядочных людей, не причисляю.

Там-же Букановский, по поводу „физического уничтожения“ противников, восклицает:

„Повидимому московские и испанские примеры становятся заразительными“, целя конечно на вольных казаков. . .

До сего времени вольные казаки боролись лойально, словом, убеждениями, фактами из истории. Из действий же противной стороны думаю достаточно упомянуть хотя бы Кулабухова и Рябовола. . .

Из практики убедившись, что честной борьбы наши противники не принимают, на опыте зная, что они способны лишь на ложь, подлость, подтасовку и передергиванье, штабс капитану Букановскому заявляю:

Если у вас не хватило храбрости выступить после моих слов открыто, если за все время пребывания и моего и вашего в Белграде ви не нашли ни одного честного способа борьбы, то будьте впредь готовы выслушать оценку своих действий на казачьих собраниях в Белграде в том свете, в каковом они являются на самом деле. Стесняться с вами не буду, буду говорить открыто, всем и каждому о вашей трусости, о вашей низости и о том, как и каким способом бежавшие из под Петербурга штабс-капитаны стали председателями казачьих правительств.

В том же номере кто-то под псевдонимом „казак Булавин“ пытается лягнуть и „Казакию“ и меня. Псевдонимам не отвечаю из принципа. Не отвечаю в данном случае еще и потому, что в статейке своей „козак Булавин“ восхваляет Об' единенный Совет ДКТ. т. е компанию, поправшую казачьи конституции, пошедшую за Миллерами и прочими русскими отбросами, компанию, сидящую на своих местах не напрасно — бессовестное хозяйничанье казачьим имуществом при перевыборах открылось бы целиком.

Умерший Богаевский уже показал, что там делается. Осиновый кол ожидает и остальных. Поэтому истерический бред „казака Булавина“ смешон. Интересно — сколь близок он к терским виллам и капиталам? Но напрасно волнуются и Букановский и „казак Булавин“ — их никто „физически не уничтожит“. Противно будет такую слякоть и в руки взять.

П. Поляков

Младоросский канкан

Кто мог подумать, что Сталин со своей компартией и III-м Интернационалом, вот уже 19 лет работает на Казембека и младоротской партии. Оказывается, это так. Об этом торжественно возвещает нам никто иной, как сам „глава“ младороссов в своем докладе. В газете „Бодрость“ № 88 вот что мы читаем:

— „Наиболее крупные и чреватые последствия достижения проявились в области, относящейся к третьему пункту программы-минимум. Тут налицо уступки власти, настолько существенные, что можно говорить о конце пресловутой диктатуры пролетариата, и не только о ее фактическом конце, но и об ее конце формальном, оформленном юридическими текстами .. Мы присутствуем при настоящей ликвидации классовой борьбы и можем признать, что третий пункт нашей программы-минимум выполняется в данный момент. В самом недалеком будущем, в ближайшие месяцы... мы не замедлим об'явить, что признаем третий пункт программы-минимум Младороской партии выполненной“ (“Бодрость“, №88).

Читаешь это и диву даешься развязаности новоявленных „спасителей“ России. Какие нормальные люди, кроме младороссов, могут утверждать, что Сталин со своей армией комунистов, безпощадно расстреливая своих „классовых врагов“, т. е много милионов русских людей, точно выполняли пункт программы младороссов?

Признаемся и каемся, что мы не знали, что третий пункт программы-минимум младороссов, о гноении еще большего количества людей в концетрационных лагерях.

Есть хорошая калмыцкая поговорка; у дурака не спрашивай — сам признается.

Впрочем, радость Казем-бека по поводу уничтожения большевиками в СССР классов, путем убийства десяти миллионов невинных людей, его шаловливый восторг перед морем горячей человеческой крови, пролитой большевиками, нас не особенно-то удивляет Ибо все „спасители" России, как правило, отщепенцы разных народов, воздушные „Работы". Эти „спасители" прежде всего и больше всего любят позу и красивые слова, а человеческая кровь для них, что для сыра масло!

Поведение младороссов, в особенности, их „главы", показывает нам. что недаром их партия называется 2-й советской партией. Мы видим, что она старается во всем следовать за мудрым „вождем" 1-и совпартии. Правда, Казем-бек старается убедить нас в том, что Сталин у него занимает ума, мы же наблюдаем совсем обратное: Казем-бек старается шагать в ногу со Сталиным.

Взять хотя бы Казем-бековский „манифест" о даровании младоросским казакам „выборного права" („Бодрость" № 78), что, несомненно является неудачным подрожанием Сталину

В СССР Сталин решил облагодетельствовать падвластиых ему казаков, разрешив им ношение своей формы, предоставив им „право" петь свою песню, создать свои войсковые части, чтобы иметь возможность умереть „за любимого вождя и СССР" (Все, как встарь!).

В эмиграции же роль „милостивого" хозяина казаков пытается взять г. Казем-бек. И тот и другой, когда-то в старых высочайших „рескриптах и манифестах (откуда, возможно, списали свои „манифесты" Сталин и Казем-бек), стараются гладить казаков по головке, восхваляют прежние заслуги, обещают в будущем казакам невиданные блага: „быть впереди", как заканчивает свой „манифест Казем-бек. И зачем было писать такой длинный „манифест" для того, чтобы отдать такой коротенький приказ: казаки, на переднюю линию! Смело умирать за нас!

Как и в прежние времена, Казем-бек „милостиво" обещает казакам: „избранные руководители будут утверждены мною". А раз он имеет право утверждать, то, естественно, может и не утвердить. Короче, долой казачье выборное начало!

Много перлов разбросано по этой Казем-бековской „милостивой" грамоте, но останавливаться на них просто не хочется, ибо, все равно, — Сидориных, Чапчиковых, Алпатовых и прочих младоросских казаков не переубедишь. Разве можно обращаться к сердцу и разуму тех, кто за ясные очи Казем-бека решились предать свое родное Казачество?

Если мы остановили внимание казаков на благодеянии, свалившиеся на младоросских казаков, то только для того, чтобы указать — как казачьи слуги Казем-бека, растоптав все для них святое, готовятся танцевать канкан на казачьих костях, в угоду „главам" и „вождям".

А. М. Огиенко (Фр.)

Документы против клеветы

В номере 208 „ВК" его редактор, с целью опорочения доброго имени Председателя Центр. Правления ВК — Павла Назаровича Кудинова, поместил гнусную клеветническую статью, всецело основанную на письме какого-то Губина, которому кто-то рассказывал. . . и т. д. В нормальной обстановке ни один себя уважающий редактор не решился бы выступать с таким материалом против чести и доброго имени человека. Но для Билого сейчас такое время. что он должен хвататься за все — за соломинку, за змею. за что угодно, лишь бы оно могло сослужить хоть малейшую службу его цели — опорочить членов Центр. Правления, взявшего его в тиски.

Несмотря на безвредность очередного биловского наскока для Предс. ЦП., деятельность и личность которого Казачеству известны, редакция „Казакии" нашла нужным документальными данными и свидетельскими показаниями поставить на свое место подлых клеветников и не менее подлых собирателей этих клевет. Ниже приводятся свидетельские показания лиц, знающих Кудинова еще из дому и три документа, полностью опровергающих клевету биловских. . . „анализаторов" (от слов — ана и лизать, по терминологии „ГР").

И. А. Билому

Любезный Игнат Архипович, а ведь в самом деле, Вы редкий экземпляр. Не всякий может беспощадно лгать и в тоже время не краснеть В этом у Вас исключительные способности.

Вы солгали, что Кудинов был председателем революционного комитета, т. к. подобного института, при занятии большевиками ст. Вешенской, которую Вы уже определили уступить как анексию своим союзникам, не было, был военно — революционный трибунал, председателем которого был казак Новочеркасской станицы Рожков. Правда, заходил и я в эту неумолимую „Чеку", но только не сам из за любопытства, а под конвоем вооруженных солдат карательного отряда. Такое удовольствие желал бы испытать и Вам Игнат А. и чтобы Вам как лгуну отвинтили бы там голову.

Солгал Игнат Ар. и в том, что я участвовал въ разложении фронта. В бою под станцией „Филоново", командуя пулеметной командой 1-го Вешенского полка, был ранен пулей „дум-дум" с переломом кости левой руки. Было это в июле месяце 918 г. От полученной раны, я пролежал на излечении пять месяцев Одновременно в том же бою был ранен и б. есаул ныне полковник Николай Ник. Кудинов. Спросите последнего и тот, быт может, наплюет Вам в бесстыдную физиономию. Чтоже касается третьей лжи „о союзе возвращения на родину", то для этого случая помещаю ряд документов для сведения казаков, а в особенности для донцов, которые надлежащим образом установят клевету тех донцов, которые, грязнят честь своего честного брата за чуждую Казачеству чечевичную похлебку.

ВВД. П. Кудинов

3-X-22 1922 г. копия
Александрово
Болгария

Павлу Романовичу Дудакову

Хотя Вы в своем письме ко мне и удивляетесь моему от'езду в Александрово, но по моему здесь ничего удивительного нет. Мой от'езд в Александрово вызван тем, что в Вашей работе под лозунгом: „Союз Возвращение на Родину", кроется что то загадочное и не доброе. Чтобы быть сотрудником З. С. мне необходимо быть в курсе дела всех Ваших истинных намерений.

Мн необходимо видеть, слышать, осязать и разсуждать, а бродить в потемках и биться о ваши темные стенки и быть слепым воспомогательным орудием, вашего задкулисного шопота, я нежелаю. Выступать среди эмигрантов с той целью, чтобы спекулировать честью измученных казаков, за вознаграждение окровавленных советских рублей, едвали делает честь, еще ничем не запятнанному человеку. Разве живые теплые казачьи тела находящиеся на полях чужбины по курсу вашего политического рынка оцениваются ниже тех миллионов, которые вы получаете?

Не думайте о том, что я способен к алчности народного зла-деньгам и к бессовестному околпачиванию своих братьев, ибо для меня истинна дороже всякой человеческой награды. Лучше рубище да честность, чем эфирные костюмы, подло ть и преступление

Прислушиваясь и присматриваясь к деятельности и форме агитации уже завербованных Вами сотрудников, я сразу чувствую Вашу сознательную ошибку, от которой прет коммунистической гарью.

Я приветствую собрание конгреса, но положительно отрицаю насильственное транспортирование казаков в холодную тайгу далекой Сибири.

Я не могу утверждать, что там в России плохо или хорошо, но надо быть уверенным в том, что может ли уехавший, на родину без страха завтрашнего ареста, трудиться? Нет! Нет!

Издаваемая Вами газета СЯН. . . хотя и большого формата, но не меньше там пишется и глупостей, но того делового, что служило бы во имя семейной спайки, кристализовало бы все те наши ошибки содеянные ведением или не ведением, Вами же преступные носител власти священного Войскового Круга, ничего нет.

П. Р., Вы же в одинаковой дозе грабили достояние Дона. Вы же участники п'яных оргий Новочеркасского Епархиального училища. Учреждение для воспитание детей. Вами загажено потоками вина, награбленной мануфактурной рухлядью, кожами и пр. . . Так от чего же Вы как вош плодите партии, союзы и пр. пр. . ? Вы подумайте к чему это все ведет? Неужели возвратившись на Родину там для каждого партийного шантажа, будет приготовлена отдельная независимость? Ведь Вам всем придется стать лицом к лицу перед народным правосудием и дать отчет перед обманутой Вами Казачьей массой. Не сердитесь на мои резкости, ибо это касается всех тех, кто сознательно в течение трех лет плющил казачьи головы, под ударами красного молота коммунистической наковальни.

Я бы милион раз преклонился перед тем, кто бы из передовых заговорил с такою силой, чтобы все Российские крикуны прикусили бы рабский язык и не посмели сунуть вонючего носа в область казачьего права.

П. Р., помните, что я остаюсь таким же каким и был всегда и перед всеми. Но смею Вас уверить в том, что на прокурорах и деньгах далеко не уедешь, а медовые дни как сон пройдут и стыд покроет Ваше чело.

Ведь деньги, которыми Вы располагаете. они вырваны из души умирающего Казачества.

Дон один, партия или общество одно. Так зачем же Ви распинаете его седину? И так уважаемый П. Р. я готов под покровом нищеты работать с теми, кто будет стремиться к общей совокупности Казачьего народа да бы светильник мира, любви и правды не угасал в мятежном мире из рода в род. Гоняться за мундирамы оцепеневшей крайней идольской скорости я не собираюсь, носить шапку мономаха и треугольную шляпу тоже. Ведь мы дожили до того, что от посещения вожаков партий надрываются столичные рестораны, а кто кровью обогрил поля родины, поля Карпат, поля Пруссии, в невероятных муках мечется из края в край чужбины, за жалкую корку хлеба. Дать народу жизнь такую, чтобы все в ней Бога славили, все кипело, от красных тряпок сердце не бледнело, а такую как например сказать: Бразилия, перник и пр. . . като ржные места где макар телят не пас, указать так просто и легко.

Ведь дело не во цвете мундира, а дело в совести души. Вы ищете рабов чтобы те исполняли Ваше веление, а вы в то время считали милионы окровавленных рублей? Нет, если вы затеяли святое дело, то покажите чтобы я мог видеть собственными глазами, т. к. всякая вера в вас и Вам подобных утеряна. Строить старую Россию во главе с проворовавшимся классом и кричать о марксовских выдумках, я не собираюсь.

Нужно итти средней дорогой, где беззатруднения можно встретить благородного путника и найти бьющий ключь холодный воды жизни. Вот Причины отказа быть Вашим сотрудником.

П. Кудинов

Многоуважаемый Павел Назаревич

Кажеться теперь я Вас правильно назвал по имени и отчеству?

Вы почемуто в своем письме от 25 X не поправили меня за мое ошибочное наименование в моем письме от 18. X.

Ну да суть то не в том. Только я чувствую стыд, когда забываю имя и отчество. Это мое горе.

С удовольствием прочел Ваше письмо от 25. X с приложениями. Из него я вижу, что Вы еще не порвали отношений с П Р. Д. . .

Я бы хотел, чтобы Вы не спешили с разрывом. Рад Вы сознаете ложность пути Д., это еще не значит, что нужно резко обрывать. На всякую старуху есть проруха и на всякого мудреца довольно простоты.

Если Д. еще доверяет Вам, то воимя пользы Казачеству, пока не порывайте с Д. и старайтесь быть в курсе дела их начинаний. Вы конечно знаете, что Д. и КО теперь хорошо оплачиваемые филиальные отделение Московского III интернационала. Цели и задачи последнего Вам конечно известны. И чтобы хорошо бороться, нужно иметь людей, пользующихся у него доверием. Я и предлогаю Вам продолжать связь с Д. .

Для меня и мне подобным существенно знать:

1. Еврейским или русским целям служит теперь Д. и КО.? Если русским, то какия у него доказательства?

2. Как умудрился Д. совместить благо Казачеству и русским с еврейскими стремлениями?

3. Произошол, или происходит сдвиг московской власти к русскому национализму и какия у Д. тому доказательства.

4. Если московская власть попрежнему стоит на идеях мировой революции интернациональных — читай еврейских — устремлений, то воимя чего Д. КО. пошли на службу московскому правительству?

5. Какими способами Д. КО. думают убить русскую национальную идею за границей в лице Русской Армии и Казачества?

Ведь нельзя же считать удачным теперь или применяемый способ инсицуаций, клеветы, выливание помой на белых национальных деятелей и привлечения на свою сторону генералов пьяниц.

Ведь за этими предателями — генералами никто не пойдет, как не пошли в свое время за Слащовым? поэтому способ спаивания морально не ценных генералов и офицеров меня нисколько не смущает: Он бесплоден, Ибо казака — на мекине не проведеш, а за п'яницей—предателем он не пойдет.

Если же теперь Казаки едут на Родину, то совсем не в силу деятельности З. С. и С. В. на Р., а по личным побуждениям.

И эти уехавшие ничуть не изменяют своих убеждений в отношении еврействующаго интернационалаого коммунизма.

6. Существенно знать организацию действия Д. КО. Организационную и документальную часть нужно мне иметь под рукой.

7. Желательно иметь списки наиболее важных деятелей, раионы и оплату их действий, а также списки попавших в красную дивизию, формируемую в Болгарии.

8. Принимаемые Д. и КО. меры в отношени разложение Р. А. и Казачества и меры против своих политических врагов — если можно вернитесь к Д. и ведите разведку. Если не можете сами, то поручите ее другому, но надежному казаку патриоту из лиц, заслуживающих доверия Д. КО.

Уважающий Вас: **С. К. Бородин**

Дорогой Павел Назарьевич

Письмо Ваше от 21. XII получил сегодня, а писем от 4. XII я не получал и очень жалею. Уж не перехватывает ли какая сволочь?

Теперь ведь люди так испедлючались, что нет той гадости, которую бы они не в состоянии были сделать. Особенно полевевшие до преклонения перед жидом бывшие белые русские. Про этих господ одна из приехавших из России женщина говорила так: мы там приспособились к самым ярым коммунистам, но к таким коммунистам, как возвращающиеся из за границы, нет никакой возможности приспособиться. Это черт знает, что за люди. И как их там ненавидят русские люди. Их первых, будут убивать

Эта приспособленность в России к старым коммунистам об'ясняется так, как говорил в Софии Корешков: „Расстрелы? Расстрелов нет: нам надоело расстреливать" А возвращающиеся и подделывающиеся под старых коммунистов и поэтому старающиеся во всю, переживают полный энергии медовый месяц, Они превосходят своих патронов. Вот где секрет страстного желания совласти: побольше набрать за границей пособников для себя. Старые коммунисты забуржуились. им надоело лить кровь, они устали злиться, им хочется жить тихой спокойной жизнью. Понятно теперь Вам почему я больше презираю перелетчиков! перелетные коммунисты самый подлый человеческий народ. Так было и в прошлом, так и в настоящем.

Спасибо Вам за доброе слово в Вашем письме от 2.XII... Ведь меня травят до того, что опасно по ночам ходить по городу, чем меня лишают такого духовного удовольствия — удовлетворения, как слушание всенощной. Несколько суббот уже пропустил, но вероятно больше не буду пропускать-тяжело, посещение церковной службы-это единственное мое развлечение, если можно так назвать посещение церкви. Там ведь кроме, молитвы, можно слушать прекрасное пение нашего хора.

Если сложатся благоприятно обстоятельства возможно, что я буду иметь необходимость побывать в Ваших местах. если там есть русские беженцы. Не откажите сообщить, много ли там русских беженцев и какая у них работа.

Я теперь з нят сбором материалов для описания жизни казаков и русских беженцев в Болгарии и с этой целью имею намерение несколько раз в разное время года об'ехать место работ и жизни русских беженцев. Кое — в чем вероятно попрошу Вас помочь мне. Надеюсь Вы не откажете.

Нового у нас можно сказать никакого, если не считать двух интересных явлений: 1. Прибытие с Терека двух казачек, приехавших из Батума на плохенькой шхуне и 2. Доклад Фальчикова о „Земледельцах" типа Дудакова, Булацела и КО. И о том и о другом явлении сведения вероятно появятся в

газетах. Я же сообщу Вам в кратце: Казачки говорят:" „матери, жены, сестры и дочери просили сказать всем казакам и русским — не возвращаться домой; большая часть возвращающихся по прожитии двух месяцев, иные и раньше, неизвестно куда исчезают, на Тереке женщины, глубокие старики и юноши не старше 17 лет средний возраст или в зеленых, или в ссылках, или у праотцов. Терскими казаками завладели переселенцы с севера и красноармейцы стоящих в области полков. Спасения от них нет. Живут половой жизнью все девушки, начиная с 11 лет. Полное растление терской казачки. Предстоит высылка всех терцев из Терской области".

Фальчиков, говоря кратко, сказал: „Дудаков и Ко воры, изменники, предатели, мошенники". После доклада 24. XII. чуть было не случился бой между белыми и красными, Особенно ратовали красные из белых. Какая гадость!

Уважающий Вас Ген. М.: **С. К. Бородин**

Дорогой Павел Назарьевич!

Письмо Ваше от 12. XII с. г. получил. Что Вам написать?

Про Болгарию писать нечего: болгары сами говорят за себя.

В последнее время и власть и население, исключая коммунистов, относятся к нам очень хорошо.

Стамбулийский здорово встряхнул всю сволочь, особенно русскую. Она, т. е, сволочь теперь притихла.

Будет в будущем для нея еще хуже. Повсеместно происходит избиение организаторов союза возвращения. Даже на пернике бьют и в грязи вываливают. Приэтом болгарская полиция, увидев избиение русских союза возвращенцев говорит: „ништо. По русски правят" и не заступается за избиваемых. Тошно стало этой сволочи?

Про Россию все сведения сводятся к одному: „так больше жить нельзя"

И напрашивается вывод сам собой — бороться, смертельно бороться с коммунистами.

Все письма говорят с надеждой о всем. На весну что то возлагают, а что именно, я не знаю. Судя по состоянию красной армии, должна быть третья революция и уничтожение советской власти, т. к. красная армия вышла из подчинения центральной власти.

Судя по газетам, в России усилилась партизанская деятельность и с партизанами борятся не красноармейцы, а ЧОН" т. е. части войск особого назначение да и тех партизаны разбивают.

Голод в этом году не меньше, чем в прошлом. Голодают 34 миллиона.

На Дону тоже голод, но конечно не такой, как в прошлую зиму.

Прибывших, как пишут с Терека, арестовывают и куда то отправляют.

Арестовывают как недавно прибывших с Лемноса.

Есть сведения, что некоторые, казаки из прибывших и на Дону арестовываются и расстреливаются. Прибывшие офицеры все сидят в тюрмах.

Чиновники некоторые сидят в ростовской тюрьме, а некоторые не только на свободе, но и несут ответственную работу и являются единственно-надежными людьми. „Про них говорят: „Это такие коммунисты, каких еще не было в России„.

Что касается правительства, то вероятно она вернется в болгарию, ввиду перемены политики болгарского правительства.

Окружающих Вас ненавистников не бойтесь их песня спета и недалеко время, когда они униженно будут перед Вами заискивать. У-у, подлецы!

Я их ненавижу больше, чем старых коммунистов.

Крепитесь. Близок час нашей общей радости и унылые наших врагов.

Уважающий Вас: **С. К. Бородин**

Из газеты „Новая Россия" От 2-го ноября 1922 года № 1

Резолюция общеказачьего с'езда Союза Возвращения На Родину

За рубежное трудовое Казачество, давно осознав свою роль в прошлом как простого орудия в руках всероссийской контр-революции и твердо решив покончить с таким положением, признает себя гражданами. . . Р. С Ф С. Р. и подчиняется безоговорочно единственно-законной существующей в России советской власти, осуществляющей национальную задачу-собирание воедино Государства Российского и охрану его интересов в международном отношении и не склоняющейся в тоже время интернационального знамени, в освобождения трудящихся масс всего мира от рабства и эксплотаций, привлекая тем к себе горячую любовь и симпатию народных низов, стран всего мира и поднимая тем самым русского имени, на не бывалую до сих пор высоту.

Считая, что дальнейшее прибывание вне пределов России будет давать возможность реакционным силам использовать вопреки желанию Казачества наличие казачьих масс, для авантюрических преступных попыток борьбы с советской Россией, с'езд полагает гражданским и политическим долгом зарубежного Казачества приступить к осуществлению мысли к возвращению на родину.

Своей твердой решительностью вернуться в пределы советской России Казачество окончательно порывает с врангелевской белогвардейщиной и сознательно наносит решительный удар врангелевской реакции, извлекая из ее вооруженных рядов за собою под знамена красной рабоче-крестьянской армии РСФСР. . , кадра белой армии.

Заканчивая свои работы с'езд призывает всех честных русских граждан, находящихся внепределов родины понять свой долг и вступить на этот путь, который давно избрало казачество и оформило его на настоящем с'езде, общеказачьего земледельческого союза.

Подписали присутствующие делегаты:

Носов, Черняк, Юрьев, Владимиров, Фомии, Бирюк, Богуславский, Новиков, Васильев, Воротников П. Ф., Посохин, Екимов, Лукьяненко, Коломейцев, Ронин, Шеин, Спицин, Кадацков, Солодовник, Щетинин, Гайдуков, Борцов, Дронов А. Г., Седельников, Агапов, Токарев, Нифонтов, Илюшкин, Косачев, Полухин, Яцюк, Никитин, Ляхницкий, Иванов, Утишев, Жинкин, Иванченко, Флезани, Штанько, Пятницкий, Данилов, Карпов, Лунченков, Шишлинов, Палеев, Забазнов, Корчунов, Крыханов, Долженко, Черников И В., Устинов, Мельников. Васильев, Голубинцев, Сычев, маслов, Гущин, Бураков, Юрков Михеев, Любимов, Тюльтинов, Панамарев, Булацель, Чекалов Попов, Кохановский, Попов, Мануйлов, Сидоров, Авакумов Хохлачев, Тяпкин, Запятиков, Горин, Калинин, Дудаков, Уваров, Таррарин, Тихоненко, Адамов, Белошов, Безродный, Демьяненко, Толокольников, Шевченко, Цебеков, Бухинов, Кушкин, Егоркин, Саломатин, Абушев, Козин, Тюмень, Макагон Ефимов, Козорезов.

Ответ на запрос

В № 208 „ВК" И. Билый просит отозваться донцов по поводу того, что г Губин ему сообщил о том, якобы П. Н. Кудинов, по занятии ст. Вешенской большевиками, был председателем револ. комитета.

Зная, что Б. будет собирать и печатать только ему нужные сведения с целью опорочить Кудинова, то я как донец, знающий это дело, спешу сказать всем, кого это интересует, что Кудинов такой должности не занимал и в развале фронта также не причастен. Главным виновником был воспитанник биловского корреспондента ес. Губина — Фомин.

Видимо, г Билый любит собирать слухи. Так вот, кстати, до нас дошел и такой слух, что Билый, будочи казначеем Кубанской Заграничной делегации, хотел присвоить в Париже все ее деньги, члены делегации принуждены были взять Билого буквально за горло, свалить и отнять сумму. Будто была с его стороны и попытка скрыться, но только горец Номитоков, отыскал и приволок его за шиворот. Откликнитесь кубанцы — правда ли это???

Ем. Кочетов (Польша)

Станичник редактор!

Не откажите в любезности поместить на страннцах Вашего журнала ниже следующее мое заявление:

Ровно год тому назад я послал письменное заявление окружному атаману в, к. во Франции А. К. Ленивову о моем уходе как из округа, так из организации „Вольного казачества" и из числа сотрудников журнала „Вольн Каз" В своем заявлении я просил А. К. Ленивова довести об этом до сведения И. А. Билого и отдать соответствующее распоряжение по округу о моём исключении.

Вскоре после моего заявления мне была прекращена высылка журнала „ВК", что я считал вполне в порядке вещей, так как подписчиком на журнал не состоял, а получал авторский экземпляр,

Ввиду того, что в № № „ВК" до № 199 включительно, которые мне удалось увидеть, я нигде не встретил распоря-

жение о моем исключении из ВК., как это делалось в отношении других казаков и, получив ряд писем от вольных казаков, обнаруживающих недоразумение в казачьей среде по поводу непоявления моего имени в печати, я летом этого года послал А. К. Ленивову частное письмо с просьбой: исключить меня официально из округа и из организации и № журнала „ВК“:, где будет напечатано это распоряжение, прислать мне, как документальное доказательство моего исключения.

На это письмо, как и на заявления, я не получил никакого ответа. Выждав ровно год, я вынужден ныне публично об'явить ковсеказачьему сведению, что с ноября 1935 года я не состою ни в организации „Вольное Казачество“, ни в в. к. округе во Франции, ни сотрудником журнала „Вольное Казачество“.

Да бы не было кривотолков по моему адресу, настоящимъ об'являю, что остаюсь попрежнему Донским Казачьим националистом, каким был задолго до появления в свет заграничных казачьих журнальных группировок и печатных органов казачьей национальной идеи. В настоящее время состою в „Ватаге Донской Сарыни“, с девизом которой моя идея не разрывна:

„За Дон, Казачество и Долю,
За Волю, правду и Закон“. . .

С казачьим почтеньем **Петр Крюков**
(литературные псевдонимы: Донской Баян, П. Атаманцев, Б-н)
22 ноября 1936 г. Франция.

Приговор

Мы ниже подписавшиеся казаки ВК. хутора Ермакова в г. Лесковец, на состоявшемся собрании 20-XII-936 года под председательством хуторского атамана Никиты С. Пискунова, произвели перевыборы хуторского правления.

Избранны — следующия лица:

Атаманом:	Подхорун.	Никита С. Пискунов.
Писарем:	казак	Даниил К. Садчиков.
Казначей:	казак	Михаил К. Токарев.
Ревизионная комисия:	казак:	Василий М. Щепетков.
	казак:	Прокофий А. Черкашин.
Члены хутора:		Емельян Ф. Колабухов.
		Тихон П. Гарбуз.
		Николай Н. Шепталов.
		Василий П. Оренбург.
		Яковъ П. Алексеев.
		Иван П. Спирюхин.

Настоящий приговор утверждаю
Окружной Атаман П. Кудинов.
София, 25-XII 939 г.

Из истории казачьей инициативы

Разбирая архивы одной организации, мы нашли любопытный документ о том, какую активность иногда могут проявить казаки из глухих провинций и как эти искры гасятся. Донской сотник М. Борисов написал однажды писмо ген. Краснову, прося его взять на себя инициативу по . . сбору средств на памятник Атаману Каледину в Новочеркасске! И тут же приложил от себя, как первый взнос, целых 500 лева. Ген. Краснов от этой миссии отказался, как частное лицо, и переслал деньги Ат.: А. П. Богаевскому. Последний деньги принял, сотн. Борисову прислал благодарность. Дело на этом видимо, закончилось, ибо история дальше не повествует.

22 ноября Полномочное Представительство Казаков Националистов в Париже устроило публичное собрание, посвященное памяти Почетного Председателя ЦП. ВК-КН, профессора и старейшего казака Ф. А. Щербины. Слово, посвященное памяти покойного, сказали — А. М. Огиенко и Полк. А. Т. Жуков. Затем с речами — воспоминаниями выступали проф. С. Г. Сватиков и присяжный пов. Щирский. Присутствовало много украинцев, грузин, горцев и казаки всех направлений. От украинцев говорил полк. Дубовый. Выступал также и чл. ЦП. Щ. Балинов.

29 декабря Общество Ревнит. Казачества устроило собрание, на котором были произведены перевыборы правления. Старое Правление дало отчет о своей деятельности за истекшее время. Доклад был принят к сведению. В новое Правление избраны: Председателем — Полк. А. Т. Жуков, Секретарем — А. М. Огиенко, Заместителями Председателя — ес. А. Н. Трофимов и А. Л. Лысенков, Казначеем — И. А. Избенко. В. Ревиз. Комиссию — А. Е. Алимов, Я. Ф. Голенов и Ф. А. Онишенко.

Казаки-националисты в Берлине

2-го декабря с. г. состоялся Общий Сбор Общеказачьей Национальной Станицы в Берлине. Обсудив повестку дня, Сбор постановил:

1. Принять в число членов станицый: Протодиакона из казаков станицы Александровской Черкасского Округа В. В. Донского Войскового Старшину Судоплатова; казака Кубанского Казачьего Войска станицы Ново-Николаевской Лабинского Отдела Федора Игатьевича Ткаченко и приписного казака станицы Аксайской Черкасского Округа В. В. Донского Штабс-Капитана Ивана Васильевича Зарубина, всех троих с 1-го октября сего года.

2. Напомнить членам станицы о необходимости погашения членских взносов за прежнее время и приобретения вольно-казачьей литературы.

3. Одобрить инициативу станичного правления об организации казачьих вечеров для обмена мнениями и заслушания докладов по казачьему вопросу.

4. Приближающийся праздник Рождества Христова отпраздновать и на этот раз всей станичной семьей, как и прежде это у нас делалось в каждом году.

Атаман Станицы, Под, есаул: **И. Овсяник**
Помощник Атамана, Хорунжий: **В. Бабич**

Поправка

В № 10 (16) нашего журнала была напечатана статья Я. И. Лопуха под заглавием — „Самостийные шайки“, как ответ на крайне несправедливую нападку на казаков-националистов со стороны редактора „Голоса России“ г. Плавинского.

Редакция „Казакии“ имела приготовленный ответ на этот выпад „ГР“, но в последнюю минуту, получив материал от Лопуха, она свой ответ отставила и послала в издательство статью Я. И. Лопуха, так как он, как человек живущий в Софии, давал более конкретные данные по затронутому вопросу.

Посылая статью Я. И., редакция присоединила к ее концу несколько строк из своего ответа с тем. однако, расчетом, что он Лопух, живущий и в Софии и имеющий непосредственное общение с издательством (редакция же „Казакии“ находися в Чехословакии), увидет свою статью до сдачи материалов в типографию, или даже в наборе и, если будет против этой прибавки, выделит ее из своей статьи.

К сожалению, видимо, этого не случилось и статья напечаталась с нашей прибавкой без ведома автора. Случилось недоразумение, вызванное нахождением редакции и издательства в разных странах.

Настоящим, по желанию ст. Лопуха, охотно исправляем это недоразумение и заявляем, что последние 27 строк, начиная от слов — „Поныткa г. Плавинского“ и до конца, не принадлежат ст. Лопуху, и он за них ответственности не несет. Эти строки нужно рассматривать как примечание к статье от редакции.

Ред.

Сводно-Казачий Хутор в Орлеане

В французском провинциальном городе Орлеане вот уже несколько лет существует Сводно-Казачий Хутор, об'единяющий в своем составе казаков разных Войск, живущих как в самом Орлеане, так и в его окрестностях. Атаманом Хутора состоит И. В. Самойлов. Хутор наш не имеет никакого политического ярлыка, а всех в нем об'единяет дорогое и магическое для всех нас слово — казак.

Нужно отметить, хотя Орлеан находится всего в двух часах езды от Парижа, к нам за все это время никто из казачьего центра не приезжал. Первыми столичными гостями у нас были казаки-националисты.

По приглашению Атамана Хутора, в воскресенье 22 ноября к нам приехали наши казаки А. Л. Лысенков и Ш. Н. Балинов.

Несмотя на большую разбросанность казаков (по всему департаменту Луар), несмотря на неблагоприятную погоду и тяжалые условия тепершней жизни, казаки все, как один человек. слетелись по кличу своего всеми уважаемого Атамана, который проявил много энергии, беспокойства в деле наилучшего приема наших казаков, наших первых дорогих гостей.

Заботами Атамана и усилием всех был быстро организован праздничный обед, во время которого Атаман в теплых словах приветствовал гостей, после чего, казаки, хотя на нес-

колько часов освободившиеся от тяжелых трудов, забывши горечь эмигрантского скитания, предались откровенной задушевной беседе о былом и будущем.

После окончания обеда, официальное собеседование начал А. Л. Лысенков речью на тему „Уроки недавнего прошлого“ I.

Затем станичник Ш. Н. Балинов сказал слово на тему „Казачье национальное движение“ II.

Оба сообщения гостей были выслушаны с большим вниманием. И интерес этот очень понятный, ибо мы, орлеанцы, во всяком случае большинство из нас, впервые слышали подобное и обоснованное сообщение об этом движении.

После сообщений гостей, состоялся оживленный обмен мнений по поводу выслушанного.

Из песни слов не выкинешь. Нужно сказать, что кое-кто проявил неудовольствие по поводу сообщений. Мотивировалось это, главным образом, тем, что докладчики говорили только об одном казачьем движении, а не сделали обзор общего положения в казачьей эмиграции.

Конечно возражающие были правы с своей точки зрения, но правы были и докладчики, которые пропагандируют определенную свою казачью политическую идею и, естественно, совершенно не входило в их обязанность излагать программу и цели других политических течений.

Будем надеяться, что представители этих других казачьих течений не откажутся навестить нас и изложить перед нами свою программу, чтобы мы составили себе полную картину казачьего политического мира.

После окончания официальной беседы, по казачьей традиции, и „возражатели“ и „соглашатели“, об'единились в дружную казачью семью. Заказали новые „чары“, появилась неизбежная казачья песня, пошли в присядку и стар и млад. За горячей дружеской беседой, прерываемой песней и танцами, все просидели еще долго. Поздно вечером все дружно провожали гостей.

Я. Ф-нковъ

Постановление

Мы ниже подписавшиеся казаки Видинской, Национальной имени А. М. Каледина, Стан., собравшиеся 6-го сего декобря 936 г. и ознакомившись с статьей: помещенной в ж. В. К. № 208, под заглавием: „правда или не правда“, где казак Иван Изварин заявляет, что якобы в 1921 — 1922 г. П. Н. Кудинов приезжал в г. Видин и его окрестности и вербовал казаков для возвращения на родину и за каждого вербуемого им получал по 100 лева.

Постановили:

1. Мы казаки Видинской Национальной Каз. станицы горячо протестуем и выносим порицание Ивану Изварину за его гнусную клевету. П. Н. Кудинов в 921—922 году в Видин и его окрестности никогда не приезжал, а следовательно и Иван Изварин видеть его не мог. Это есть гадкая и глупая выдумка.

3. После этого времени, кога П. Н. Кудинов переехал в район г. Видина и больше десяти лет совместно с нами жил и все время состоял членом Видинской станицы, мы не только ничего не замечали, а и ни кто из нас не слышал, что либо подобное. А только можем подвердить, что П. Н. Кудинов всегда и везде был защитником казачьей идеи и первый пионер и поборник национального Движения. Проклят тот негодяй, который бесчестит достойного сына Родины, как это сказал покойный ген. Богаевский, на собрании в 1928 году в г. Видине.

Подписали:

Атаман станицы Игнат П. Коржев
Василий Плешков.
Л. Мильский.
В. Брехов.
М. Меркулов. б. н-к II-й дивизии вос. арм. Верхне Донцов
Н. Лапченков.
А. Гуров.
А. Болдырев.
А. Чумаков.
С. Золкин.
В. М. фамилия неразборчиво

К статье Дронова: „правда“
Из письма Ивана Кривоносова

В журнале „ВК“ написана маленькая заметка сот. А. Дронова куда он впер и меня, что якобы я подтверждал, что Вы в Болгарии вербовали казаков в Советскую Россию. Никаких подтверждений я никому не давал и не имею права давать потому, что в г. Хасково я Вас не видел и разговора поэтому поводу не имел. И так дорогой Павел Наз этими сплетнями В. К. сами дают лишний козырь нашим противникам.

Из жизни казаков в Югославии

25 октября сг. въ Софии состоялся доклад Я. И. Лопуха на тему: „Жизнь казаков и русских эмигрантов в Югославии“. Доклад привлек около ста слушателей, премущественно казаков и украинцев.

Докладчик прожил в Югославии около 9 месяцев, находясь преимущественно в раз'ездах и вращаясь, главным образом, среди казаков. В своем докладе он подчеркнул, что казачество в Югославии, как и в других странах, делится, главным образом, на два лагеря — на единонеделимцев и националистов (самостийников). Первые считают себя русскими, так как верят, что они потомки беглых русских крепостных и преступников, а вторые считают себя потомками особого народа, образовавшегося от смешения особой ветви славян и тюркских народов.

Первые плетутся в хвосте русских организаций, мечтая о „единой и неделимой“, а вторые исповедуют идею возрождения самостоятельного казачьего государства.

Дальше докладчик сообщил, что в Югославии почти нет ни одного государственого или частного учреждения, где не было бы на службе казака или русского эмигранта. Упомянул докладчик о Кубанской дивизии, существующей 16 лет без пополнений, где до настоящего времени часть казаков находится в „строю“ с кирками и лопатами, создавая благополучие начальствующих лиц.

Казачья общественная жизнь в Белграде, по мнению докладчика, оживленней чем в Софии: почти каждый месяц, а иногда два три раза въ месяц, та или иная казачья организация устраивает доклады или собеседования, как о прошлом казачества, так и о жизни казаков в эмиграции,

На одном из таких докладов — вспоминает ст. Лопух — генерал Алферов сообщил очень интересные для казаков сведения:

В 1918 году тогдашнее Сербское правительство предложило Донскому правительству помощь в борьбе с большевизмом присылкой на Дон двух-трех пехотных дивизий. Так как Сербское Правительство не имело перевозочных средств, то Англия согласилась перевезти войска из Салоники в Новороссийск на своих кораблях.

Донским правительством немедленно была организована миссия для следования в Сербию. Миссия возглавлялась генералом Смагиным (от Дон. Прав-ва) и генералом Алферовым (от Дон. Круга).

К несчастью, в это время Донская Армия уже была подчинена ген. Деникину. Следовательно необходимо было обо всем этом поставить в известность Деникина. Так как представитель Сербского Правительства г. Стойкович торопил миссию, то ген. Смагин поехал в Екатеринодар с докладом к Деникину, а остальные члены миссии должны были выехать вслед за ним и, соединившись с Смагиным в Екатеринодаре, ехать дальше в Новороссийск, где их поджидал английский миноносец.

Но перед самым выездом миссии была получена в Новочеркасске телеграмма от Смагина из Екатеринодара о том, чтобы миссия не выезжала. Скоро верунулся и сам ген Смагин и доложил об обстоятельствах дела:

Оказывается, ген. Деникин не разрешил Донской миссии ехать в Сербию, а сорганизовал свою (добровольческую) во главе с князем Трубецким, бывшим посланником в Сербии, который, благодаря своим дипломатическим „способностям“, натворил таких дел, что сербские правительственные круги и слышать о нем не хотели.

В результате так хорошо начатое и верное дело было сорвано. Причины отказа Деникина в разрешении Дону послать свою миссию в Белград, по мнению ген. Алферова, были следующие:

1. Предложение помощи было сделано сербами Дону, а не командованию Доброармии, что особенно обидело Деникина.

2. Безмерное честолюбие и самоуверенность Деникина— „возьмем Москву и без посторонней помощи“.

3. Уверенность Деникина в том, что ему удастся через ген Щербачева добиться согласия сербов на прием его (добровольческой) миссии во главе с Трубецким.

(Думается нам, что не эти именно соображения были главною причиною вмешательства Деникина, хотя они и не

исключаются, а то, что факт помощи Сербии Дону являлся не только признанием самостоятельного Дона, как государства, но и мог повлечь за собою и признание и поддержку Донской республики и другими европейскими государствами и, таким образом, Дон мог выйти на международную арену, политически обособляясь из русского реакционного движения. Если Деникин в политике не был дурак, то именно эти соображения должны были толкнуть его на разрушение самостоятельной связи Дона с Королевством Сербией. Тут вина больше падает на само Донское Правительство, которое подчинило свою вооруженную силу и свою внешнюю политику Деникину, командиру кучки добровольцев без территории и народа. Ред.)

Генерал Алферов сделал и еще одно важное сообщение, которое уже непосредственно касается жизни казачьей эмиграции:

В первое время, по прибытии эмигрантов в Сербию, устроить казаков на землю оказывается было очень легко.

— Я (ген. Алферов), Ф. С. Сушков, А. В. Зверев и М. А. Горчуков получили извещение от покойного Пашича, что в распоряжение казаков может быть отведено огромное, конфискованное сербским Правительством, имение какого-то австрийского графа, на полном ходу с живым и мертвым инвентарем, и с таким количеством земли, что все казаки могли быть хорошо устроены на этой земле. Приняв соответствующие меры, мы (говорит ген. Алферов) стали ожидать извещения, когда можно будет двинуть казаков на землю.

Но вдруг ген. Алферова приглашает г. Янич, тогда бывш. 1-м Секретарем Скупщины и личным секретарем Пашича, и говорит:

— Все пропало!

Не рассказывая много, он предложил ген. Алферову отправиться в Министерство к начальнику аграрного отделения.

— Я немедленно отправился (рассказывает ген. Алферов) к указанному лицу. На мой вопрос о земле для поселения казаков, начальник аграрного отделения достал из ящика письменного стола бумагу и, загнувши заголовок со штемпелем и низ бумаги с подписями, дал мне прочесть эту бумагу и резолюцию на ней: „Казакам в получении земли отказать".

Бумага эта, как мне сказал начальник аграрного отделения, была написана главой одного русского правительственного учреждения и, между прочим, гласила, что „казаки совершенно непригодны для занятия земледелием, а главное, по своим разбойным наклонностям, будут опасны для окружающего сербского населения".

Кто этот подлец — „глава русского правительственного учреждения" — мы не могли узнать официально, но догадывались. Впоследствии выяснилось, что такая „прекрасная" аттестация о казаках была дана потому, что казаки не доложились возглавителю русских организаций, а прошли было мимо, а главное — почему землю казакам, а не „чинам Доброармии" „или просто „русским беженцам".

Тут интересен не тот факт, что русский, что называется, „подложил свинью" казакам, чему не привыкать стать, а то — КАК реагировали на этот подлый и гнусный поступок наши Войсковые Атаманы?

По мнению докладчика (Я. Лопуха) они сочли, что казак, находясь в „строю" с киркой и лопатой и за 20 лет не потеряет военной выправки и молодецкого вида! . . Эти соображения для наших Войсковых Атаманов были важнее благоустройства измученных казаков на землю и предоставления им спокойной нормальной жизни

В заключение своего обзора жизни казаков в Югославии Я. И. Лопух обратил внимание аудитории на научный анализ современнаго международного политического положения генерального политического положеиия генерального штаба генералом Головиным, который находит, что „не может быть и речи о создании единой неделимой России. Можно только ставить вопрос о создании союза самостоятельных государств".

Подкрепляя этот правильный вывод генерала Головина историческим правом казачества на полную самостоятелность Я. И. Лопух видит спасение Казачества только в осуществлении национально-освободительной идеи

Празывая Казачество на путь этой идеи, он повторяет слова казака-члена Донского Войскового Круга: „пригребай к своему берегуі".

Председатель Союза Казаков-Националистов П. Н Кудинов благодарит докладчика за доклад, при дружных аплодисментах всей аудитории.

(соб, кор.)

Трагическая кончина инж. Н. Солодухина

В Бедигоште состоял на службе вкачестве химического руководителя самого большого моравского сахарного завода в течение многих уже лет, инж. Никита Солодухин, кубанский казак, человек с большими специальными познаниями.

Он принял участие в Великой войне и сражался против большевиков до самого конца; эвакуировавшись заграницу; в Чехословакии сначала принимал участие в казачьем хоре, а потом поступил на химическое отделение Политехникума, хотя в России окончил раньше горный институт с титулом инженера. По окончании наук, вскоре нашел месте в заводе, как сахароваренный мастер, а потом руководитель химик. Был очень приятным компаньоном и очаровывал своей мужественной красотой.

Поздно вечером соседи по квартире были встревожены оглушительным выстрелом из комнаты инж. С., проникли в его спальную и нашли его труп в пламени горящей постели, уже обуглившимся. Покойный в припадке тяжелого нервного расстройства, полил кровать спиртом, зажег его и, в тот же момент, прострелил себе голову из охотничьего ружья.

В 40-й день смерти проф. Ф. А. Щербины

6-го декабря в Праге после литургии была отслужена высокопреосвященным Савватием, архиепископом Пражским и всея Чехословакии, панихида по покойному.

После обеда Обшество Изучения Казачества, совместно с иными казачьими организациями, председателем котораго долгие годы, равно как и почетным членом был Ф. А. Щербина, устроило траурное собрание, посвященное памяти покойного, при участие его сына Кандидата математических наук Петербургского университета Григория Ф. Щербины и представителей различных, казачьих, украинских, и иных эмигрантских организаций. Присутствовал и б. Верховный главнокомандующий Украинской армии и Верховный вождь Галицкой украинской армии генерал Омельянович-Павленко старший.

Собрание открыл заместитель председателя О-ва и делегатний сотрудник Ф. А., на поле научном и в казачьей общественной жизни Д-р С. Федоров.

Во всю стену большого зала академической столовой „Наша Хата" основанной еще в 1924 г. в Подебратской Академии кубанцами и украинцами хлеборобами, был распрестерт кубанский шелковый флаг, посредине котораго, на столе, покрытом Вольноказачьим флагом казаков националистов, почетным председателем который был Ф. А., стоял украшенный лентами, с соответственными надписями, большой писанный маслянными красками портрет покойного, работы художника Мако.

Д-ръ Ф. в прочувственном слове вспомянул память покойного председателя, его работу на поле изучения казачества, постоянные заботы Ф. А. о казачестве и последние дии его жизни.

Инж. В. В. Фесенко сделал биографический доклад о покойном, подчеркивая его казачью и научную деятельность.

Инж. В. Г. Глазков охарактеризировал Ф. А. как казака националиста, светоча и проводника младшего поколения борцов за казачье благо в эмиграции.

Почетный член О-ва и правления Мария Васильевна Омельченко, соработница Ф. А. в области социологии, охарактеризировала своего учителя, как казачьего социолога-мьогогранное украшение кубани.

Б. Председатель Кубанской Рады Иван Леонтьевич Макаренко, в пространной речи, указал присутствующим на неутомимую энергию Ф. А. в работе на пользу Кубани и Казачества. Ф. А Щербина — это Кубань, а он богатырь ее духа, воплощение Кубани. Склоняя голову перед величием духа покойного, И. Л. М., обращаясь к портрету покойного, призывал следовать все казачество по стопам его.

Член Рады Д-р А. И. Балабас оттенил особо яркие черты характера и работы Ф. А. в нас прийдут снова на свет и после его смерти и воскреснут во всей могущественности. Председатель Белорусской народной Рады Д-р Захарко выразил кубанцам соболезнование белоруссов в потере Казака, каких мало было на свете и какому завидовали белоруссы, Чествуя Ф. А. как работника своего народа, ведшего его по пути освобождеиия духовного, он преклонялся перед стальной энергией покойного и его работоспособностью.

В заключительном слове председатель Собрания поблагодарил участников, вспомянувших память покойного и выра-

зил уверенность что мы донесем зажженный им веточ на берега Родных Земель казачьих вместе с тленными останками покойного.

После окончания официальной части, друзья и почитатели Ф. А. долгое время еще оставались в ресторане за дружеской беседой.

(сов. кор.)

М. Чирсков (Фр.)

НЕ АНЕКДОТЫ, А ФАКТЫ

11 сего октября нам пришлось присутствовать на сборе Парижской общекачьей станицы и услышать вещи не только интересные с точки зрения казачьей бытовой, но и большой принципиальной важности

Первым разбирался вопрос о взаимоотношений Совета станичных и хуторских атаманов Парижского района с Донским Атаманом. Как известно, это официальное учреждение создано гр Граббе взамен требуемого Донскими Основными Законами Совета управляющих, и оно должно играть роль демократической ширмы, прикрывающей противозаконные и самоуправные акты Атамана. В Париже казаками названному учреждению присвоен титул „Похоронного бюро".

Так или иначе, но это учреждение в течение полугода собиралось, пыталось что-то делать и, в конце концов, пришло к убеждению, что работать с. гр. Граббе нет никакой возможности, ибо никакое мнение, никакое постановление Совете Атаманов не принимаются ни к сведению, ни к исполнению, и все совещания кончаются обычным, очень комическим жестом: Граббе в решительный момент схватывает шляпу и пальто и обращается в бегство!

Совет этот создан из людей далеко не оппозиционных, а очень покладистых, даже в некоторой своей часты склонних ко „падам до ног", как выражаются поляки. Но и в таком составе он решил подать в отставку, вследствие чего Станичный Атаман Гайдуков и поставил этот вопрос на обсуждение сбора, заявил, что дальнейшую свою работу в Граббевском Совете он считает никчемной.

Разгоревшиеся прения, как всегда, вскрыли довольно неприятные стороны, к сожалению. присущие и нам, казакам. В то время, как большинство сбора стояло на принципиальной и об'ективной точке зрения, небольшая группа, из за личной заинтересованности и личных отношений к Станичному Атаману, повела интригу и обструкцию, лишь бы насолить не симпатичному им лицу обычный уровень сознательности для политиков с хутора „Опенкина", со всей присущей им заборной фразеологией. Один старый „юрист", в своем усердии перед патеоном (он тоже член Граббевского совета), договорился до того, что совет не подавал в отставку, а просил об его роспуске. „юристу" этому совершенно резонно было указано, что тут разницы нет никакой не „умер бачка, задавила болячка".

В конце концов, станичный сбор постановил отозвать своего атамана из названного выше совета. Донского же Атамана вновь просить о неуклонном исполнении донских законов и традиций.

Следующим шел вопрос еще более интересный, не менее пикантный, и в своем содержании широким казачьим кругам совершенно неизвестный. Все мы знаем, что беженцы в некоторых странах обложены особым нансеновским сбором. Во Франции они платят по 25 франков указанного сбора при получении документа о личности (карт д, идантитэ). Половина этой суммы, т. е. по 12½ фр., Женевским Оффисом выдается Русскому Комитету в Париже для помоши вежанцам. В 1935 году этим Комитетом распределено было более четырехсот тысяч фр. между шестидесятью русскими организациями; при чем, казаки не получили ни одного франка, а между тем, считая их число во Франции в десять тысяч человек, они уплачивают в два года (документ о личности выдается на два года) 250 тыс. фр. и имеют право, таким образом, получить 125 тыс. фр., или в год 62½ тысячи. Ни покойный Богаевский, ни гр. Граббе никаких попыток для получение этих денег не делали. Последний, правда, такую попытку предпринимал, но скорее с целью получить лично для себя, вероятно, для своего переезда в Югославию, куда он на днях собирается уехать.

Кстати заметим, что предстоящий переезд гр. Граббе из Франции, помимо пикантности, имеет некоторое симптоматическое значение, подтверждая существующий взгляд, что на Западе Европы и международное положение, а в некоторых странах и внутреннее, чрезвычайно тревожное. Мы говорим о симптоматическом „жесте" Граббе в том смысле, что у людей этого класса в высокой степени развито особое шестое чувство — опасности, что они доказали еще в России, когда первыми бросили и царский режим, столь их ласкавший, и самого царя, и бежали заграницу, чем вызвали далеко недвусмысленную характеристику несчастного Императора, записавшего в своем дневнике: „всюду подлость и измена".

В нынешнем году Парижская Станица возбудила ходатайство перед Русским Комитетом об отпуске ей для помощи бедным согражданам средств из Нансеновского сбора. Ее примеру последовала Калмыцкая Станица и еще три казачьи организации, в числе коих и Дамский Комитет, под председательством графини Граббе, жены Атамана. (Организация ничтожная, никого не представляющая и больше, чем наполовину, состоящая из неказачек).

Русский Комитет отпустил 1500 фр. на эти пять организаций, а впоследствии еще столько же, поручив их распределить Донскому Атаману, а последний, в свою очередь, передает этот вопрос в Комиссию под председательством ген. Позднышева. Комиссия решает (свои люди!) передадать эти деньги Дамскому Комитету. Так как такое решение является совершенно неправильным и несправедливым, нарушающим законные интересы станицы, представитель ее опротестовал его, требуя равномерного распределения денег между пятью организациями. Станичное правление одобрило действия своего делегата и подтвердило свое требование о выделении станицей причитающейся ей пятой части из отпущенных сумм. Однако. деньги Атаманом переданы в распоряжение Дамского Комитета, состоящего из пяти дам, в большинстве неказачек, под председательством атаманши.

Парижская станица, первая начавшая хлопоты об отпуске денег, ничего не получила, а Дамский Комитет израсходвал вмиг все деньги — и цыфрами в 100—200 фр. на одно лицо, в то время, как в Парижской Станице, как и в других, имеются крайне нуждающиеся казаки, коим и 20 фр. было бы большой помощью.

Нужно заметить, что в первую голову удовлетворены были близкие родственники дам, членов Комитета, как например студент Ноздрин, брат мужа г-жи Ноздриной, казначейши Комитета, получивший 100 фр. и одновременно получающий попособие и из студенческой организации. Нелишне заметить, что пятичленный Дамский Комитет ни перед кем не отчитывается и деятельность его никакому контролю не подлежит!

Не анекдот, а факт.

И так 60 русских организаций получили более 400 тысяч фр. в 1935 году, в нынешнем году почти столько же, а казаки получили нуль. Что это за организации русские? Скауты, разведчики, какие то пятницы, сестричества и пр. и пр.

А казачьи? — станицы, хутора, Союзы комбатантов, инвалидов и пр. Как будто есть разница в отдельном весе между теми и другими — и немалая и в пользу организаций казачьих.

Так вот, казаков самостийников такое отношение российских верхов к „братьям" казакам. которых они стремятся снова уловить в свои сети, не удивляет, но казакам единонеделимцам изложенные выше факты не мешает обмозговать.

Попутно на сборе выяснилось очень тяжелая картина нравов, существующих среди некоторой части нашей общественности. Мы считаем нужным эти язвы вскрыть, ибо единственное средство для оздоровления таких нравов — это их оглашение на суд общественного мнения.

Когда правление Парижской Станицы повело борьбу за свое право, член этого правления, он же и писарь, есаул Ноздрин, не имея поручения присутствовать в Комиссии ген. Позднышева (делегатом был Войск. Старшина Лагутин), явился туда самовольно и повел агитацию за передачу денег Дамскому Комитету, где его жена состоит казначеем, при содействии которой потом выдано было, вопреки справедливости, брату Ноздрина, студенту 100 фр.!

Когда сделалось известным поведение писаря Ноздрина, станичное правление, глубоко возмущенное действиями своего сочлена, направленными во вред станицы, сурово их осудило и написало Донскому атаману письмо с раз'яснениями неправильности в направлении дела о пособиях. Текст письма, тут же составленный и правлением одобренный, был для немедленной переписки вручен писарю Ноздрину, который сейчас его на машинке напечатал и предложил правлению для подписи, рассчитывая, что бумага будет подписана не читанной. Совершенно случайно один из членов правления, редактировавший письмо, проверил работу писаря и правленин увидело, что составленный им текст, у него перед глазами, Ноздрин изменил в желательном для него смысле, т. е. учинил подлог . . .

Естественно, что после такого поступка Ноздрину оставалось только подать в отставку.

Подобрав небольшую компанию из родственников, он-то на сборе и явился с нею тем разлагающим элементом, о котором мы говорил выше.

М. Чирской

(От редакции: Казаки-Националисты в „выборах" Донского Атамана не участвовали, графа Граббе таковым не почитают, его политическое поведение и „полезная" деятельность нас ни в какой мере не интересуют. Настоящий отчет о сборе Парижской станицы мы помещаем по просьбе заинтересованных лиц, естественно, возлагая на автора ответственность за точность изложенных фактов.).

— В гор. Бургасе в державной больнице умер хорунжий Григорий Федорович Сипкин станицы Бурацкой. В.В Д. Покойный окончил Новчеркасское военное училище.

Мир праху твоему дорогой брат, поборник Казачьей свободы!

Родители с Кубани просят сообщить адреса Андрея фед. Петренко и Александра Ив. Маслова (можно в Прагу на адрес д-ра С. Федорова).

Казачья национальная станица в Бургасе, Болгария, в день праздника Покрова Бородицы 14 окт. 1936 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический и информационный журнал

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес.:	на год.	отдельн. номера
Во Франции	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Стыдитесь Донцы, вылившие грязь на есаула Сафонова! Ваша подлая клевета к чистой душе Сафонова не пристанет. Расчитаемся мы с вами не любезностью и звонкой монетой, а кровью.

П. Кудинов

2020146825